А. Овчинников

ГЛАВНЫЙ ДЕТСКИЙ ДОКТОР

Г.Н. Сперанскому посвящается...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена основоположнику отечественной неонатологии, одному из инициаторов и активных строителей советской системы охраны материнства и младенчества, организатору и руководителю первого отечественного научно-исследовательского учреждения в области педиатрии Георгию Несторовичу Сперанскому.

Внук Г. Н. Сперанского, профессор-медик А. А. Овчинников описывает личную и бытовую жизнь выдающегося ученого и клинициста, соприкосновение её с трагическими коллизиями в истории России. Не только ученые-медики, врачи-педиатры, но и широкий круг читателей, интересующихся историей нашей страны, получит удовольствие от зарисовок труда и быта талантливого детского врача в 20–50-х годах прошлого столетия.

- А. Овчинников
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ От автора
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Глава 13
  - ○ Глава 14
  - ○ Глава 15
  - ○ Глава 16
  - ○ Глава 17
  - ○ Глава 18
  - ○ Глава 19
  - ○ Список цитируемых литературных источников

А. Овчинников
Главный детский доктор. Г. Н. Сперанскому посвящается…

© Овчинников А., 2009
© Союз педиатров России, 2009
© ООО «М-Студио», 2009

Предисловие

Говоря об истории отечественной педиатрии, мы, прежде всего, вспоминаем имена трех её исполинов – С. Ф. Хотовицкого, Н. Ф. Филатова и Г. Н. Сперанского. Первый выделил педиатрию как самостоятельный предмет изучения и преподавания, второй заложил её научные основы, третий был идеологом и одним из организаторов профилактической, государственной системы охраны здоровья детей.

Хотел бы напомнить о пяти выдающихся заслугах третьего исполина – Георгия Несторовича Сперанского. Он – основоположник отечественной неонатологии, один из инициаторов и активных строителей советской системы охраны материнства и младенчества, основоположник научного направления по изучению физиологии и патологии детей раннего возраста, организатор и руководитель первого отечественного научно-исследовательского учреждения в области педиатрии; благодаря научным трудам Г. Н. Сперанского и его учеников в нашей стране на порядок была снижена младенческая смертность.

Теперь задам фактически риторический вопрос: нужно ли нам знать, быть знакомыми с личной жизнью выдающегося ученого? Конечно же, да! Ибо, с одной стороны, истоки успеха ученого лежат в особенностях его воспитания и характера, условий и образа жизни, а с другой стороны, его жизнь – почти всегда пример великого трудолюбия, порядочности, честности, верности семье, долгу, Отечеству.

К сожалению, в научных монографиях о жизни и деятельности выдающихся ученых сведения об их личной жизни – о детстве, родителях, семьях, быте, увлечениях, знакомствах и т. д. и т. п. – обычно представлены весьма скупо. И это понятно. Ибо о научном творчестве ученого говорят его труды, об общественной, профессиональной и педагогической деятельности – архивы, юбилейные статьи и некрологи, воспоминания сослуживцев и учеников. Что же касается личной жизни, то о ней, с известной мерой объективности, с милыми подробностями о характере и привычках ученого, его отношении к людям вне профессии, могут написать только близкие, жившие с ним бок о бок долгие годы. Но они, как правило, не имеют склонности к писательству, а написавшие воспоминания могут не найти издателя или средств к изданию своих воспоминаний.

Такой ситуации, к счастью, теперь избежит биография великого российского педиатра. Внук Г. Н. Сперанского,

профессор-медик А. А. Овчинников написал замечательную, на мой взгляд, книгу о своем деде. Замечательна она тем, что во всей полноте показывает личную и бытовую жизнь выдающегося ученого и клинициста, соприкосновение её с трагическими коллизиями в истории России. Думается, не только ученые-медики, врачи-педиатры, но и широкий круг читателей, интересующихся историей нашей страны, получит удовольствие от зарисовок труда и быта талантливого детского врача в 20–50-х годах прошлого столетия. Наконец, замечателен, я бы даже сказал, бесценен, фоторяд. Какие лица! Вглядываешься в них и понимаешь, почему трагический XX век не смог погубить Россию.

Книга издана Союзом педиатров России. Во-первых, этим в какой-то мере отдан долг тому, кто стоял у истоков создания Всесоюзного Общества детских врачей и в течение четверти века его возглавлял. Во-вторых, дан богатейший материал будущим авторам научной биографии Г. Н. Сперанского, которая, к сожалению, до сих пор не написана. В-третьих, это будет подарком делегатам XVI съезда педиатров России (февраль 2009 г.) и 4-го Европейского Конгресса педиатров, который состоится впервые в нашей стране в июле 2009 г.

Председатель Исполкома Союза педиатров России,

академик Российской академии медицинских наук,

профессор А. А. Баранов

От автора

Он стар, он сед… но как прекрасен!
Каким огнем глаза горят!
Как проницателен и ясен,
Как смел его орлиный взгляд!..
Как разговор его блистает
Любезностью, умом живым,
Как он доверие внушает
Приветом ласковым своим!

Гр. Растопчина

Мой дед Георгий Несторович Сперанский, «главный детский доктор», как его называли в народе, прожил огромную, плодотворную и очень не простую жизнь. Он родился и поступил в гимназию при Александре II, учился на медицинском факультете Московского университета во время царствования Александра III, получил диплом врача и стал работать детским доктором при Николае II. Революцию он встретил, будучи уже опытным педиатром и зрелым 44-летним человеком. Через месяц после смерти Ленина ему исполнился 51 год. Академиком он стал при Сталине, ко дню смерти которого ему уже минуло 80 лет. Золотую звезду Героя Социалистического Труда ему вручал Хрущев, а когда генсеком стал Брежнев, деду было уже 93 года. Умер он в возрасте 96 лет, пережив трех царей и четырех коммунистических лидеров, четыре войны и две революции, репрессии тридцатых годов и оттепель шестидесятых и вылечив за свою долгую жизнь несметное число детей разного возраста из различных социальных слоев. Потом он лечил детей своих повзрослевших пациентов, их внуков и правнуков. Его считали своим доктором и спасителем люди по меньшей мере четырех поколений.

У деда была большая семья, но мне единственному из шести его внуков и внучек, посчастливилось прожить вместе с ним более 30 лет, от моего рождения в 1937-м до его смерти в 1969 году. К сожалению, в молодости мы часто бываем глупы и недальновидны. В школе, будучи активным пионером-ленинцем, как все дети того времени, я был поглощен интересами своего класса и пионерской организации, а затем, став

старшеклассником и студентом, окунулся в мир спорта, учёбы и первых романов и поэтому не проявлял должного внимания к своему деду, мало интересуясь его жизнью. Повзрослев, я несколько раз попытался спровоцировать деда на воспоминания и записать их на магнитофон. Но толку из этого не получилось. С одной стороны, занятый своими проблемами, я был недостаточно настойчив, а с другой – дед не очень любил вспоминать и записывать события своей жизни. Возможно, причиной этого были те страшные годы, когда за высказанную правду можно было запросто сгинуть в лагере. Кроме того, он был очень занятым человеком и, целиком посвятив себя медицине, старался не тратить своё время попусту. Мне удалось найти лишь короткие записки, сделанные дедом во время Великой Отечественной войны и после неё. Кое-что о своей жизни он рассказал Ольге Алексеевне Чумаевской, которая тридцать пять лет тому назад, в 1973 году, опубликовала небольшую брошюру о Г. Н. Сперанском. Зато у меня сохранились старые альбомы с множеством фотографий, собранных дедом в разные годы, и его комментарии ко многим из них. Эти пожелтевшие снимки позволили воссоздать некоторые эпизоды из жизни деда, бабушки и окружавших их людей.

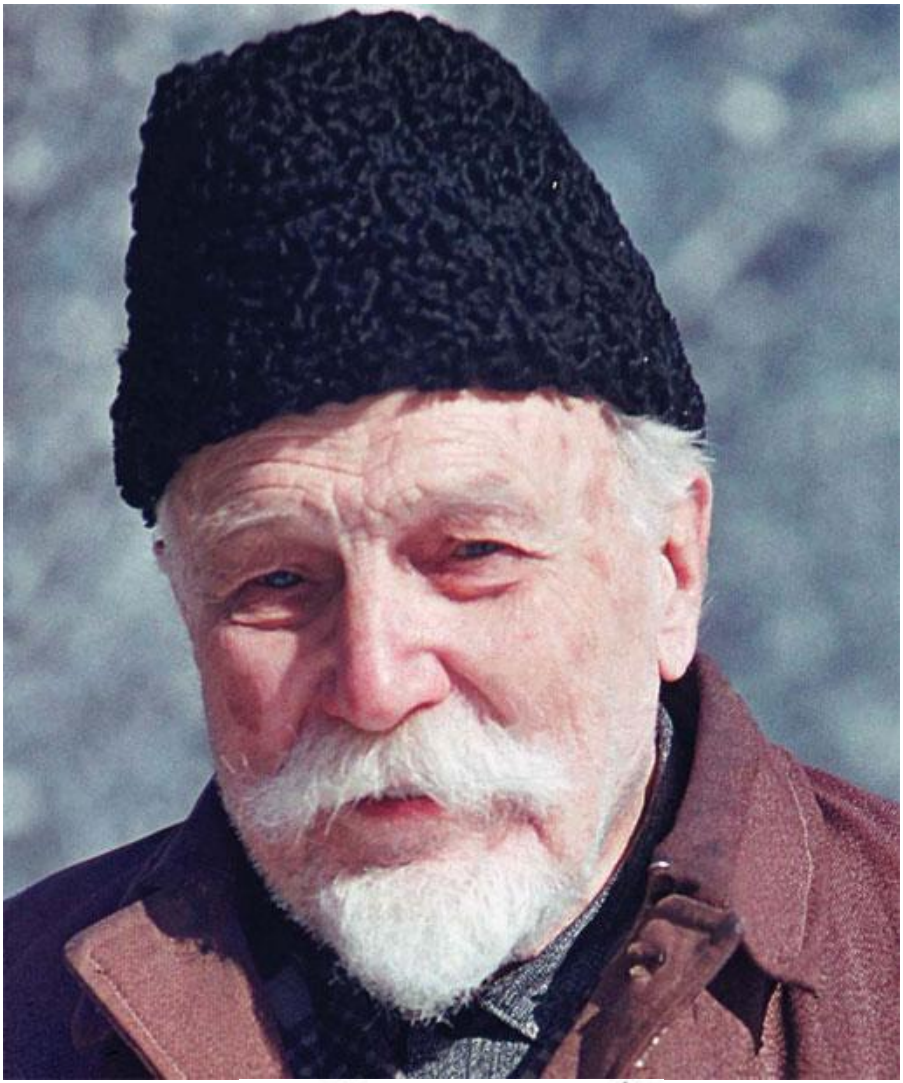
Я, как и мой дед, стал медиком, и в течение 12 лет учился и работал на кафедре детской хирургии в том же институте, где дед заведовал кафедрой педиатрии. Тем не менее я бывал на его обходах и лекциях лишь считанное число раз и потому не могу подробно описывать профессиональную работу Г. Н. Сперанского. За меня, к сожалению очень кратко, это сделали Ольга Алексеевна Чумаевская и, отчасти, Вячеслав Александрович Таболин. Кроме того, мне попались короткие печатные и рукописные воспоминания о Георгии Несторовиче его коллег, пациентов и учеников, посвященные различным датам его жизни (А. И. Баландер и М. Я. Пуковская, М. М. Райц, В. А. Жорно, С. Г. Звягинцева, Е. М. Фатеева, В. А. Таболин и Ю. Е. Вельтищев, С. Н. Куманина-Декапольская). Выдержками из этих воспоминаний я позволил себе воспользоваться, естественно, ссылаясь на авторов, большинства из которых уже давно нет на этом свете. Я не ставил перед собой задачу осветить историю становления советской педиатрии, хотя совсем не касаться этого вопроса было невозможно, так как мой дед был связан с ней самым тесным образом. Прежде всего мне хотелось рассказать о Георгии Несторовиче и его жене Елизавете Петровне как о моих дедушке и бабушке, с которыми я на протяжении многих лет встречал каждое утро и каждый вечер садился ужинать дома в Москве или на даче в Деденеве и с которыми провел в путешествиях на юг и в

Прибалтику немало летних месяцев. Мне казалось важным написать также и о семье Сперанских, и о людях, которые их окружали, так как без этого трудно создать живой образ человека.

Теперь, на склоне лет, я всё чаще вспоминаю о своём деде. Я остался перед ним в долгу за счастливое детство и юность, за выбор любимой профессии, за всю мою благополучную жизнь. Свой долг, хотя бы частично, я попытался оплатить этой книгой.

Алексей Овчинников

Рис. Андрея Крылова



Глава 1
Род Сперанских. Рождение Гони Сперанского

Моя мать, Наталья Георгиевна, была младшей дочерью Георгия Несторовича Сперанского, в семье которого я и вырос. Фамилию «Сперанский» носили, как правило, лица духовного происхождения, и основой её был латинский глагол «spero» – надеяться, так что в русской транскрипции она соответствовала фамилии «Надеждин» или «Надеждинский». Сразу замечу, что к знаменитому графу М. М. Сперанскому, другу и советнику Александра I, род моих предков никакого отношения не имел. Мой дед оставил после себя несколько альбомов семейных фотографий, ряд документов и очень короткие, отрывочные воспоминания, из которых мне известно, что его дед, Михаил Алексеевич Сперанский, был священником в церкви Св. Ермолая на Садовой-Кудринской улице в Москве. У Михаила Алексеевича Сперанского было пять сыновей и три дочери, и только один из сыновей, Василий, пошел по стопам отца. Он был священником в нескольких московских церквях. В «Воспоминаниях» книгоиздателя М. В. Сабашникова (1871–1943) священник Василий Михайлович Сперанский упоминается в качестве настоятеля церкви в Сетуни [1]. Затем он служил в церкви «Большое Вознесенье» на Малой Никитской, известной тем, что в ней венчался Пушкин. Позже он стал настоятелем церкви «Успения на Вражке» в Газетном переулке, построенной в 1860 году на средства нашего дальнего родственника, Сергея Афанасьевича Живаго, дяди моего прапрадеда по отцовской линии Василия Ивановича Живаго. По воспоминаниям другого моего дальнего родственника, врача и путешественника Александра Васильевича Живаго (1860–1940), «…торжественность службы, благочиние, порядок и чистота… сделали этот храм излюбленным не только для прихожан, но и для весьма многих аристократических семейств Москвы. Обедни начинались поздно, пение было превосходно, нередко в числе певцов здесь слушали выдающихся оперных артистов, и Газетный переулок бывал запружен экипажами, свозившими сюда богомольцев даже с далеких окраин широко раскинувшейся Первопрестольной. Замечу, кстати, что, когда хоронили почившего отца настоятеля Василия Михайловича, съезд почитателей его был так велик, что далеко ещё не все сели в экипажи при выходе из церкви, когда

головной конец с гробом почившего уже был на пересечении Кузнецкого Моста и Большой Лубянки…» [2]. Василий Михайлович был очень образованный человек с философским уклоном. Он оставил после себя интересные записки, которые были переданы одним из его племянников для хранения в Исторический музей. Старшие сыновья Василия Михайловича, Александр Васильевич и Николай Васильевич, химик и историк, были учителями и друзьями братьев М. В. и С. В. Сабашниковых, и сведения об их жизни, научной и педагогической деятельности я также смог почерпнуть в воспоминаниях М. В. Сабашникова.

Отец моего деда, Нестор Михайлович, был третьим по старшинству среди многочисленных детей Михаила Алексеевича Сперанского. Он родился 24 февраля (по старому стилю) 1827 года и после окончания семинарии, как сказано в аттестате, «освободился от духовного звания». В 1845 году после соответствующего экзамена поступил в Московский университет на медицинский факультет. Окончил его он в 1850 году и был утвержден в степени лекаря и звании уездного врача, что подтверждается хранящимися у меня документами, выданными Московским университетом за подписью ректора Аркадия Альфонского и декана Николая Анке.

В том же году, согласно его воинскому аттестату, Нестор Михайлович поступил на военную службу батальонным лекарем в «Гренадерский, Его Королевскаго Высочества Принца Евгения Вюртембергскаго» полк. В 1853–1856 годах он принял участие в Севастопольской кампании и был в походе против союзников в Крыму, находясь при сосредоточении войск в окрестностях Перекопа в 1855 году, Симферополя и Карасу Базара – в 1856 году. В мирное время вместе с различными полками, в которые его неоднократно переводили «по воле начальства», он путешествовал по различным городам и селам царской России, что тогда бывало почему-то очень часто. Военные части помещались по прибытии в казармах, если последние были в том или ином городе, или же в частных домах. Мой дед вспоминал, что в детстве ему приходилось нередко видеть на воротах некоторых домов небольшие жестяные вывески с надписью «свободен от постоя». Это значило, что в этом доме не могут быть помещены военные по прибытии воинской части в тот или иной населенный пункт. Своего дома у лекаря Сперанского никогда не было.

В 1873 году Нестор Михайлович вместе с семьёй, состоящей из жены, Александры Егоровны, урожденной Знаменской (1840–1916), и двух детей – Николая и Михаила, жил временно в доме своего отца около церкви на Садовой улице. Это был небольшой

деревянный дом, какие строились обыкновенно при церквях для причта. В мезонине этого дома 7 (19 по новому стилю) февраля 1873 года родился мой дед. Вскоре после рождения третьего сына Нестор Михайлович должен был поехать вместе с 1-м драгунским полком, где он в то время служил, в город Кашин Тверской губернии. Через два года оттуда он был переведен в Тверь, и там семья Сперанских прожила больше десяти лет. «Мы поселились, – написал в своих воспоминаниях дед, – в небольшом деревянном доме с мезонином на Солодовой улице, которая находилась на окраине города и одним концом выходила на шоссе, ведущее к вокзалу бывшей Николаевской, а теперь Октябрьской железной дороги». Дед показал мне этот дом в 1959 году, когда мы ездили с ним на машине в г. Калинин, как тогда называлась Тверь. Судя по старым фотографиям, город очень мало изменился за 85 лет!

Из этого дома Нестор Михайлович уехал на Русско-турецкую войну. Отъезд отца на войну и его возвращение дед описал в своих воспоминаниях: «Я отлично помню 1 августа 1877 года, когда отец, живший с нами в Твери и работавший в качестве старшего врача драгунского полка, отправлялся на Русско-турецкую войну и прощался с семьей. Он подводил каждого из сыновей к иконе, висевшей в зале, благословлял и целовал. Старшему брату Николаю в это время было уже около 17 лет, брату Михаилу было около 14 лет и мне было 4 года. Я помню фигуру матери, которая со слезами на глазах смотрела на эту сцену. Эти необычные действия отца и слезы матери произвели на меня глубокое впечатление, не изгладившееся до сих пор. Остался у меня в памяти и этот зал, и большой цветок филодендрон с крупными прорезными листьями, который стоял в этом зале». По данным своего аттестата, Нестор Михайлович во время военных действий «состоял в Каларажском отряде на Дунае, против крепости Силистрии, в Ольшеницком отряде против крепости Туртукай. По прибытии в деревню Магалу, поступил в состав войск осаждавших город Плевну. После падения Плевны вошёл в состав отряда, оборонявшего Шипку под начальством генерал-лейтенанта Радецкого». В последнем периоде кампании «под командованием генерал-лейтенанта Скобелева 2-го, 28 декабря 1877 года участвовал в сражении под Шейновым и Шипкой. Состоял в 1-м кавалерийском отряде при наступлении от Казанлыка к Адрианополю» и в других местах известных сражений.

Спустя год Нестор Михайлович вернулся. «Возвращение отца с войны, – написал дед, – запечатлелось в памяти в виде какого-то радостного события: отец вошел в парадное крыльцо нашего дома, вслед за ним вошел денщик, который был с ним на войне, у

ворот стояла телега, нагруженная вещами, которые тоже были с отцом на войне. Среди этих вещей был железный складной стул, который отец возил с собой в походы… Затем, помнится, в этот же день шли войска, которые проходили по улицам, а на улицах стояли столы, покрытые скатертями и уставленные всякой едой и питьем – тверские жители радостно встречали возвратившихся с войны солдат. В памяти остались мотив и слова песни, которую пели солдаты, возвращавшиеся в Тверь:

«Вспомним, братцы, как сражались
Мы под Шипкой в облаках…»

За участие в военных сражениях и долгую, честную службу Нестор Михайлович был награжден орденами Св. Владимира III и IV степени с мечами, Св. Анны II степени, Св. Станислава II степени с Императорскою короною и III степени, бронзовыми медалями за кампании 1853–1856 и 1877–1878 гг., Румынским железным крестом. В 1889 году он по выслуге лет вышел в отставку, но остался членом «Бесплатной лечебницы военных врачей в Москве» и продолжал в течение ряда лет прием больных, получил звание почетного члена этой лечебницы и в 1906 году – чин действительного статского советника.

Нестор Михайлович, по словам деда, был очень добрым, скромным, сердечным человеком, безукоризненно честно относившимся к принятым на себя обязанностям, склонным видеть только хорошее во всех людях, имевших с ним дело. Он интересовался художественной литературой, много читал, любил природу, был несколько застенчив и молчалив в обществе. Свои качества и способности он определенно недооценивал. Долголетняя семейная жизнь его протекала вполне счастливо. В 1909 году Нестор Михайлович и Александра Егоровна отпраздновали свою золотую свадьбу, и только потеря дочери, умершей пяти лет от туберкулезного менингита, и старшего сына, погибшего от острого аппендицита, были тяжелыми событиями в их жизни. «В нашей семье, – написал дед, – никогда не было, по крайней мере на моей памяти, ссор, никогда не применялось никаких наказаний детей…».

Нестор Михайлович скончался в Москве в 1913 году в возрасте 86 лет. За четыре года до этого, 26 октября 1909 года, он написал письмо-завещание, в котором распорядился о своих похоронах и о своём небольшом капитале и закончил его следующими словами: «…Простите меня по-христиански, молитесь за мою грешную душу, поминайте, или хоть вспоминайте меня, живите дружно и любите друг друга, как

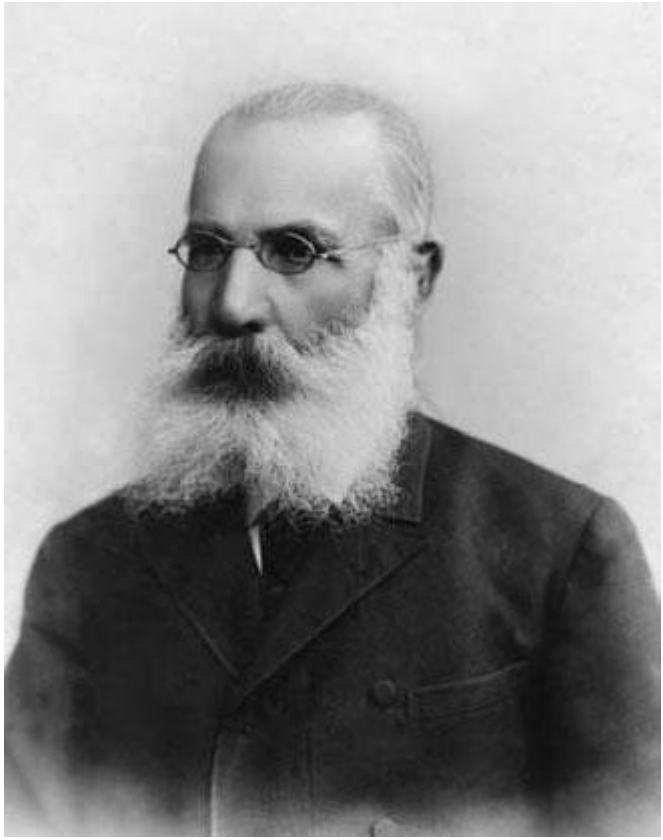
любил Вас Нестор Сперанский». Похоронен он был, согласно его пожеланию, на Дорогомиловском кладбище, на месте которого сейчас находится гостиница «Украина».

Михаил Алексеевич Сперанский, протоиерей церкви Св. Ермолая на Садовой улице в Москве

Сыновья Михаила Алексеевича Сперанского. **Сверху**: военный лекарь Нестор Михайлович. **Снизу**: священник Василий Михайлович

Нестор Михайлович Сперанский-

Александра Егоровна Сперанская, урожденная Знаменская



Нестор Михайлович Сперанский (1827–1913 гг.)

Александра Егоровна Сперанская (1840–1916 гг.)

АТТЕСТАТЪ.

№ 880.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, сыну Священника, Нестору Сперанскому, въ томъ, что онъ, въ Январѣ мѣсяцѣ 1845 года, по увольненіи его изъ духовнаго званія, принятъ былъ, по экзамену, въ число Студентовъ сего Университета, гдѣ при *отличномъ* поведеніи, окончилъ курсъ по Медицинскому Факультету, на казенномъ содержаніи, и за оказанные имъ *удовлетворительные* успѣхи, опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта, 7 сего Іюня состоявшимся, утвержденъ въ степени *Лѣкаря*. Данъ въ Москвѣ. Іюня 20 дня 1850 года.

Ректоръ Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Аркадій Алексѣевскій

Деканъ Медицинскаго Факультета, Статскій Совѣтникъ Николай Анке.

Секретарь Совѣта Алексѣй Миларовъ

У сего Аттестата ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Московскаго Университета печать.

Нестор Михайлович и Александра Егоровна с сыном Колей (1861 г.)

Александра Егоровна, с сыновьями: Михаилом (стоит), Николаем (сидит справа) и Георгием (сидит внизу) (Июль 1877 г.)

Тверь. Дом на Солодовой улице, в котором более 10 лет жили Сперанские

Николай Несторович Сперанский (1860–1908 гг.)

Михаил Несторович Сперанский (1863–1938 гг.)

Глава 2
Детство и юность Гони Сперанского. Переезд из Твери в Москву. Знакомство и дружба с семьёй Филатовых

Итак, местом рождения моего деда была Садовая-Кудринская улица Первопрестольной, где-то невдалеке от теперешнего американского посольства. Первой воспитательницей деда, по его словам, была младшая сестра его матери, Анна Егоровна, старая дева, жившая в семье Сперанских. Она же учила его первой азбуке. Далее дед вспоминал: «А для надзора за мной у нас всегда был вместо няньки денщик, который ходил со мной гулять, занимал меня. Эти денщики одно время довольно часто менялись, но один, которого почему-то звали Иваном, хотя на самом деле он был Сидор Красномясов, жил у нас долгое время. Он был плотник и столяр и у него и мои старшие братья, и я учились столярному мастерству. Мы все понемножку этим делом занимались. По-видимому, любовь к столярному ремеслу во мне была заложена этим самым денщиком Иваном».

Гоня Сперанский, как тогда звали деда, начал свою учебу в Твери, где проучился до третьего класса, а в 1885 году его отца перевели в Москву. Там Сперанские сняли квартиру в небольшом двухэтажном доме на углу Ружейного переулка и Смоленского бульвара. В Москве Гоню приняли в третий класс 2-й Московской прогимназии. Здесь не всё было гладко: инспектор прогимназии невзлюбил горячего и самолюбивого мальчика и часто наказывал его, а ссора с учителем греческого языка явилась причиной того, что его оставили в четвертом классе на второй год. В 1888 году ему удалось перевестись в 5-ю мужскую гимназию, где учение наладилось. Директором этой гимназии в то время был профессор греческого языка Московского университета А. Н. Шварц, который впоследствии стал министром народного просвещения. По словам деда, он был «прекрасный преподаватель, но весьма резкий в обращении с гимназистами». Особенно хорошо Гоня успевал по математике и физике. В пятом классе гимназии он даже взялся подготовить по этим предметам ученика в третий класс реального училища. Химию, которой в классической гимназии уделяли значительно меньше времени, они решили изучать совместно.

В гимназии Георгий познакомился и подружился с братьями Филатовыми – Николаем и Всеволодом и стал бывать в их доме. Их отец, известный детский врач Нил Фёдорович Филатов (1846–1902), оказал большое влияние на выбор профессии Георгия и его дальнейшую жизнь. Дело в том, что, увлекаясь в старших классах математикой, по окончании гимназии он колебался, поступить ли ему на медицинский или математический факультет. В доме Филатовых на Девичьем поле, который стоял недалеко от Хлудовской детской больницы (теперь детская клиника ММА имени И. М. Сеченова), и на их Кунцевской даче собиралось много молодежи, было шумно и весело. Нил Фёдорович был очень общительный и разносторонний человек, любящий литературу, искусство и спорт. Это привлекало к нему людей, среди которых были профессора университета, артисты Малого театра и, особенно, студенческая молодежь. «Как живо я вспоминаю сейчас, – писал Георгий Несторович в 1952 году в статье, посвященной памяти Н. Ф. Филатова [3], – своё общение с этим суровым и даже резким на первый взгляд, но по существу добрым и обаятельным человеком! Первый раз я увидел его зимой 1890 года. Нил Федорович показался мне тогда очень суровым. Это впечатление рассеялось, когда спустя полтора года мне приходилось часто бывать у Филатовых на даче в Кунцеве. Нил Фёдорович приезжал туда к вечеру, усталый после долгого трудового дня. Несмотря на усталость, он с большим увлечением играл с молодежью в городки, а потом устроил первую теннисную площадку, что было тогда новинкой. С тех пор моя связь с этой замечательной семьёй всё укреплялась». Близкое знакомство с таким человеком не могло не сказаться на решении Георгия Сперанского при поступлении в университет. Он выбрал медицинский факультет.

Георгий Несторович начал свою учёбу в Московском университете в 1893 году, когда на медицинском факультете на всех кафедрах преподавали выдающиеся профессора: А. А. Остроумов, Н. Ф. Филатов, Г. А. Захарьин, С. С. Корсаков, А. А. Бобров, И. М. Сеченов, В. Ф. Снегирев, А. Я. Кожевников. Обо всех своих учителях дед вспоминал с большой любовью и уважением, но любимыми предметами стали для него детские (профессор Н. Ф. Филатов) и нервные (профессор С. С. Корсаков) болезни. Помимо учебы, дед начал активно заниматься общественной работой. «Организаторские стремления появились у него ещё во время студенчества, – пишут о Г. Н. Сперанском А. И. Баландер и М. Я. Пучковская [4]. – В Москве существовало в то время Гигиеническое общество, председателем которого был Варнава Ефимович Игнатьев; при этом обществе была комиссия по

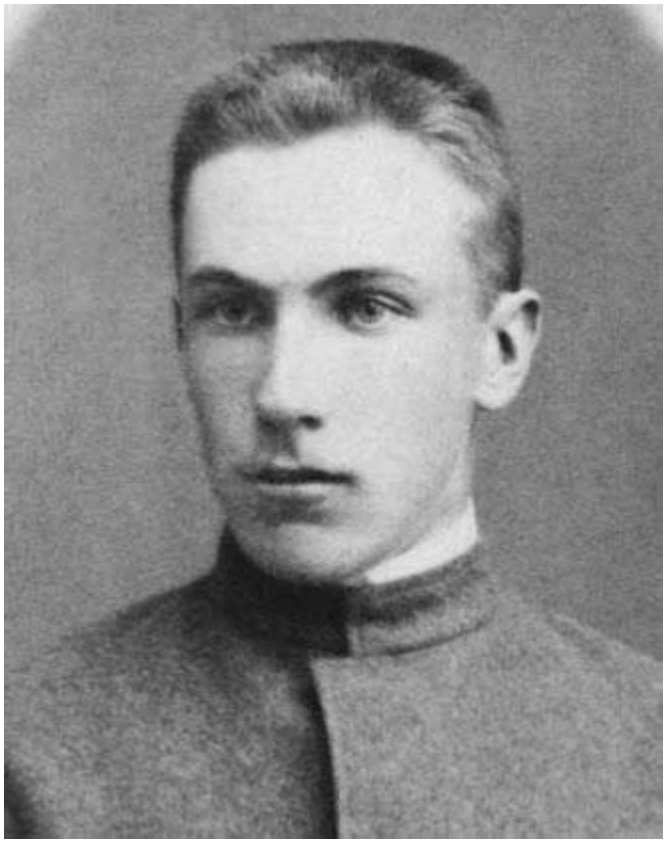
устройству площадок (для игр на открытом воздухе для детей ремесленников и рабочих. – ***А. О.***) под председательством Александра Андреевича Киселя». В 1895 году студент третьего курса Георгий Сперанский, будучи членом этой комиссии, «взялся заведовать площадкой на Девичьем поле и выполнил это дело блестяще: собрал деньги на планировку и устроил каток» там, где теперь находится стадион Московской медицинской академии. На катке был небольшой домик-теплушка, где можно было раздеться, оставить одежду и отдохнуть. «Трогательная благодарность от посетителей катка на Девичьем поле, – пишут далее А. И. Баландер и М. Я. Пучковская, – гласит: «Благодаря Вашей заботливости катанье на коньках – развлечение полезное и приятное само по себе – было обставлено на Вашем катке такими удобствами, которые составили ему особую прелесть и привлекательность…». Сам Георгий Несторович очень хорошо катался на коньках и, будучи гимназистом пятого класса, получил приз на конькобежных соревнованиях. Вместе с собиравшейся на этом катке молодежью дед начал заниматься и лыжным спортом, совершая лыжные походы на находившиеся неподалёку Воробьевы горы. Летом на месте катка были устроены теннисные корты, одни из первых в Москве. Комиссия по устройству площадок для детских игр была преобразована позже в «Общество физического воспитания детей и подростков». Сперанский был одним из основателей этого общества. Но этим его общественная деятельность не ограничивалась. «Когда я был студентом пятого курса, – вспоминал дед, – Нил Федорович предложил мне быть его помощником по работе казначея XII Международного съезда врачей, проходившего в Москве в 1897 году».

Одновременно с этим, но уже для заработка, Георгий нанимался репетитором в семьи богатых людей и одно лето на велосипеде регулярно ездил в Узкое, подмосковное имение московского губернского предводителя дворянства Петра Николаевича Трубецкого (1858–1911), где занимался математикой с его сыновьями Владимиром и Николаем. Об этом факте дед рассказывал сам, когда уже в советское время отдыхал в санатории АН СССР «Узкое», а спустя много лет я смог прочитать об этом и в воспоминаниях Е. В. Власовой, внучки дедовского приятеля доктора А. В. Власова, который вместе с дедом «репетиторствовал» у Трубецких [5]. Позже Сперанский стал предпочитать заработок по медицинской профессии и летом после предпоследнего курса замещал земского врача в Сухаревской (Московского уезда) земской больнице, существующей и поныне. Причем добирался он до села Сухарево,

расположенного по Дмитровской дороге в 40 километрах от Москвы, на лошадях, так как Савеловская железная дорога была открыта несколькими годами позже.

В семье Филатовых мой дед не только определил профессию своей жизни, но и познакомился со своей будущей женой – племянницей Нила Федоровича Лизой Филатовой. Они поженились в 1898 году, когда дед окончил университет. Говорят, что вначале он ухаживал за дочерью Филатова, Натальей, или, как её звали в семье, Налей, но безуспешно. Возможно, в связи с этим свою младшую дочь, мою мать, Сперанские назвали Натальей, а сокращенно всю жизнь звали Налей. С Елизаветой Петровной дед прожил в полном согласии шестьдесят лет. Она родила ему двух сыновей и двух дочерей и всю их нелегкую жизнь была его главным другом и помощником. Поэтому я считаю необходимым в следующих главах подробно рассказать и о моей бабушке Елизавете Петровне Сперанской.

Гоня Сперанский – ученик 1 класса, 10 лет (1883 г.)



Гоня Сперанский – ученик 5-й Московской гимназии, 17 лет (1890 г.)

Георгий Сперанский – выпускник гимназии (1893 год).

Георгий Сперанский – студент медицинского факультета Московского университета

«Двухэтажный дом на углу Ружейного переулка и Смоленского бульвара, где мы жили в 1885 году, когда переехали в Москву из Твери» (комментарии Г. Н. Сперанского)

«Вид этого же дома со стороны двора. Наверху светёлка из двух комнат, где мы жили с Мишей. Первые пять окон – квартира. Мне шел тогда 12-й год. Я учился во втором классе прогимназии на Якиманке» (комментарии Г. Н. Сперанского). Фото С. Г. Сперанского в начале 60-х годов XX века. Вскоре дом был снесен.

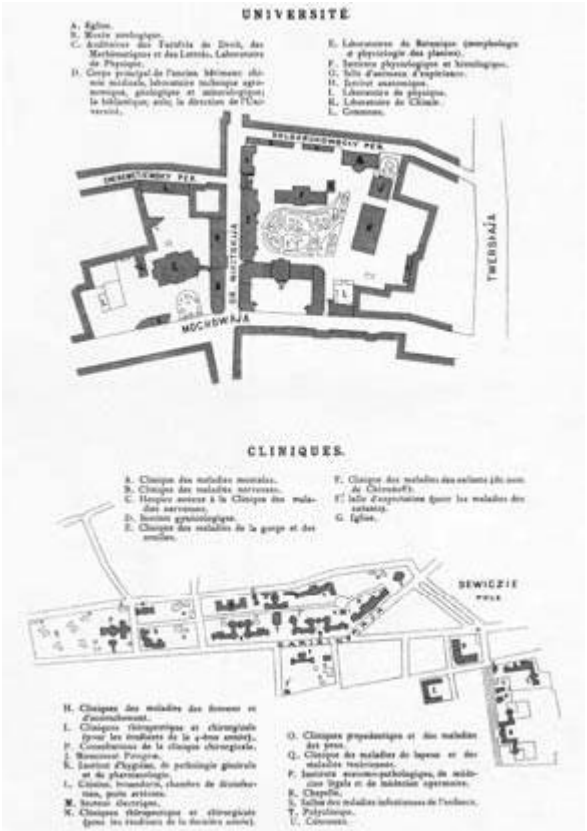
*Выпускники 5-й Московской гимназии (на углу Молчановки и Поварской ул. (1893 г.). **Сидят**: Траустель, Метнер, Шернваль, Филатов, классный наставник, учитель латыни А. Г. Штефко, Сперанский, Писарев, Львов, Фоминский, Дьячков. **Стоят**: Орлов, Александровский, Шапиро, Ермолаев, Каменский, Успенский, Тошхес, Шиманский*

*Студенты медицинского факультета Московского университета (1897 г.). **1 ряд**: Николай Кисляков, Борис Житков, Павел Кисляков, Всеволод Филатов. **2 ряд**: Георгий Сперанский, Владимир Филатов. **3 ряд**: Леонид Шернваль, Николай Филатов, Семён Нецветаев. Снято в университетской клинике нервных болезней*

Подпись на обороте фотографии: «Знаменитому лаун-теннисисту от достойного соперника 94.13Х. – Н. Ф. Филатов»

Нил Федорович Филатов на своей даче в Кунцево (приблизительно 1894–1896 гг.)

Пригласительный билет на XII международный Конгресс врачей в Москве в 1897 году На этом Конгрессе Георгий Сперанский помогал Н. Ф. Филатову в работе казначея



Планы зданий Московского Университета на Моховой улице и клиник на Девичьем поле, где проходила работа Конгресса (задняя сторона пригласительного билета)

Москва. Девичье Поле

Каток на месте детской площадки на Девичьем Поле, организованной Георгием Несторовичем Сперанским по поручению АА. Киселя

На велосипеде Георгий Несторович ездил в имение Трубецких «Узкое», где работал репетитором

Узкое. Главный дом. Фото Г. Н. Сперанского (1898 г.)

Глава 3
Филатовы. Женитьба на Елизавете Петровне. Первые годы супружеской жизни

Сначала немного истории. Лиза Филатова родилась в декабре 1877 года в имении своего отца Петра Федоровича Филатова в селе Михайловка Саранского уезда Пензенской губернии. Петр Федорович был небогатым помещиком, живущим с продаж зерна, выращенного на принадлежавших ему землях. Он имел медицинское образование, работал земским врачом и успешно занимался частной практикой. Петр Федорович много путешествовал. Его перу принадлежит весьма оригинальное описание путешествия по Персии, которая в XIX веке относительно редко посещалась европейцами [6]. В 1903 году он работал врачом на строительстве Маньчжурской железной дороги на Хинганском перевале. Во время Русско-японской войны он получил место главного хирурга военно-полевого госпиталя в Мукдене под руководством главноуправляющего Красным Крестом князя Васильчикова, к которому, по утверждению А. Н. Крылова, двоюродного брата бабушки, попал благодаря общему с князем увлечению охотой и борзыми собаками [7]. Мать бабушки Вера Семеновна Филатова была отличной хозяйкой и кулинаркой. У меня хранится составленное ей кулинарное руководство «Новое пособие хозяйкам: Домашний стол и хозяйственные заготовки», изданное в 1910 году, которое остается очень интересным и полезным и в наше время [8].

Школьные годы юной Лизы Филатовой прошли на Волге в г. Симбирске (теперь Ульяновске), где она училась в городской гимназии. После того как её родители, разорившись, были вынуждены продать свое имение, она вместе с братом Володей переехала в Москву к своему дяде Нилу Федоровичу Филатову, известнейшему детскому доктору, основоположнику отечественной педиатрии. Здесь Лиза поступила в Московский Елисаветинский институт для благородных девиц, который окончила в 1895 году, получив специальность детской учительницы. Как сказано в её сохранившемся до наших дней аттестате, с «отличными и весьма хорошими» отметками по Закону Божьему, русскому языку и словесности, французскому и немецкому языку, математике, географии и истории, естествоведению и педагогике…», «сверх того, она обучалась

рисованию, чистописанию, музыке, танцованию (написано, как в оригинале. – ***А. О.***), рукоделиям и домашнему хозяйству и при выпуске удостоена награждения книгою с надписью». В семье Нила Федоровича она и познакомилась со своим будущим мужем, любимым учеником Нила Федоровича Георгием Несторовичем Сперанским, вхожим в его дом, всегда полный молодежи. К золотой свадьбе, отпразднованной Сперанскими в 1948 году, двоюродный брат Елизаветы Петровны Виктор Борисович Филатов подарил юбилярам свои краткие воспоминания об их общей юности. Приведу выдержки из этой рукописи. «Этот кружок молодежи создался в доме дорогого нам всем Нила Федоровича Филатова – дяди Нила – и расцветал при его обаятельном, ласковом участии и под его руководством. Разница в возрасте нисколько не препятствовала нашему общению с дядей Нилом. Он был молод душой, и мы чувствовали его членом нашего кружка молодежи. Одним из увлекательных занятий кружка было сочинение стихов. Каждый из членов кружка должен был выявить своё поэтическое дарование. Сборник стихов составлялся редакцией в составе Владимира Петровича (брата Елизаветы Петровны. – ***А. О.***) и Всеволода Ниловича (сына Нила Федоровича. – ***А. О.***) Филатовых. Наш юбиляр Георгий Несторович принимал активное участие в составлении сборника, …направление которого должно было быть сатирическое. Участие Елизаветы Петровны в кружке молодежи было иное, чем Гони: она не писала стихов, но вдохновляла членов кружка и пробуждала их поэтические дарования. Её имя часто упоминается в произведениях «поэтов», к ней обращены различные письма, стихотворения и приветствия». Редакция сборника оповещала читателей, что Елизавета Петровна «вышла замуж… и ждет разрешения новым поэтическим бутоном, который, как надеется редакция, любезно согласится в недалеком будущем украсить страницы сборника своим талантом, который составится из талантливости Георгия Сперанского и незаурядных поэтических задатков, имеющихся у Елизаветы Петровны». Речь шла о вскоре родившейся первой дочери Сперанских Катюше, которую редакция приветствовала таким стихотворением:

Лишь только вышла из яйца – зад лучше был лица.
Теперь, что лицо, что зад – один разряд.
А через год, глядишь, лицо уж с задом не сравнишь.

Забегая вперед, скажу, что Екатерина Георгиевна впоследствии оправдала надежды друзей её родителей, так как стала довольно известной писательницей, написав несколько

детективных романов на английском языке и издав их в Англии под псевдонимом Кэй Линн.

Елизавета Петровна, даже в молодости, была незаурядной женщиной. Сохранились краткие воспоминания Веры Александровны Жорно, ученицы старшего брата Георгия Несторовича, профессора филологического факультета Московского университета Михаила Несторовича Сперанского, познакомившейся с Елизаветой Петровной в 1914 году: «Елизавета Петровна никогда не была красивой, манеры её были даже несколько угловаты, но, тем не менее, она пользовалась успехом в силу своего тонкого, недюжинного ума, своей свободной, умной и содержательной речи, не лишенной некоторой насмешливости, и широкого образования».

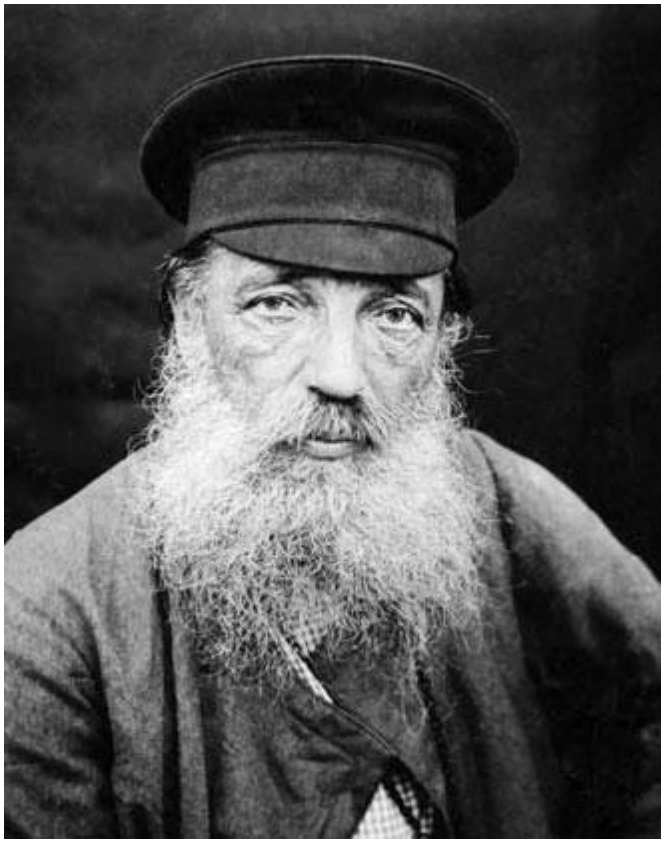
Поженившись в 1898 году, Елизавета Петровна и Георгий Несторович, сняли «небольшую» шестикомнатную (судя по сохранившемуся «Договору о найме») квартиру во 2-м Неопалимовском переулке в церковном доме (дом № 11) недалеко от Зубовской площади, где через год (в 1899 г.) у них родилась дочь Екатерина. В первые годы совместной жизни летние отпуска Сперанские проводили в разных местах Подмосковья. В течение трех лет (1900–1903 гг.) совместно с семьёй профессора Н. И. Побединского они снимали дачу на «20-й версте» Варшавской железной дороги (теперь станция Одинцово). Там в 1903 году у Елизаветы Петровны и Георгия Несторовича родился сын Николай. В 1904 году они провели лето в селе Раменское по Ярославской железной дороге, и в том же году молодая чета с двумя ребятишками, младшему из которых только что исполнился год, вместе со старшим братом Георгия Михаилом Несторовичем совершила путешествие по Волге на пароходах «Петр Великий» и «Великая княгиня Мария Павловна» от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно, о чем свидетельствует большое количество сохранившихся фотографий, к сожалению, сильно выцветших. В Симбирске они посетили могилу матери Елизаветы Петровны, Веры Семеновны Филатовой, на кладбище Покровского монастыря.

Летом 1905 и 1906 гг. семья Сперанских снимала дом у Умановых в деревне Барвиха, куда Георгий Несторович ежедневно ездил с Брестского (ныне Белорусского) вокзала по Усовской ветке, прихватив с собой велосипед, на котором он добирался до деревни от ближайшей к ней станции. Где бы ни жили Сперанские, в выходные дни к ним часто приезжали их молодые родственники и друзья – братья Филатовы, молодые врачи – сослуживцы Георгия Несторовича и его бывшие сокурсники по университету. Дни проходили весело, в играх, шутках и

прогулках по красивым местам Подмосковья с ещё неиспорченной в те годы великолепной природой.

Весной 1906 года у Сперанских родился второй сын, которого назвали Сергеем. Семья увеличивалась, и Георгий Несторович с Елизаветой Петровной начали подумывать о собственной даче.

Пензенские Филатовы. ***Сидят слева направо****: Михаил Федорович Филатов, Вера Семёновна Филатова, её муж Петр Федорович Филатов, Нил Федорович Филатов, Михаил Нилович Филатов, неизвестная женщина.* ***Стоят****: неизвестный мальчик, Николай Федорович Филатов, Борис Федорович Филатов, Федор Федорович Филатов, жена Нила Федоровича Юлия Николаевна Филатова, неизвестный мальчик*



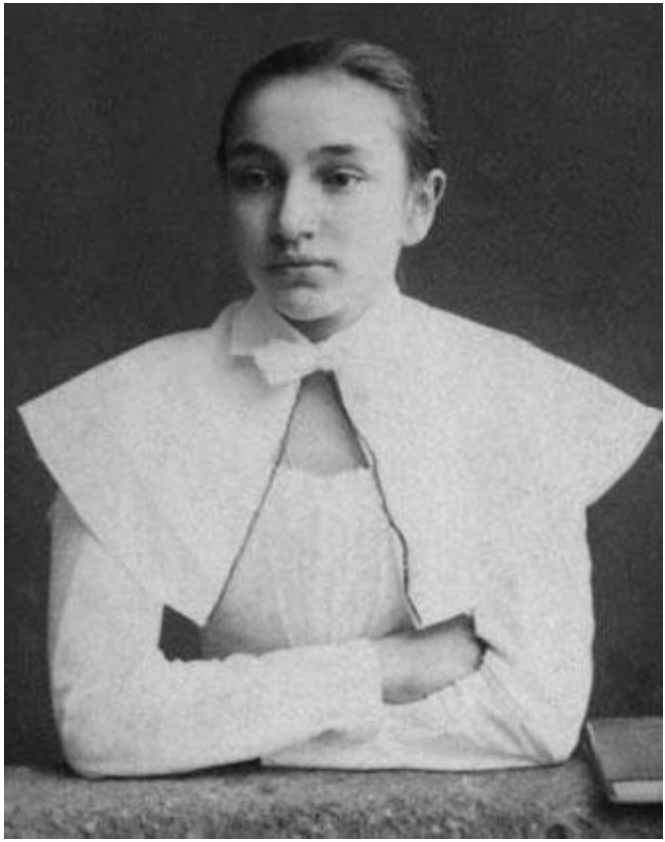
Родители Елизаветы Петровны: ***Сверху****: Петр Федорович Филатов* ***Снизу****: Вера Семёновна Филатова (урожденная Нефтелей)*

Лиза Филатова и её родители (слева направо): Вера Семеновна и Пётр Фёдорович Филатовы. На коленях отца – Лиза.

Ориентировочно 1888–1889 гг.

Петр Федорович Филатов – врач, путешественник, охотник, писатель

Лиза Филатова – при поступлении в институт (1887 г.)



Лиза Филатова – студентка Московского Елисаветинского института (1891 г.)

Лиза Филатова в год замужества (1898 год)

***Сверху**: Г. Н. Сперанский – выпускник Московского Университета. **Снизу**: Е. П. Сперанская – выпускница Московского Елисаветинского института*

Г. Н. и Е. П. Сперанские, П. Ф. Филатов с детьми – Катей и

Колей (приблизительно 1905 г.)

«Мадонна с младенцем» – Елизавета Петровна Сперанская с дочерью Катей

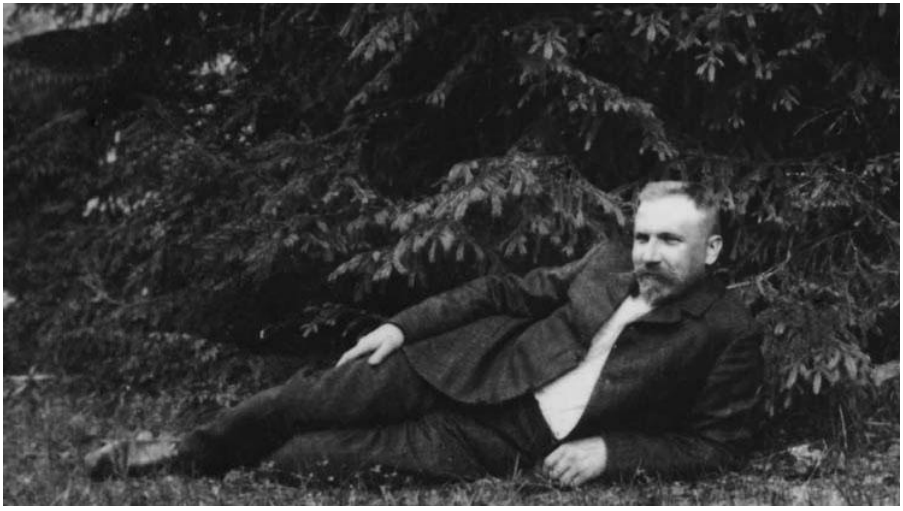
Елизавета Петровна и Георгий Несторович. 20-я верста, 1902 г.

В гостях у Сперанских Всеволод Нилович и Владимир Петрович Филатовы. «До и после». 20-я верста, 1902 г.

20-я верста. Дом, который снимали Сперанские. В 1903 г. в нем родился Коля

20-я верста, 1903 г. Профессор НИ. Побединский с семьёй. Николай Иванович принимал роды у Елизаветы Петровны

Елизавета Петровна на даче в Раменском (1904 г.)



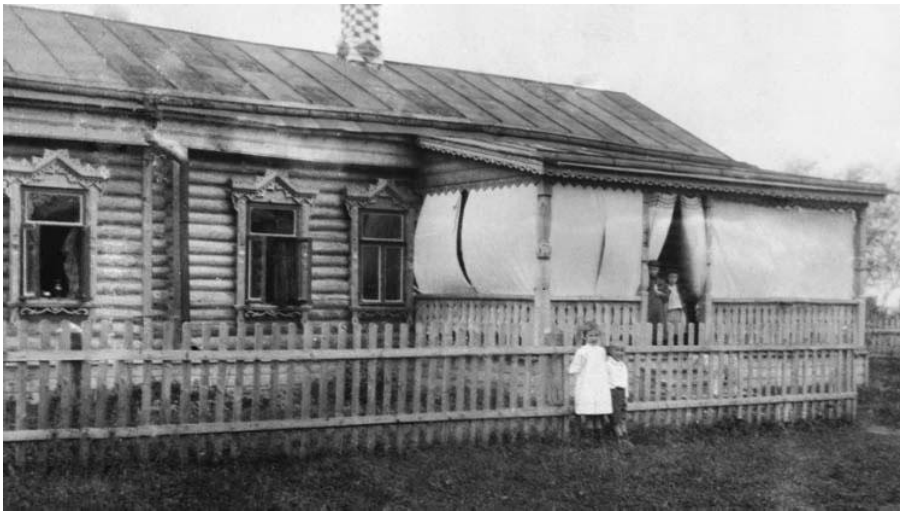
Георгий Несторович в Раменском (1904 г.)

БЛ КН. МАР

Путешествие Сперанских по Волге, 1904 г. ***Сверху****: Георгий Несторович на пароходе «Вел. Кн. Мария Павловна».* ***Снизу****: братья Сперанские на пароходе «Петр Великий»*

Путешествие Сперанских по Волге, 1904 г. ***Сверху****: на палубе парохода «Петр Великий». Катя и Елизавета Петровна с маленьким Колей на руках.* ***Снизу****: Елизавета Петровна на могиле своей матери в Покровском Монастыре в г. Симбирске*

Деревня Барвиха в 1905 г.



Дом Умановых, где жили Сперанские в 1905–1906 гг. У веранды стоят Катя и Коля

Деревня Барвиха, 1905 г. Елизавета Петровна на крыльце дома и на лодке

Георгий Несторович и Елизавета Петровна с детьми. Барвиха,

1905 г.

Барвиха, лето 1905 г. Елизавета Петровна и Коля

Барвиха, лето 1906 г. У Сперанских родился второй сын Сергей. Елизавета Петровна с сыном и Катя

Георгий Несторович (сидит на земле с ракеткой) после игры в теннис. Барвиха, 1905 г.

Летние развлечения. Игра в крикет. 20-я верста 1903 г.

Коля и Катя Сперанские (Москва,1905 г.).

Коля и Катя Сперанские (точная дата неизвестна)

Глава 4
Работа в клинике Н. Ф. Филатова. Открытие лечебницы для грудных детей. Знакомство с семьёй Сытиных

Теперь нам нужно вернуться на несколько лет назад, в 1898 год, в котором Георгий Сперанский получил диплом врача. После окончания университета он поступил в ординатуру в руководимую Н. Ф. Филатовым клинику детских болезней на базе детской Хлудовской больницы. Работа вместе с замечательным клиницистом, каким был Нил Федорович, была великолепной школой для молодого доктора. Сперанский не пропускал ни одного обхода, ни одного разбора пациентов, проводимых его любимым учителем. «Незабываемы годы моей ординатуры, которые прошли в тесной близости с великим русским педиатром, – написал дед в своих воспоминаниях об этом периоде своей жизни. – В памяти часто всплывает яркий образ Нила Федоровича, читающего лекции на кафедре или проводящего консилиум у постели больного. Чаще же всего я вижу его за книгой в уютном кресле кабинета или же у большого книжного шкафа». Вместе со своими коллегами ассистентом клиники В. Г. Григорьевым и ординатором С. А. Васильевым он записал и подготовил к печати два тома «Клинических лекций» Н. Ф. Филатова. Эти лекции, отредактированные самим автором, были изданы в 1901 году в типографии А. И. Мамонтова [9] и неоднократно переиздавались в последующие годы. К сожалению, Нил Федорович скончался от инсульта в 1902 году и его смерть совпала с началом самостоятельной врачебной жизни Сперанского. Но то увлечение своей специальностью, то клиническое мышление, ту любовь к маленьким пациентам, которые заложил в нём Н. Ф. Филатов, Георгий Несторович сохранил на всю свою долгую жизнь. После окончания ординатуры он был оставлен в клинике сверхштатным ассистентом, т. е. работал бесплатно. Поэтому он стал одновременно работать школьным врачом в Александро-Мариинском институте благородных девиц Кавалерственной дамы Чертовой на Пречистенке. Кроме того, небольшой доход стала приносить частная практика и консультации новорожденных в акушерской клинике профессора Н. М. Побединского. Об этом периоде жизни Георгия Несторовича написала в своих воспоминаниях С. Н. Куманина-Декапольская.

Мне показались они интересными, и я приведу выдержки из них, немного подправив орфографию.

«Я росла болезненным ребенком. Перенесла две скарлатины, оба раза с осложнениями, корь с тяжелым осложнением на уши. Нас всегда лечил профессор Нил Федорович Филатов, который был для нас не только добрым, ласковым доктором, но и любимым дядей, приходившим к нам в детскую играть и забавлять нас с братом и сестрами. В 1896 году совсем молодым, 41 года, умер мой отец. В это время мы все четверо лежали больные скарлатиной. Старшей сестре было 13 лет, брату 11, мне 9 и младшей сестре 6 лет. Нил Федорович приезжал на панихиду по нашему отцу, а потом прошел в детскую. Мы, притихшие и, конечно, не сознававшие всей тяжести свалившейся на нас беды, были какие-то растерянные. Нил Федорович просидел у нас весь вечер, развлекал нас, шутил, учил нас каким-то играм в карты (в некоторые из них я до сих пор люблю играть с сестрой). И вот в 1900 году, кажется в январе, моя младшая сестра вернулась с мамой от нашего дяди и тихо созналась мне, что у неё болит горло. Как только мы легли спать, сестра позвала меня к себе в кровать, сказав, что ей очень холодно и что бы я её согрела. Я легла к ней, но вскоре пришла наша няня, побранила меня и прогнала в свою кровать. На следующее утро мы со старшей сестрой, как всегда, к восьми часам утра пошли в Александро-Мариинский институт на Кропоткинской (в то время Пречистенской) улице, где сейчас помещается Военная академия им. Фрунзе (потом – Академия художеств, теперь – выставочный зал скульптора Церетели. – ***А. О.***). В этом институте мы, в виде исключения, были приходящими. В 4 часа дня за нами пришла наша домашняя работница, чтобы вести нас домой (в то время нас одних по улицам не пускали), и сказала, что очень заболела наша младшая сестра, у неё «дифтерит», как сказал Нил Федорович. А мы пойдем через черный ход (так прежде называли второй выход из квартиры, бывший всегда около кухни), пообедаем и, не заходя в квартиру, поедем к нашей замужней двоюродной сестре, жившей на Большой Серпуховской. Мы уехали. И вот через несколько дней заболевает моя старшая сестра: температура, болит горло. Я, как взрослая, пишу письмо и посылаю работницу к Нилу Федоровичу. «Милый Нил Федорович, приезжайте, заболела Нина, у неё болит горло. Соня». Я совсем не думала, насколько занят Нил Федорович, как далеко мы от него уехали (он в то время жил на Девичьем поле). Он прислал мне ответ, что он очень занят, сам приехать не сможет, а приедет его ассистент. И действительно, около 5 часов приехал молодой красивый доктор. Он немного был смущен, увидав вместо ребенка

17-летнюю девушку. Он тщательно её исследовал и успокоил нас, что это не дифтерит. И действительно, через несколько дней мы с сестрой уже опять начали ходить в Институт. Это было моё первое знакомство с Георгием Несторовичем Сперанским.

Через три года сестра вышла замуж и у неё родилась дочь. В то время Нила Федоровича уже не было в живых и сестра всегда обращалась к Георгию Несторовичу. В 1904 году девочка тяжело заболела. Положение было серьёзным. Георгий Несторович был у нас днем. Вечером мы все сидели в столовой, окна которой выходили на улицу. И вдруг в половине десятого звонок. Мы никого не ждали. Входит Георгий Несторович, улыбается и говорит: «Иду мимо, вижу в столовой огонёк, наверно, пьют чай и мне не откажут дать стаканчик». Сидим, говорим о посторонних вещах, а он, как бы между прочим, спрашивает про температуру. Я как раз носила девочку на руках, она вся горела. Он стал прощаться и, как бы невзначай, высказал пожелание посмотреть девочку, после чего дал некоторые указания и ушёл. Девочка вскоре поправилась и впоследствии выяснилось, что история «зашел на огонек выпить стакан чаю» была только очень сильным беспокойством за состояние ребенка и нежелание тревожить родителей.

Таких случаев я могла бы описать очень много, но ограничусь только ещё одним в семье моей двоюродной сестры. В 1906 году, в июле, у неё родился сын, а в августе она заболела брюшным тифом и вынуждена была перевести ребёнка на искусственное питание. В ноябре они жили в своем имении во Владимирской области, где у мальчика развилась тяжелая форма желудочного заболевания. Местные врачи растерялись. Тогда моя тётя, жившая в Москве, попросила Георгия Несторовича поехать с ней к больному внуку. Сперанский согласился и нашёл состояние ребёнка очень тяжелым. Он настоял на том, чтобы отвести ребенка в Москву. До железнодорожной станции было 30 минут езды. Все поехали. В первых санях ехала бабушка с Георгием Несторовичем, в возке ехал отец с больным ребенком, в других санях ехала мать (она не могла ездить в возке). Через каждые 10 минут Георгий Несторович останавливал наш поезд и проверял состояние больного. Таким образом мы довезли мальчика до станции, а затем и до Москвы. Ребенок был спасен, и теперь это здоровый, красивый мужчина 57 лет, работающий на производстве. Георгий Несторович до последних лет никогда не отказывал в помощи всем тяжело заболевшим детям…

Потом я встретилась с Георгием Несторовичем в 1905 году в Александро-Мариинском институте, где я училась и куда я поступила работать в качестве классной дамы. Георгий

Несторович был врачом в этом институте. Сколько внимания и заботы он проявлял к девочкам, как его все любили за его чуткое, внимательное отношение к ученицам…».

В 1904 году, скопив необходимую сумму денег, Сперанский во время летних каникул впервые отправился за границу. Он побывал в Берлине, где слушал лекции известного немецкого педиатра профессора Хойбнера (Heubner), а также в детских клиниках Вены и Будапешта. В 1907 году известный акушер А. Н. Рахманов предложил деду постоянное место врача консультанта по детским болезням в родильном доме имени А. А. Абрикосовой, который он возглавлял (после революции – родильный дом им. Н. К. Крупской). Несколько позже этот родильный дом был преобразован в акушерскую клинику Высших женских курсов. При этом учреждении Сперанский организовал первую в Москве консультацию для новорожденных и детей раннего возраста. Она располагалась на Лесной улице в доме № 11. Но его больше всего интересовали дети раннего возраста. В те годы в детские больницы не принимали на лечение пациентов в возрасте до года из-за высокой смертности среди них. На свою просьбу открыть в Хлудовской детской больнице отделение для больных детей раннего возраста Георгий Несторович получил отказ от университетского начальства. Поэтому он был вынужден уйти из этой больницы и 2 ноября 1910 года на благотворительные средства открыл на Малой Дмитровке в доме Катковой (дом № 27) в наемном помещении, приспособленном для этой цели, небольшую лечебницу для больных детей от рождения до двух лет. Это был первый в России стационар для таких пациентов.

Далее предоставим слово самому Сперанскому: «В эту лечебницу однажды я положил ребенка, девочку – дочь Василия Ивановича Сытина, которая была больна тяжелой формой т. н. «токсической диспепсии», дававшей огромную смертность. В условиях лечебницы силами врачей и персонала удалось все-таки спасти ребенка от смерти; у неё остался надолго упадок питания. Это было моё первое знакомство с семьей Сытиных, а в 1911 году и с Иваном Дмитриевичем Сытиным (И. Д. Сытин, 1851–1934, владелец крупнейшего в России книгоиздательства. – ***А. О.***). С тех пор я стал другом этой семьи и особенно дружил с Василием Ивановичем (сын И. Д. Сытина. – ***А. О.***), который очень интересовался работой нашего учреждения и всегда находил возможность оказать ему помощь. Эта помощь, конечно с разрешения Ивана Дмитриевича, состояла в выполнении тех типографских работ, в которых нуждалась лечебница. Всё это печаталось бесплатно с разрешения Ивана Дмитриевича Сытина. Я прежде часто бывал на квартире у Сытиных на верхнем этаже

дома на Тверской; бывал в Поваровке на даче Сытиных. Не забуду вечер, проведенный у меня на квартире, когда Иван Дмитриевич рассказывал о своей жизни, как он мальчишкой работал сначала у сапожника, потом в лавке у букиниста Шарапова, где всё свободное время проводил за чтением книг, как самоучкой проходил среднюю и высшую школу образования в дальнейшем, при общении с писателями, учеными и крупнейшими людьми своего века. Помню и сейчас хранимый у меня сборник «Полвека для книги» [10] (теперь он хранится у нас дома. – ***А. О.***). Через два года существования лечебницы для грудных детей мне представился случай перевести её в другой район Москвы, на Пресню, населенную рабочими, в семьях которых было много детей, нуждавшихся в помощи. К этому времени лечебница расширилась до 20 коек. Было основано благотворительное общество, которое помогало её существованию. Лечебница обросла другими детскими учреждениями: молочная кухня отпускала проверенное молоко для детей, смеси для вскармливания детей, были устроены ясли для детей, дом матери и ребенка, показательная выставка по уходу и вскармливанию детей раннего возраста и т. д. Сама лечебница стала называться «Дом грудного ребенка». Число товарищей врачей возросло до 25 человек, которые работали с интересом, учились друг у друга, делились опытом, устраивали конференции по вопросам раннего возраста…».

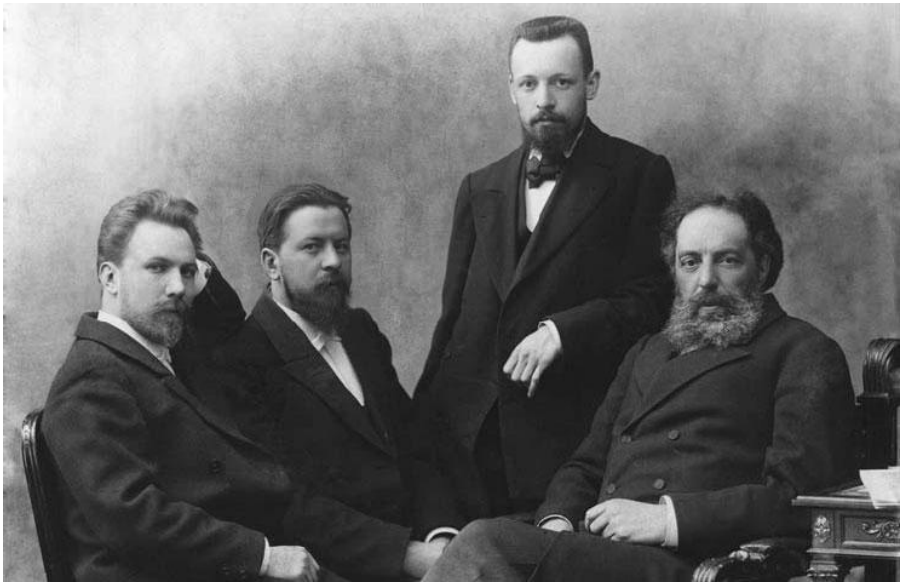
В 1910 году на Арбатской площади на благотворительные средства помещика Вышеславцева была организована центральная молочная кухня «Детское питание» Московского общества борьбы с детской смертностью. Организатором и заведующим кухней был врач Я. Ф. Жорно. Его супруга Вера Александровна, работавшая там же препаратором, позже стала близкой приятельницей Георгия Несторовича и Елизаветы Петровны Сперанских. Она вспоминает те годы: «В 1913 году на Арбатскую молочную кухню приходил Г. Н. Сперанский, знакомился с её устройством. Георгий Несторович… был очень красивым и обаятельным, с рыжеватыми кудрявыми волосами и синими глазами. Он был очень живой, весёлый, общительный, в обществе быстро становился центром, вокруг которого кипело веселье; очень нравился женщинам».

Первые годы нового века жизнь семьи Сперанских протекала достаточно спокойно и благополучно. Елизавета Петровна воспитывала детей и много помогала мужу в его общественной деятельности. Когда Георгий Несторович открыл «Дом грудного ребенка» на Пресне, она наладила работу яслей при Прохоровской фабрике. Сохранилась фотография Елизаветы

Петровны за прилавком благотворительного базара на выставке в «Доме грудного ребенка» в 1913 году. Вся выручка от базара шла на нужды этой лечебницы.

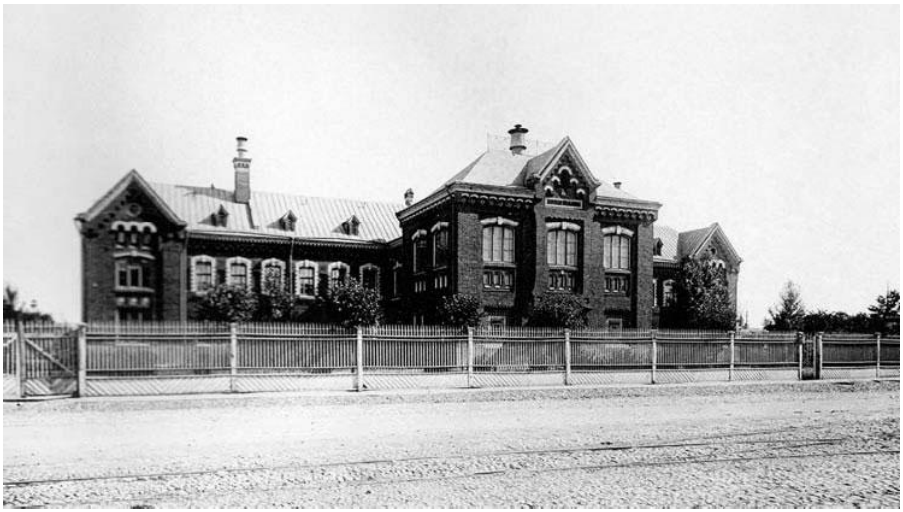
Несмотря на большой объем бесплатной работы в «Доме грудного ребенка» и необходимость ради заработка заниматься частной практикой, Сперанский принимал активное участие в работе Московского общества детских врачей и Московского общества борьбы с детской смертностью. В 1914 году им был основан журнал научных работ, который назывался «Материалы по изучению детей раннего возраста». Издавался этот журнал в типографии Сытина вплоть до её закрытия. Забегая вперёд, следует сказать, что в советское время выпуск журнала был возобновлен в 1922 году, а с 1934 года он стал называться «Советская педиатрия», а затем – просто «Педиатрия». Дед оставался главным редактором журнала до конца жизни в течение полувека. Сейчас журнал «Педиатрия» носит имя Г. Н. Сперанского.

Основоположник российской педиатрии, профессор Нил Фёдорович Филатов (1847–1902 гг.), учитель и друг Г. Н. Сперанского



Ординаторы Г. Н. Сперанский, В. Г. Григорьев, С. А. Васильев с Нилом Федоровичем Филатовым (после издания его клинических лекций в 1899 г.)

На открытии памятника Н. Ф. Филатову на Девичьем Поле. На трибуне Профессора Ю. Ф. Домбровская и Г. Н. Сперанский

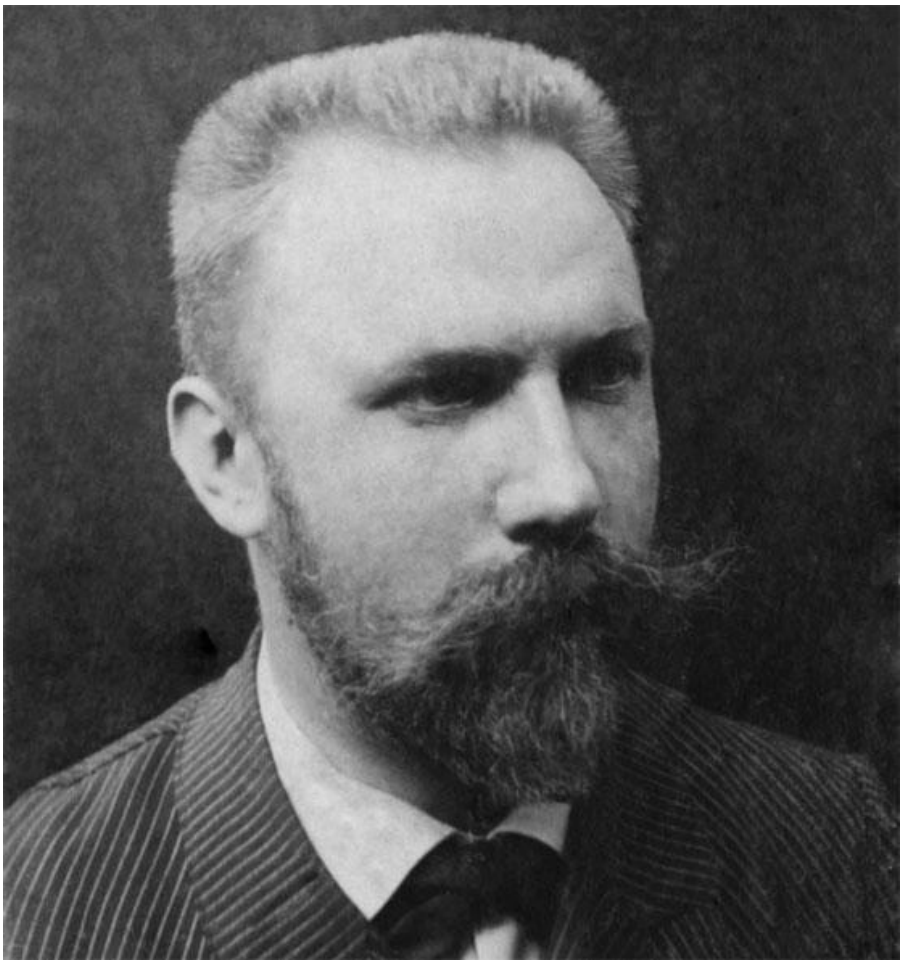


Клиника детских болезней Московского Университета, бывшая Хлудовская детская больница. Три верхних окна – окна аудиторий, в которой читал лекции Н. Ф. Филатов

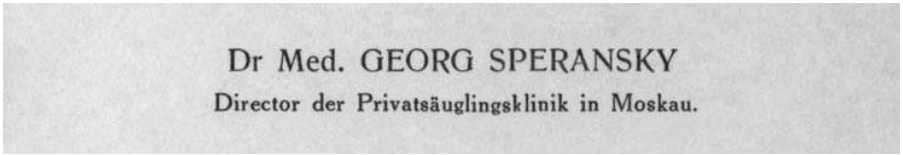
Старый корпус клиники детских болезней Московской медицинской Академии (современная фотография)

Памятная доска на стене «детской клиники»

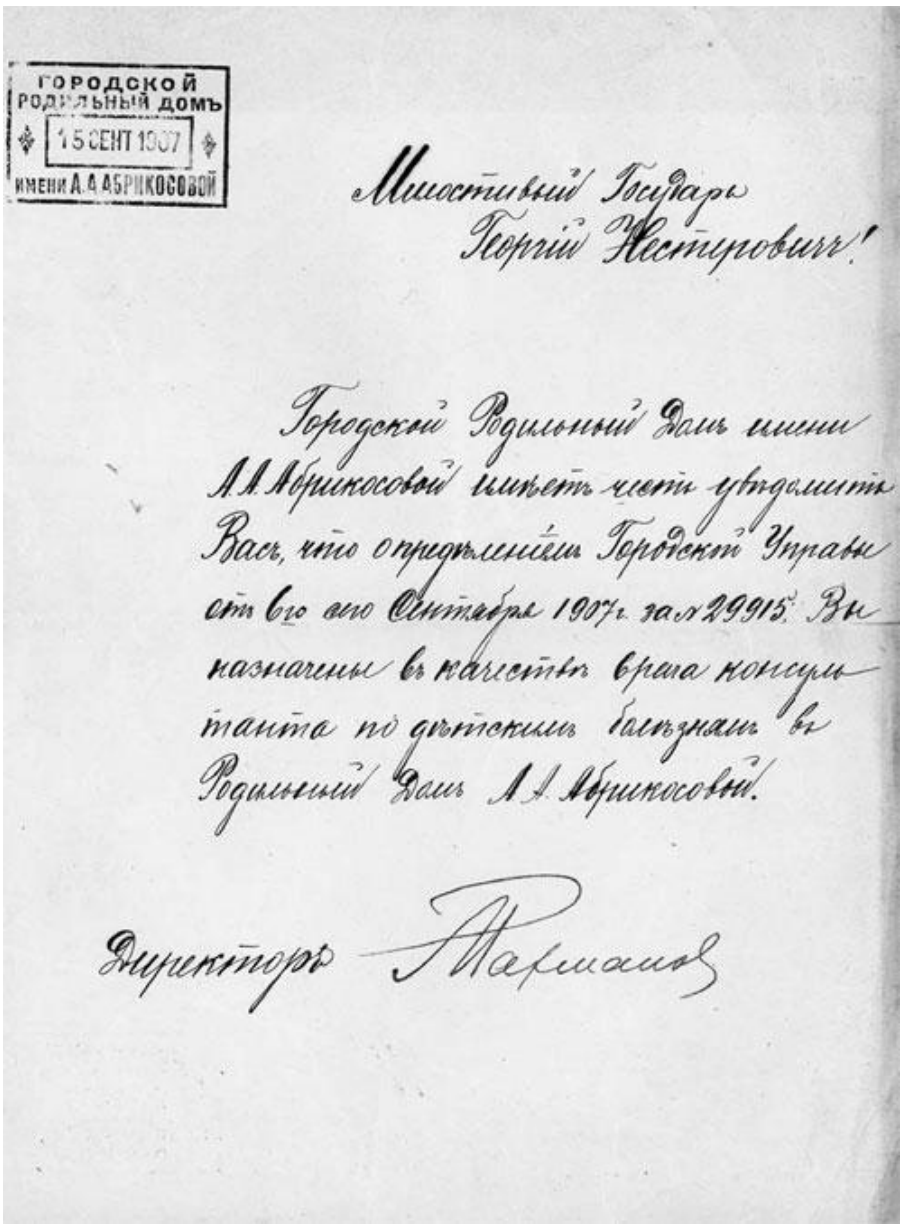
Елизавета Петровна у киоска с литературой для родителей на выставке в «Доме грудного ребенка» (1913 г.)



Г. Н. Сперанский, 1910 г.


Dr Med. GEORG SPERANSKY
Director der Privatsäuglingsklinik in Moskau.

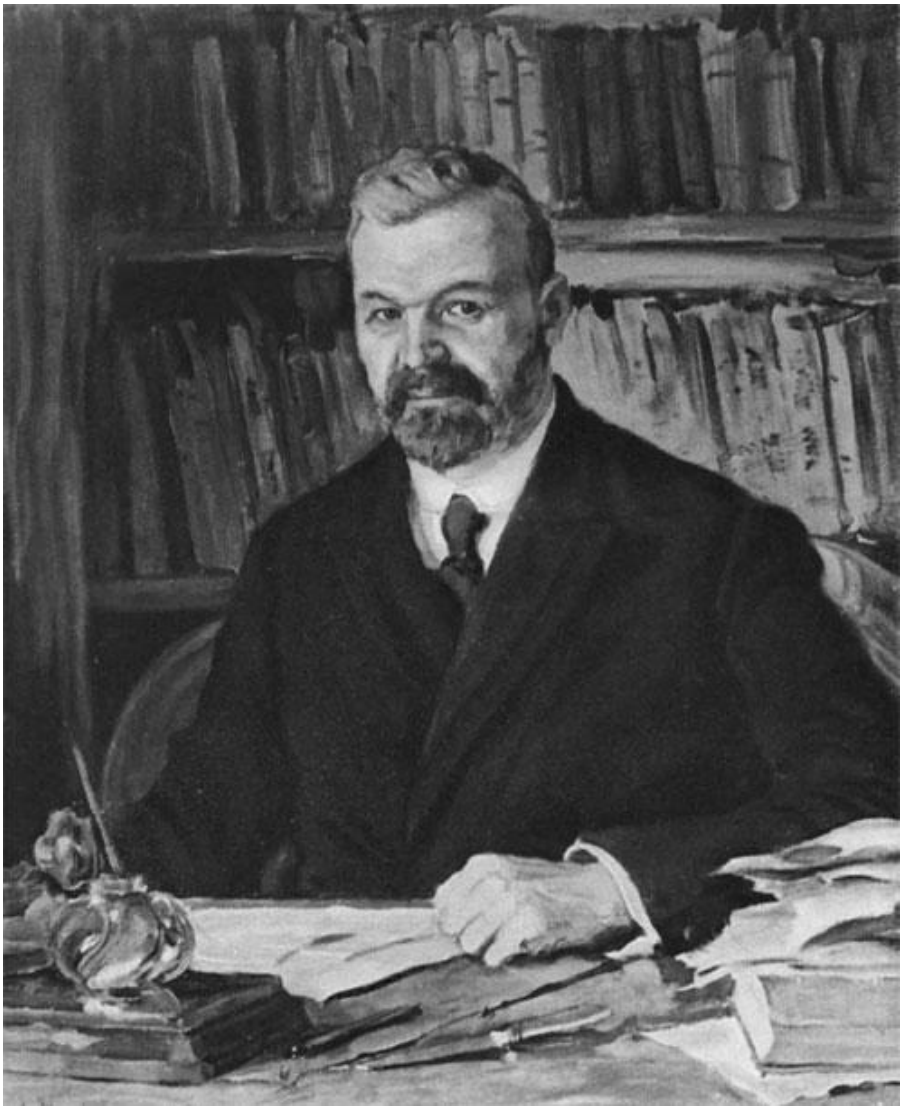
Визитная карточка Георгия Сперанского, директора частной детской клиники в Москве


ГОРОДСКОЙ РОДИЛЬНЫЙ ДОМЪ
15 СЕНТ 1907
ИМЕНИ А. А. АБРИКОСОВОЙ

Милостивый Государь
Георгій Нестеровичъ!

Городской Родильный домъ имени А. А. Абрикосовой имѣетъ честь увѣдомить Васъ, что опредѣленіемъ Городской Управы отъ 6го сего Сентября 1907 г. за № 29915 Вы назначены въ качествѣ врача консультанта по дѣтскимъ болѣзнямъ въ Родильный домъ А. А. Абрикосовой.

Директоръ



Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934 гг.), владелец крупнейшего в России книжного Издательства, большой друг ГН. Сперанского и его «Дома грудного ребенка». Рисунок из сборника «Полвека для книги». Т-во ИД. Сытина. Москва, 1916 г.

Глава 5
Покупка Сперанскими участка в поселке Деденево и строительство собственной дачи

В самом начале прошлого века, в 1906 году, Сперанские купили у графа Головина участок земли в посёлке Деденево, невдалеке от Влахернского монастыря и станции того же названия открывшейся незадолго до этого Савеловской ветки Ярославской железной дороги. Георгий Несторович бывал в этих местах ещё в студенческие годы, когда работал в Сухаревской земской больнице, верстах в двадцати от имения Головиных, и холмистые деденевские окрестности очень ему приглянулись. Земля была куплена на имя супруги Георгия Несторовича Елизаветы Петровны Сперанской, моей бабушки. Сохранился уникальный документ – **«Выпись из крепостной Московского Нотариальнаго Архива книги по Дмитровскому уезду за 1906 годъ № 35 Листа 22 Страницы 2 № 30»**. В этом документе говорится (с сохранением орфографии): «Тысяча девятьсот шестого года Сентября двадцатаго дня явились к Федору Аникитичу Троицкому, и.д. Московскаго Нотаріуса Якова Ивановича Невушскаго, въ конторе его, Тверской части, 2 участка, по Воскресенской площади, въ доме Карзинкиных, лично ему известные и к совершению актовъ законоправоспособные: съ одной стороны дворянинъ Федоръ Александровичъ Головинъ, действующій лично за себя и по доверенности законоправоспособныхъ братьев своихъ дворянъ Владиміра и Александра Александровичей Головиных, живущій на Покровке, въ доме Шанина, а съ другой жена врача Елизавета Петровна Сперанская, живущая по Зубовской площади, въ доме Юдина, в сопровожденіи лично ему известных свидетелей: Владимирскаго мещанина Николая Никитича Ревонистова, потомственного почетнаго гражданина Александра Васильевича Ольховского и сына Маіора Владимира Фердинандовича Колоніуса, живущих 1й Пресненской части, 2 уч. въ доме Муравьевой, 2-й Лефортовской части, 2 уч. въ доме Рыдокина и 3й Мещанской части, 3 уч. въ доме Богдановой, съ объявленіемъ, что они Головинъ и Сперанская, совершаютъ купчую крепость следующего содержанія: Федоръ, Владиміръ и Александръ Александровичи Головины продали Елизавете Петровне Сперанской из недвижимаго именія своего, называемого «Деденево», состоящего

Московской губерніі Дмитровскаго уезда, при сельце Ново-Спасскомъ, Деденево тожъ, сдеревнями Целеево, Медведки, Голявино и Ртищево, участок земли въ местности подъ названіем «по речке Икше» и значащійся по общему плану на дачный поселокъ «Деденево»…».

С осени того же года был выбран подрядчик-строитель из г. Дмитрова, который с бригадой плотников за один год выстроил на пологом склоне холма двухэтажный деревянный дом с глубоким бетонированным подвалом и чердаком и высокой, вначале открытой, верандой на кирпичных столбах. К зиме 1907 года были поставлены печки и камин, и Сперанские стали жить в новом доме. Вскоре рядом с домом был построен каретный сарай с конюшней и сеновалом на чердаке, где у Сперанских стояли дрожки и лошадь, а позже к нему была пристроена мастерская. Я не могу с точностью ответить на вопрос, где молодой доктор достал деньги на покупку земли и строительство дома. При жизни деда я никогда об этом не спрашивал. Насколько мне известно, ни у деда, ни у бабушки в то время больших капиталов не было. Конечно, жизнь и строительство в те далекие годы были относительно недорогими. Но все же сумма нужна была изрядная. Думаю, помимо дохода от частной практики, которой дед активно занимался, он мог взять кредит в банке или занять деньги у кого-нибудь из родственников или знакомых. В цивилизованном государстве, каким была дореволюционная Россия, достать деньги частнопрактикующему врачу было не столь уж сложно: врачи относились к одной из наиболее высокооплачиваемых категорий населения.

Вскоре после строительства дома дед сделал на даче теннисный корт. Он был сделан по всем правилам – с дренажом, широкими забегами и задними сетками. Я не могу назвать точную дату создания корта. Единственным неопровержимым документом является до сих пор существующий огромный бетонный каток, на одном из торцов которого отчетливо определяется дата: 1913 год. Уверен, что каток был отлит вскоре после устройства площадки или почти одновременно с ней и использовался для выравнивания грунта. Он был настолько тяжёл, этот каток, что для его передвижения нужно было не меньше четырёх крепких мужчин. Поэтому, вернувшись на дачу после войны, мой отец с помощью зубила и молотка отрубил примерно треть его бетонного тела. Выровняв торец оставшейся части свежим цементом, он оставил на нём свои инициалы и дату: 1945 год. Так и сохранился этот каток – на одной его стороне значится 1913 год, на другой – 1945 год.

По соседству со Сперанскими купил участок и выстроил

большой дом приятель и коллега деда акушер Н. И. Побединский, в клинике которого Георгий Несторович консультировал новорожденных детей. Судьба этого дома оказалась трагичной: в первые годы революции он сгорел, а участок Побединских был срыт в 34–35-х годах во время строительства канала «Москва—Волга»: там был устроен карьер, где брали песок и гравий для бетонных работ.

По железной дороге мимо дачи четыре—пять раз в день ходили пассажирские поезда от Бутырского (позже – Савеловского) вокзала, который был построен и торжественно освящён 10 марта 1902 года. Поезд из пяти—шести вагонов шёл не торопясь, долго стоял на станциях, ожидая встречного состава – линия вначале была одноколейной. По рассказам деда, путь до платформы Влахернской занимал около трёх часов, примерно столько же, сколько мы едем сейчас на машине по невероятно загруженному транспортом Дмитровскому шоссе в пятницу после работы. Пассажиров было немного, и отношения были поистине патриархальные. Дед рассказывал, что профессор Николай Иванович Побединский ездил в Москву одним и тем же поездом. Однажды поезд на Москву подошёл к станции, дождался встречного, и пора уже отправлять, но начальник станции медлит. «В чём дело?» – спрашивает машинист. «Погоди маленько, – отвечает начальник, – Побединский опаздывает – вон подходит…, сел. Теперь можно и трогать».

Дом Сперанских был очень гостеприимным, и на даче постоянно бывали гости. В хорошую погоду для них накрывали стол в саду около теннисного корта, в дождливую – на террасе, которую на третий год застеклили. Постоянно жил у Сперанских старший брат Георгия Несторовича, известный филолог, специалист по древнерусской литературе, закоренелый холостяк Михаил Несторович Сперанский, а также часто проводил летние месяцы, наезжая из Одессы, брат Елизаветы Петровны Владимир Петрович Филатов, в те годы уже подающий большие надежды офтальмолог, вскоре ставший мировой знаменитостью. Чем занимались? Во-первых, все увлекались теннисом. Дед начал играть в теннис ещё на Девичьем поле и на даче Филатовых в Кунцево, о чем свидетельствует приведенная мною ранее (гл. 2) фотография Нила Федоровича с дарственной надписью: «Знаменитому лаун-теннисисту от достойного соперника». Я сам несколько раз наблюдал деда играющим в теннис, и его удары не были ударами новичка. По рассказам мамы, в молодости выходила на корт и бабушка Елизавета Петровна, но сам я ракетки в её руках не видел никогда. Во всяком случае, к увлечению теннисом своих детей, внуков и внучек она относилась

благосклонно.

Кроме игры в теннис, большими кампаниями ходили гулять по окрестностям, которые в холмистых отрогах Клинско-Дмитровской гряды были удивительно живописны. Любимые прогулки были в деревню Паромоново, в четырех километрах от дачи, стоящую на краю огромного и очень красивого Паромоновского оврага, и поближе, на Трояки, к месту слияния рек Икши и Волгуши, где были отличные песчаные пляжи. Очень любили ходить за грибами, которых в окрестных лесах было видимо-невидимо. В особенно грибные годы, как рассказывала мне бабушка, собирали так много грибов, что для возвращения домой нанимали подводу, чтобы везти корзины с грибами. Грибы изучали по книге с цветными таблицами «Собиратель грибов» Дмитрия Кайгородова, выпущенной издательством А. С. Суворина в 1888 году [11]. Она и сейчас лежит у меня на столе, хотя грибов в наших лесах почти не осталось, как не осталось и самих лесов.

Иногда все вместе ходили в Головинский парк, где устраивались весёлые маскарады. Купались в реке Икше, которая тогда была глубокая, с каменистым дном. Все они, и хозяева, и гости, были молодыми, жизнерадостными, и жизнь на даче была легкая и беззаботная. Правда, гостей надо было кормить. В доме было две кухни: одна, летняя, в подвале, другая поменьше, зимняя, на первом этаже дома. Всегда держали кухарку: Елизавета Петровна готовить не умела и не любила. Зато она прекрасно умела занять гостей разговорами за столом, во главе которого она сидела и разливала чай из самовара.

Чтобы прокормить всю ораву детей и гостей Сперанские завели большой огород, на котором выращивали картофель и овощи. Картофельное поле в нижней части участка на заливном лугу обрабатывали с помощью лошади, сначала взятой в соседней деревне, а потом своей, прозванной Бельчиком. Почти с самого начала дачной жизни у Сперанских жил дворник. Сначала это был, не помню, то ли Егор, то ли Федор, мужик из соседней деревни, а потом появился Николай Давыдович, который в Первую мировую был контужен и у него был перекошен рот. Он прожил у Сперанских без малого сорок лет, ухаживал за садом и огородом, а зимой топил печи и расчищал снег. Это был ворчливый, но очень добрый и верный человек, которого я помню совсем старым, уже после войны. Забегая вперед, скажу, что именно он спас дачу Сперанских от разграбления и гибели и во время первых лет советской власти, и во время Отечественной войны, когда Сперанские были в эвакуации, а на даче стоял батальон Красной Армии, защищавший подступы к Москве.

Много сил отдавали огороду и сам Георгий Несторович, и его

брат Михаил Несторович. Они завели хорошие инструменты – лопаты, вилы, грабли, выписали из Германии ручной плужок на одном колесе фирмы Planet и очень любили копать и обрабатывать свою землю. На многих сохранившихся фотографиях братья Сперанские запечатлены на огороде, в сапогах, в рубашках с засученными рукавами и с лопатами в руках. У меня сохранились уникальные книги: «Практическое огородничество» [12], написанная «садовником Н. А. Александровым», издания 1901 года, и «Как дешево устроить сад и ухаживать за ним» [13] П. П. Дорофеева, изданная в 1906 году, которые были настольными книгами деда. Потом были посажены и стали плодоносить ягодные кусты – черная, красная и белая смородина, крыжовник, красная и белая малина. Дед посадил яблони: белый и золотой налив и антоновку. Чтобы они не замерзали зимой, он пригибал ветви молодых деревьев к земле, удерживая их кольями, и создавал так называемые «лежачие» яблони. Их можно было легко укрывать на зиму. Я застал эти яблони очень старыми, но и во время моего детства, в конце сороковых годов, эти яблони, особенно антоновка, в урожайные годы ломились от плодов…

Ну а Елизавета Петровна увлекалась цветами. В саду росли розы, гелиотроп, душистый табак, левкои, львиный зев, астры, настурции и пионы разных цветов, маки, желтые лилии, которые до сих пор исправно зацветают вдоль дорожек. Больше всего бабушка любила душистый горошек, который она сажала каждую весну и подвязывала к специальной проволочной сетке, натянутой между деревянными столбами. Любимица бабушки, ручная сорока Галя, ходила вслед за ней и развязывала узелки на цветах. История этой сороки печальная. Птица выпала из гнезда, не умея летать, и бабушка подобрала и выкормила её. Сорока жила на веранде дачи, ходила по столу и, оглядывая всех озорным глазом, склевывала крошки со стола и тарелок. Бабушка, временами довольно строгая к детям и собакам, обожала Галю и позволяла ей делать всё, что та захочет. Днем сорока вылетала в сад, где ходила за бабушкой по пятам или сидела у неё на плече. Так продолжалось все лето. Но однажды в конце августа сорока вдруг не вернулась вечером на веранду. Бабушка не спала всю ночь, поджидая её, и очень волновалась. А утром Галю нашли мертвой в бочке с водой, которая стояла под окном. Наверное, она, перепутав окна, ударилась о стекло закрытого окна, упала в бочку и утонула. Бабушка долго переживала гибель своей подруги и никогда больше не брала в дом птенцов.

Влахернский монастырь до октябрьского переворота. Северный фасад

Пустынный высокий берег речки Икши, где Сперанские купили участок для дачи

Однокалейная Савеловская железная дорога. Построена в 1903–1905 гг.

Поезд у платформы «Влахернская»

Постройка дома Сперанских в Деденеве. Весна 1907 г.

К дому пристраивают террасу. Апрель 1907 г.

Дом Сперанских готов. Осталось застеклить террасу. Лето 1907 г.

Наконец, закончена и большая терраса

Вскоре после завершения строительства дома Георгий Несторович сделал на даче теннисный корт. ***На снимке****: вся семья на уборке листьев*

Бетонный каток для укатывания корта, датированный 1913 г.

Рядом с теннисным кортом поставили стол, за которым в хорошую погоду пили чай

Георгий Несторович с детьми. Зима приблизительно 1910–1911 г.

У лестницы на террасу. Елизавета Петровна с Колей и Катей и родители Георгия Несторовича Нестор Михайлович и Александра Егоровна (1908 г.)

В гостях у Побединских. Слева сидят Николай Иванович Побединский и Елизавета Петровна (приблизительно 1908–1909 гг.)

По краю участка Сперанских протекала речка Икша. В то время она была довольно глубокой, с каменистым и песчаным дном и чистой водой

Рядом с речкой был выкопан небольшой пруд, вода в который поступала из родников и была очень чистой. На пруду Сперанские держали лодку, на которой Георгий Несторович со старшим сыном Колей плавали на Волгу. ***На нижнем снимке****: Катя и Сережа в лодке на пруду (около 1910–1911 гг)*

Георгий Несторович и его брат Михаил Несторович вскапывают картофельное поле на огороде

После работы можно и отдохнуть. Георгий Несторович в шезлонге

Георгий Несторович и Михаил Несторович за расчисткой снега

Георгий Несторович и Михаил Несторович на лыжной прогулке

*На лыжах. **Сверху**: Михаил Несторович и Коля. **Снизу**: Георгий Несторович*

Георгий Несторович, неизвестная гостья и Елизавета Петровна

На берегу Икши. ***Стоят слева направо****: Георгий Несторович, Пётр Фёдорович Филатов (в венке на голове), Коля, Владимир Петрович Филатов (в кепке), Катя.* ***Сидят****: Сережа и Елизавета Петровна (приблизительно 1909–1910 гг.)*

У дачного крыльца. ***Стоят:*** *Георгий Несторович Елизавета Петровна и Катя* ***Сидят:*** *Серёжа Пётр Фёдорович Владимир Петрович и Коля (1911 г)*

Глава 6
Первая Мировая война. Февральская революция – надежды и разочарования. Октябрьский переворот

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года Германия объявила войну России. Во время Первой мировой войны Георгий Несторович не был призван в армию. Его сыновья были ещё детьми, и трагедия 1914–1916 годов непосредственно не коснулись семьи Сперанских, хотя война существенно изменила распорядок их жизни. «Война 1914 года, – пишет дед в своих воспоминаниях, – отвлекла благотворительные средства и врачебные кадры от работы по ребенку, и стационар «Дома грудного ребенка» стал обслуживать детей-сирот и беженцев с западных окраин в связи с военными действиями. Они целыми вагонами прибывали в Москву. Все, что можно было, было занято беженцами. «Дом грудного ребенка» был переполнен сиротами и беженцами, и город стал давать субсидию на их содержание. Благотворительное общество извлекало, сколько возможно, средств на поддержку учреждения». Сотрудники Дома дежурили на Брестском (теперь Белорусском. – ***А. О***.) вокзале, где встречали поезда с беженцами из оккупированных немцами областей и отбирали больных детей для помещения в больницу.

Но этим общественная деятельность Георгия Несторовича не ограничивалась. Здесь мне хочется снова привести выдержку из воспоминаний С. Н. Куманиной-Декапольской: «…Я снова встретилась с Георгием Несторовичем в 1914 году, когда началась война с Германией. Никто не был готов к такой войне. Уже с середины августа в Москву стало поступать громадное количество раненых. В Москве не хватало госпиталей… Все больницы были заполнены, и множество раненых лежали на эвакопунктах на вокзалах в ужасных условиях. И тут пришлось принимать срочные меры. В Александро-Мариинском институте, где я в то время работала, задержали начало учебного года и организовали прекрасный госпиталь. Училось там приблизительно 300–400 девочек. Кроватей хватало, была столовая, и всё это было предоставлено раненым воинам. Палаты были организованы в дортуарах, как мы называли спальни. В одном из классов, самом большом, где я сама училась пять лет… была организована

операционная, в другом классе рядом – перевязочная. Здание было прекрасное, и нашим воинам были предоставлены отличные условия. И всё это организовал Георгий Несторович Сперанский, молодой, энергичный администратор. Он пригласил хороших врачей. Обслуживающий персонал был из служащих института, а медицинский персонал был отлично подобран. Я, как и многие бывшие воспитанницы Института, была привлечена к работе с ранеными. Я работала в качестве сестры милосердия, окончив краткие сестринские курсы при 1-й Градской больнице. Постепенно помощь раненым начала налаживаться, и в декабре было решено закрыть наш госпиталь, сделать ремонт и дать возможность девочкам, исключительно дочерям военных, продолжить учение. Но Георгий Несторович проявил громадную энергию и госпиталь не закрыли, а перевели его в только что отремонтированный жилой дом на улицу Мясницкую, теперь Кирова. Весь медицинский состав перешёл в новый городской госпиталь. Возглавлял его Георгий Несторович, и он был на высоте. К сожалению, Сперанский не долго руководил госпиталем. Он вел громадную медицинскую и общественную работу с больными детьми и, спустя несколько месяцев, был вынужден передать руководство госпиталем другому врачу. Мы все были очень удручены его уходом, так как он был необычайно дельным, энергичным и чутким руководителем. Я горжусь, что в жизни я так много сталкивалась с этим прекрасным человеком и врачом».

Несмотря на свою занятость и военные тяготы, Сперанский часть своего времени отдавал преподаванию. В 1915 году он начал работать внештатным ассистентом детской клиники Высших женских курсов, где читал слушательницам лекции по физиологии новорожденных [14]. Позже дед вспоминал: «Когда я впервые загорелся мыслью об изучении здорового ребёнка, многие из моих коллег не понимали меня. Заниматься здоровыми детьми в то время, когда болезни уносили тысячи жизней, когда устав не позволял принимать в больницы детей моложе двух лет только потому, что больше половины их там просто погибали! А дело всё в том, что физиология ребенка, особенно новорожденного, была тогда белым пятном в науке. Но я понимал, что, не изучив её, нам не одолеть болезней». Проработал он там до самого октябрьского переворота, когда курсы закрыли. Думаю, что хорошим подспорьем в изучении физиологии маленьких детей была для деда его собственная семья. Весной 1915 года к уже подросшим детям Сперанских прибавился четвертый ребёнок – только что родившаяся дочка Наташа, Наля, как её будут называть родные и близкие. Елизавета

Петровна уже не справлялась со своим увеличившимся потомством, и ей в помощь взяли молодую девушку Матрёшу. Она прожила у Сперанских всю жизнь до глубокой старости, вынянчив не только мою мать, но и меня.

После Февральской революции Георгий Несторович надеялся, что при новой власти удастся широко наладить работу по снижению детской смертности, которая в России была очень высокой. Уже в феврале 1917 года он пригласил на заседание Московского общества борьбы с детской смертностью всех видных педиатров и акушеров для того, чтобы обсудить задачи и перспективы охраны материнства и младенчества в новых условиях. Была создана комиссия под председательством Сперанского, в которую вошли профессора и доктора А. А. Кисель, В. И. Молчанов, С. И. Федынский, Н. Ф. Альтгаузен, Т. Л. Грауерман, А. Н. Рахманов, С. О. Дулицкий, Алексеев (главный врач Морозовской больницы), Н. И. Ланговой, Б. Э. Эгиз. Секретарями комиссии были назначены М. М. Райц (бывшая секретарем Московского общества борьбы с детской смертностью) и А. И. Баландер. Эта комиссия разработала план мероприятий по охране материнства и младенчества и в первую очередь решила заняться Московским воспитательным домом на Солянке, находившимся в ужасающем состоянии. Мирра Марковна Райц вспоминает, как она в первый раз пришла в это учреждение: «Отделение для здоровых детей представляло собой огромную залу, в которой было размещено 100 детских колыбелек, закрытых марлевым пологом. У входа в «палату» была сложена гора матрацев, которые на ночь расстилали кормящие матери (они же ухаживали за сиротами) на полу среди детских кроваток».

Второй задачей комиссии Георгия Несторовича было разработать план открытия специальных курсов по подготовке медицинских сестер и воспитательниц. Была составлена, обсуждена и утверждена программа курсов и основные положения о детских учреждениях. Разразившийся большевистский переворот парализовал деятельность комиссии, и её планы остались на бумаге. Известный акушер Т. Л. Грауерман утешал своих коллег, правильно предвидя и говоря, что «нас ещё позовут».

Из подлинных документов этого периода жизни деда сохранилось удостоверение, выданное ему 7 июля 1917 года канцелярией Попечителя московского учебного округа за № 20660: «Дано сіе Георгію Несторовичу Сперанскому въ томъ, что он состоитъ ассистентом Дътской Клиники на Московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ и пользуется, согласно почто-

телеграммъ Главного Управленія Генерального Штаба на имя Министра Народного Просвъщениія от 7апръеля 1917 года за № 19951, правомъ на отсрочку призыва на военную службу. Попечитель (подпись неразборчива). Правитель Канцеляріи В. Стефановский (или Стефанович)».

Октябрьский переворот Георгий Несторович встретил взрослым человеком, и многое в деятельности советской власти он не одобрял. Но он был далёк от политики. Главное, что его интересовало – здоровье детей и борьба с детской смертностью. И в этом он нашел единомышленников в рядах первых советских государственных деятелей: наркома Государственного призрения и социального обеспечения А. М. Коллонтай (1872–1952) и заведующую Отделом охраны материнства и младенчества при Наркомздраве РСФСР В. П. Лебедеву (1881–1986).

Дальнейшие сведения из жизни моего деда в этот период я почерпнул из книги О. А. Чумаевской о Г. Н. Сперанском, изданной в издательстве «Медицина» в 1973 году [15]. «Первое знакомство В. П. Лебедевой с Г. Н. Сперанским, – пишет О. А. Чумаевская, – состоялось в мае 1918 года… Они не сразу нашли общий язык. Г. Н. Сперанский отнесся сначала недоверчиво к идее создания государственной системы охраны материнства и младенчества». Однако, присматриваясь к деятельности Отдела, возглавляемого Лебедевой, и встречаясь с ней, он поверил в серьёзность её планов и смог убедить в этом остальных членов избранной в феврале 1917 года комиссии. Они согласились на сотрудничество с отделом, возглавляемым В. П. Лебедевой. В дальнейшем Вера Павловна сыграла важную роль в жизни моего деда и его семьи.

Во время войны Елизавета Петровна была вынуждена сесть за швейную машинку

Няню детей Сперанских Матрёшу отрядили собирать пожертвования для госпиталя

Весной 1915 г. у Сперанских родилась вторая дочь Наталья (Наля)

Нале два года (Деденево, лето 1917 г.)

Последнее лето все вместе на даче. ***Слева направо****: Коля, Катя, Елизавета Петровна с маленькой Налей на руках, Сережа. Снимает Георгий Несторович (июль 1918 г.)*

Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952 гг.). В 1917–1918 гг. Нарком Государственного призрения

Вера Павловна Лебедева – с 1918 по 1931 год – руководитель отдела охраны материнства и младенчества в Наркомздраве РСФСР. Снимок сделан в 1968 г. во время торжественного

заседания, посвященного 95-летию ГН. Сперанского. Вера Павловна произносит поздравительную речь.

Глава 7
Бегство на юг. Жизнь в Одессе. Гибель старшего сына и исчезновение дочери. Переезд на Кубань

Однако всё было очень не просто в эти годы. Осенью 1918 года, спасаясь от голода и холода, надвигавшихся на Москву, дед с семьёй, состоящей к тому времени из супруги Елизаветы Петровны и четырех детей, старшей из которых было 19 лет, а младшей – 3 года, был вынужден уехать в Одессу к брату Елизаветы Петровны известному окулисту В. П. Филатову. В те страшные годы такое путешествие было сопряжено с множеством опасностей и лишений. Нужно было в условиях Гражданской войны пересечь южную Россию и всю Украину с севера на юг, то есть проехать путём тысяч оголодавших и натерпевшихся от советской власти людей, стремящихся спастись от большевистского террора. Я не слышал от моих деда и бабушки рассказов об их переезде в Одессу, но достаточно прочитать воспоминания З. Н. Шаховской, чтобы хорошо представить себе тот страх и те унижения, которые перенесли все, кто прошёл этим тернистым путём [16]. Особенно рисковали сам Георгий Несторович и его старший сын Коля, которых легко могли принять за беглецов в Белую армию, и расстрелять без разговоров на любой российской станции. Украина в 1918 году была самостоятельным государством, и для проезда туда нужен был заграничный паспорт. У нас долго хранился этот уникальный документ, «выданный Е. П. Сперанской с детьми, едущей в Одессу к брату». По каким документам выехал из России её муж, история умалчивает. Судьба оказалась благосклонной к Сперанским и они благополучно добрались до Одессы. Однако работы по специальности там для деда не нашлось, и жизнь оказалась очень тяжелой. С большим трудом он смог устроиться препаратором на кафедру патологии Одесского медицинского института к профессору В. В. Воронину. Несмотря на помощь Филатова, денег катастрофически не хватало, и одно время дед был вынужден зарабатывать семье на пропитание, работая «холодным» сапожником на набережной.

В это время Сперанские потеряли двух старших детей. За Одессу велись интенсивные бои между красными и белыми, и

город несколько раз переходил из рук в руки. Во время одного из «красных» периодов старший сын деда Николай попал в облаву и был расстрелян большевиками, как объяснили деду, «по ошибке». Ему в это время было всего 16 лет. Старшая дочь, Екатерина, будучи 19-летней девушкой, в том же году, как передают семейные легенды, уплыла с рыбаками-контрабандистами в Константинополь за продуктами и пропала. Дед ничего не знал о ней в течение почти двух лет, считая её погибшей. О её необычной судьбе я расскажу ниже.

В конце 1919 года Георгий Несторович, оставив жену и детей у шурина, уехал в поисках работы сначала в Майкоп, где до августа 1920 года работал заведующим школьно-санитарным подотделом здравотдела местного ревкома (согласно сохранившемуся удостоверению, выданному Майкопским советом народных депутатов), а затем был командирован в Екатеринодар, который после установления в нем советской власти был переименован в Краснодар. Там он стал заведовать кафедрой детских болезней только что открывшегося университета. Одновременно он получил должность заведующего подотделом охраны материнства и младенчества Кубано-Черноморского областного отдела здравоохранения. Вскоре он перевёз в Краснодар и жену с оставшимися двумя младшими детьми… Много лет спустя, приехав в Краснодар оппонентом на защиту диссертации ученика моего коллеги профессора Порханова, я с приятным чувством увидел в зале Ученого совета Краснодарского мединститута среди портретов местных профессоров, заведующих институтскими кафедрами, знакомое до боли лицо своего деда и был рад узнать, что его там помнят и считают основоположником краснодарской педиатрии.

Несмотря на голод и лишения «смутного времени», на гибель любимого сына и исчезновение старшей дочери, вопрос об эмиграции никогда не стоял перед Сперанскими, любившими Россию и не представлявшими себе жизни вне родины.

Дети Сперанских в Одессе (Октябрь 1918 г.). Сережа, Наля, Коля (последнее его фото) и Катя

Наля с няней Матрёшей в Одессе (осень 1918 г.)

Р. С. Ф. С. Р.

МАЙКОПСКИЙ
СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Отдел здравсохранения.

№ 1892

17 Июня 1920 г.

Гор. Майкоп

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего врач Георгий Несторович СПЕРАНСКИЙ состоит действительно Заведующим Школьно-санитарным подъотделом Здравоотдела Майкопскаго Ревкома, что подписью и приложением печати удостоверяется.-

Заведующий Здравоотделом [подпись]

Секретарь [подпись]

Р. С. Ф. С. Р.

КОММИСАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Майкопский Отдельский
Отдел Управления

Подотдел Информ.-
Инструкторск.
Стол Личного Состава

16 августа 1920 г.
№ 7031

г. Майкоп, Куб. обл.

МАНДАТ

Дан сей Сперанскому Г.Н.
Заведывающему пр. охраны детства.

в том, что он действительно командируется в г. Екатеринодар в распоряжение Завкубчерндрав согласно телеграммы его ст. за № 26753.

Вышеизложенное и собственноручную роспись товарища Сперанского [подпись] подписями и приложением печати удостоверяется.

Настоящий мандат действителен на семь дней.

Председатель Ревкома [подпись]

Заведующий Отупра [подпись]

Секретарь Ревкома [подпись] 2011

Документы выданные Георгию Несторовичу в Майкопе и Краснодаре

Глава 8
Возвращение в Москву. Первые шаги советской педиатрии. Дом охраны младенца – институт и кафедра педиатрии

В начале 1921 года дед получил от В. П. Лебедевой приглашение приехать в Москву и официальный вызов из наркомата здравоохранения. Летом этого же года Сперанские вернулись в столицу и вновь стали жить в своей квартире во 2-м Неопалимовском переулке, правда, занимая там теперь только две комнаты. Организованный ещё в XVIII веке, Воспитательный дом на Солянке, прозванный за чрезвычайно высокую смертность детей «фабрикой ангелов», был к этому времени преобразован в Дом охраны младенца Народного комиссариата здравоохранения (ДОМ НКЗ). Перемена названия мало что изменила в этом заведении. Елизавета Эрнестовна Цоппи, много лет проработавшая там медицинской сестрой, вспоминала о порядках в Доме в первые годы советской власти: «В первое время смертность была ужасающая, так как после революции прекратили отдавать детей в деревню. Ежедневно «палаты» (в них находилось 30 и более детей) обходила женщина с корзинкой, заглядывавшая в дверь с ежедневным стереотипным вопросом: «Покойнички есть?». В случае положительного ответа забирала трупики в корзину. С кормлением детей дело обстояло очень плохо, не хватало ни женского, ни коровьего молока, хотя при Воспитательном доме имелась загородная ферма на 40 коров, откуда ежедневно на Солянку привозили молоко. После революции доставка молока прекратилась… Горбатые пеленальные столы принадлежали ещё Воспитательному дому, а умывальники в палатах сделали только через несколько лет после революции…». Е. Э. Цоппи утверждает, что уже перед революцией в нише каменного забора никакой корзины (для подкидышей. – ***А. О.***) не было, и когда это было, она не знает, может быть, в прошлом веке. В этом столетии подкидышей сдавали в Дом либо те люди, которые нашли младенца, либо городовой, которому они передавали ребёнка.

9 сентября 1921 года на общем собрании врачей Георгий Несторович был единогласно избран старшим врачом этого учреждения и стал заведовать отделением для больных детей, так

называемым тринадцатым отделением, организованным в отдельно стоящем здании, окна которого выходили на набережную Москвы-реки около Устьинского моста. В том же году, судя по сохранившемуся у меня документу, Георгий Несторович был приглашен «консультантом для учреждений охраны материнства и младенчества» Губздравотделом Нижнего Новгорода. Вскоре, как пишут А. И. Баландер и М. Я. Пуковская, он был избран профессором по кафедре детских болезней медицинского факультета Государственного нижегородского университета. Как ему удавалось совмещать работу в Москве и Нижнем Новгороде, куда поезд шёл в то время больше 12 часов, остается для меня загадкой, но энергии и сил у моего деда в молодости было хоть отбавляй.

Выходя за рамки своих прямых обязанностей в Доме охраны младенца, он стал проводить еженедельные конференции, на которых обсуждались лечебные и научные проблемы. В 1922 году под редакцией Г. Н. Сперанского стал выходить «Журнал по изучению раннего детского возраста», а в ноябре этого же года по представлению В. П. Лебедевой Народный комиссариат здравоохранения постановил реорганизовать Дом охраны младенца в Государственный научный институт охраны материнства и младенчества (ГНИОММ). Этому предшествовала большая организационная работа, в которой Георгий Несторович принимал самое активное участие. Был выработан план реорганизации ДОМ и положение о ГНИОММ. 10 января 1923 года Г. Н. Сперанский был избран председателем Совета института, а 3 февраля был утвержден его директором. В этой должности он проработал до 1931 года, когда по его собственному желанию он был освобожден от руководства институтом и был назначен научным руководителем педиатрического отдела ГНИОММ. Одновременно он продолжал работать в своем 13-м отделении, в котором лечились заболевшие дети из других отделений института и поступали пациенты из городских поликлиник. В отделении под руководством Георгия Несторовича работали ассистент, ординаторы и врачи-экстерны, число которых быстро увеличивалось. По свидетельству А. И. Баландера и М. Я. Пуковской «врачей-экстернов привлекает как научная работа, так и руководящий этой работой Г. Н… Одно из основных стремлений Г. Н. – передавать знания в массу врачей и сестёр. Он приветливо встречает каждого, кто приходит к нему для того, чтобы получить эти знания, поработать или просто присмотреться к больному ребёнку. Часть экстернов, работающих в 13-м отделении, остается при Институте в качестве научных сотрудников, а потом – сверхштатных ассистентов и

ординаторов».

В Институте были открыты отделения для недоношенных детей (первое в России), в котором работали врачи Т. Н. Чеботаревская и Е. А. Ивенская, несколько позднее Э. М. Кравец, туберкулезное (Н. А. Альтгаузен и И. В. Цимблер), кожно-венерологическое (М. М. Райц), инфекционное (А. И. Доброхотова). Для организации современной молочной кухни был приглашен только что вернувшийся из длительной заграничной командировки Я. Ф. Жорно. Но Сперанского интересовали не только больные дети. По его инициативе в Институте были созданы отделы по изучению физиологии здорового ребенка, его физического развития (Р. О. Лунц) и высшей нервной деятельности (А. С. Дурново, позже этим отделом стал руководить Н. М. Щелованов). В 20-х годах в клинике, руководимой дедом, была отведена палата для детей с хирургической патологией. Туда был принят С. Д. Терновский, только что окончивший ординатуру по хирургии на кафедре профессора А. В. Мартынова. Как пишет О. А. Чумаевская, Георгий Несторович «предложил молодому хирургу сначала поработать в клинике обыкновенным педиатром и изучить основы педиатрии в области раннего возраста. Только через год С. Д. Терновский начал заниматься чисто хирургической работой…». В послевоенные годы Сергей Дмитриевич Терновский стал признанным главой детской хирургии в нашей стране и создателем самой большой отечественной школы детских хирургов.

Институт охраны материнства и младенчества, который впоследствии был переименован в Институт педиатрии, внес огромный вклад в дело охраны здоровья матери и младенца, что за несколько лет позволило почти вдвое снизить детскую смертность в нашей стране. Можно очень много говорить о деятельности Сперанского в 20-е и 30-е годы, ибо эти годы были годами становления современной педиатрии, и он сыграл в этом важную роль. Интересующегося читателя я отошлю к уже упомянутой книге О. А. Чумаевской, вышедшей в свет через четыре года после смерти деда.

Коротко скажу, что в 1931 году на базе руководимого дедом отделения была создана кафедра болезней детей раннего возраста при вновь организованном в Москве Институте усовершенствования врачей (ЦИУ). Дед стал заведующим этой кафедрой и в 1934 году был утвержден Высшей аттестационной комиссией в звании профессора. Перед самой войной, в конце 1939 года, кафедра болезней детей раннего возраста была переименована в кафедру педиатрии,

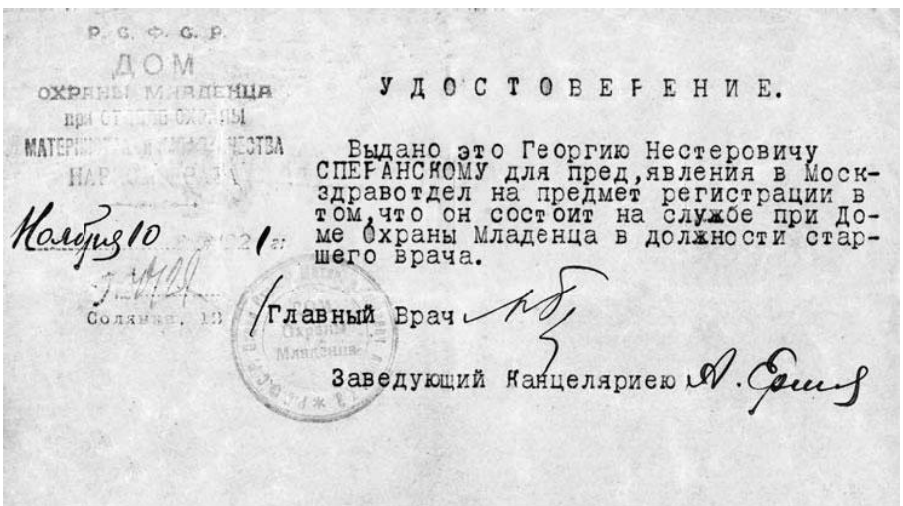
К середине тридцатых годов Георгий Несторович стал самым известным из московских детских врачей. Его популярность увеличилась настолько, что он был приглашен главным консультантом по педиатрии Лечсанупра Кремля (в послевоенные годы – 4-го Главного управления Минздрава) и лечил детей всех членов правительства, в том числе и Светлану, дочку Сталина. У меня хранится черновик письма деда главному вождю с подробным описанием состояния здоровья его дочери. Я привожу здесь текст этого письма со всеми сокращениями и орфографией, написанного характерным для деда мелким, но разборчивым почерком: «Глуб. уваж. Иос. Виссар. Сообщаю, что проделанное у Светл. исследование функциональной способности почек дало вполне благоприятный результат. Почки функционируют хорошо, никакого хронического поражения не имеется. Следовательно, по временам появляющийся белок в моче является симптомом т. н. ортостатической альбуминурии, которая представляет обыкновенно временное явление, стоящее в связи с изменениями кровообращения в почках, особенно при наличии чрезмерного изгиба позвоночника вперед (лордоза), что, как я писал, имеется у Светланы. В связи с отсутствием у Светланы тяжелого заболевания почек, которое требовало бы её лечения в Железноводске, она может поехать после окончания ученья в Зубалово, в Крым или в Сочи. Желательно избегать слишком далеких прогулок, езды на велосипеде и прыжков с высоты. Диэта не требуется, но один день в шестидневку нужно освобождать от мясной пищи». К сожалению, даты на черновике нет, и когда было послано это письмо Сталину, неизвестно.

1 июня 1934 года Президиум ВЦИК присвоил Георгию Несторовичу звание Заслуженного деятеля науки, а через два года он был избран в члены Президиума Ученого совета Народного комиссариата здравоохранения. В начале 1939 года было торжественно отпраздновано его 65-летие и 40-летие врачебной и научной деятельности.

Трудно назвать какую-нибудь проблему в педиатрии, которой бы не занимался в те годы Георгий Несторович, и прогрессу, которому он бы не способствовал. В первую очередь это, конечно, болезни раннего детского возраста, которые до него были очень мало известны широкому кругу педиатров. В 1934 году под редакцией Г. Н. Сперанского вышел объемный учебник болезней раннего детского возраста, который перетерпел несколько повторных изданий [17]. Ноне только больные дети интересовали Г. Н. Сперанского. Большое внимание он уделял развитию здорового ребенка и профилактике его заболеваний. Он написал много популярных книг для родителей: «Уход за ребёнком

раннего возраста» (1917, 1922 [18], 1925, 1929 [19]), «Закаливание детского организма» (1934) [20], «Памятка матери» (1938) [21], «Как укрепить здоровье ребёнка летом» (1939) [22], «Ребёнок раннего возраста. Книга для родителей» (1940) [23]. Эту плодотворную работу на несколько лет прервала Отечественная война 1941–1945 годов.

Дом Охраны Младенца. Солянка, 14. Снимок 1921 г.



Р. С. Ф. С. Р.

ДОМ

ОХРАНЫ МЛАДЕНЦА

при

МАТЕРИ

НАР

Ноября 10 1921 г.

Солянка, 14

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

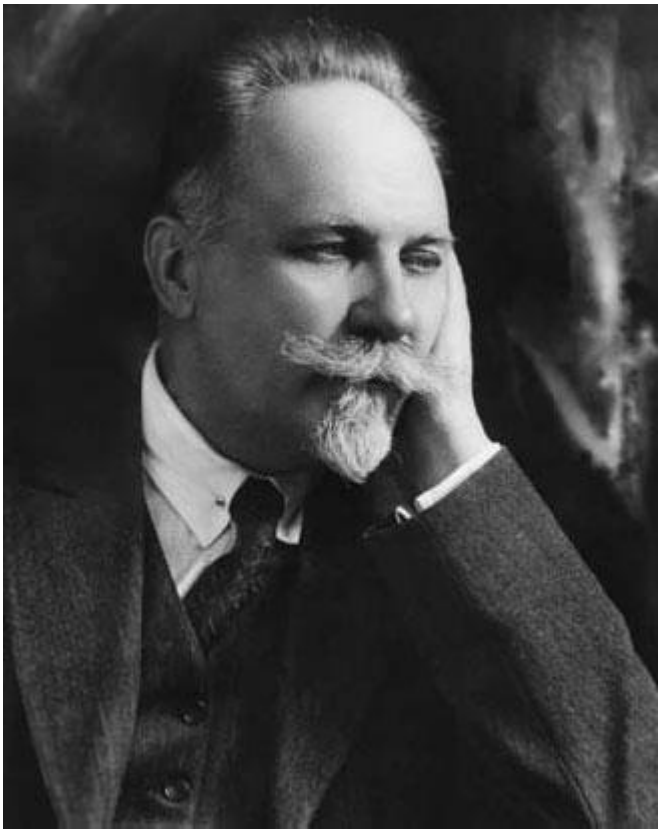
Выдано это Георгию Нестеровичу СПЕРАНСКОМУ для пред,явления в Москздравотдел на предмет регистрации в том,что он состоит на службе при Доме Охраны Младенца в должности старшего врача.

Главный Врач

Заведующий Канцеляриею А. Ершов

«Ноября 10, 1921 г. Удостоверение. Выдано Георгию Нестеровичу СПЕРАНСКОМУ для предъявления в Москздравотдел на предмет регистрации в том, что он состоит на службе при Доме Охраны Младенца в должности старшего врача. Главный врач (?). Заведующий канцелярией А. Ершов»

Сотрудники Государственного Научного Института Охраны Материнства и Младенчества (ГНИОММ). Конец двадцатых – начало тридцатых годов. ***Во втором ряду в центре*** *директор Института ГН. Сперанский (в шляпе).* ***В первом ряду вторая слева*** *старшая сестра ЕЭ. Цоппи (в фартуке к с красным крестом);* ***второй справа*** *Н. Ф. Альтгаузен*



Г. Н. Сперанский (1930 г.)

Юбилей Георгия Несторовича (апрель 1939 г.) ГН. с дочерью Налей и сыном Сергеем

Директор ГНИОММ профессор Г. Н. Сперанский в своем

кабинете (30-е годы)

Здание около Устьинского моста, в котором находилось 13-е отделение ГНИИОММ, возглавляемое Г. Н. Сперанским (современная фотография)

Глава 9
Известие от Кати. Семейная и дачная жизнь Сперанских в 1920-х – 30-х годах

Главным событием 1921 года в семье Сперанских, бесспорно, оказалось известие из Англии о том, что их старшая дочь Екатерина жива. Как я уже писал, в 1919 году она отправилась из Одессы в Константинополь за продуктами и исчезла. Почти два года дед и бабушка оплакивали свою дочь, будучи уверены, что она погибла. Я не знаю точно, что с ней произошло, но в Турции она оказалась без денег и документов. На своё счастье, она встретила на улице молодого шотландского аристократа Джона Мк Роби – офицера английского экспедиционного корпуса, который влюбился в неё с первого взгляда и в трюме британского военного судна тайно увез её в Англию. Там Катя, представившись его родственникам француженкой (французский язык она знала с детства в совершенстве), вышла за него замуж, родила сына и только в 1921 году смогла связаться со своими родителями и сообщить, что жива. В 1923 году дед сумел добиться в Наркомате здравоохранения командировки в Англию и Германию «для изучения постановки дела охраны материнства и младенчества». В Англии он впервые после четырехлетнего перерыва вновь обрёл свою старшую дочь и увидел своего первого внука. Спустя несколько месяцев Екатерина приехала рожать второго сына в Москву к своей матери, после чего снова уехала в Англию. Забегая вперед, следует сказать, что в 1927 и в 1928 годах Екатерина Георгиевна снова приезжала в Россию с обоими детьми, и больше на родине не была до 1954 года, когда после смерти Сталина дед выхлопотал ей приглашение в Советский Союз. В начале тридцатых годов Екатерина Георгиевна развелась со своим первым мужем и вышла замуж за Артура Барбера, владельца небольшого банка в Лондоне. В 1936 году Елизавета Петровна и Георгий Несторович ненадолго съездили в Англию, где познакомились с новым мужем своей дочери и повидали своих выросших внуков.

Вернувшись в Москву весной 1921 года, Сперанские с радостью и удивлением обнаружили, что их любимая дача на платформе «Влахернская» сохранилась, хотя соседняя дача Побединских сгорела дотла. По ходатайству наркома здравоохранения Н. А. Семашко дача была возвращена их

владельцам, хотя от части участка дед вынужден был отказаться. И вновь началась дачная жизнь с частыми визитами старых и новых друзей, многие из которых были весьма известными в советской России. К ним можно отнести писательницу, переводчицу и поэтессу Татьяну Львовну Щепкину-Куперник, много времени проводившую у Сперанских; академика Владимира Петровича Филатова, каждое лето гостившего у своей сестры; кораблестроителя академика Алексея Николаевича Крылова, приходившегося бабушке троюродным братом (бабка А. Н. Крылова, Марья Михайловна, была родной сестрой деда Елизаветы Петровны, Федора Михайловича Филатова. – ***А. О.***); академика Петра Леонидовича Капицу, женатого на дочери А. Н. Крылова Анне Алексеевне; известного хирурга Сергея Сергеевича Юдина и не менее известного в те годы другого хирурга Петра Ивановича Постникова, бывшего до революции совладельцем популярной среди богатых москвичей частной лечебницы Постникова и Сумарокова; знаменитого художника Михаила Васильевича Нестерова; композитора и профессора консерватории Сергея Никифоровича Василенко, купившего дачу недалеко от Сперанских; архитектора Александра Васильевича Власова, в последующем – Главного архитектора Москвы, жившего по соседству.

Елизавета Петровна очень увлекалась садоводством и разводила множество цветов. Не забывали и огород, который помогал кормить семью и гостей. Начиная с 1926 по 1947 год, правда с перерывами, Елизавета Петровна вела своеобразный дневник, в котором отражались сельскохозяйственные работы и некоторые семейные события. Приведу выдержки из него. «1926 год. 14 августа – пересажена белая малина на ту часть огорода против дорожки, которая предназначена для новых посадок малины. В тот же день украли лодку. Заявлено в милицию. 22 августа – посажена черная смородина… рядом с грядкой клубники. 25 августа – пересажено 5 кустов крыжовника от Побединских. 5 сентября – посажена на будущий год капуста: ранняя, брюссельская и красная. 1927 год. 7 апреля – переехала я с Налей и мальчиками (английскими внуками – 4-летним Джорджем (Додиком) и 7-летним Никольсом. – ***А. О.***). 15 апреля – весна теплая, разлив (реки. – ***А. О.***) небольшой. Парник готов. Посеяла в парник цветную капусту. 8 мая – рождение Нали. Ясный день, но холодный северный ветер. Сажали яблони, привезенные из-под Москвы из Ново-Гиреева… Ели первую редиску из парника. Цветут примулы и анютины глазки. 1 июня – огород засеян весь. Погода чудесная, ночи теплые – 13–15 градусов. Наля купалась в первый раз. В воде 15 градусов.

Кончился съезд педиатров, Гоня проехал поздно вечером до Дмитрова – проспал, оттуда шел пешком всю ночь…».

Дачный участок Сперанских располагался на берегу довольно глубокой и заросшей плакучими ивами речки Икши, с чистым каменистым дном и родниковой водой. В 1934–1935 гг. во время строительства канала Москва—Волга в Икшу начали сливать пульпу от гидромониторов, которыми размывали грунт на трассе канала, и речка заилилась и обмелела. Погибли старые ивы, пересохли родники, питавшие речку, и в настоящее время она превратилась в грязный ручеёк, заросший осокой и заваленный различным хламом. В тот же период невдалеке от нашей дачи стали брать щебень для строительства канала, и карьер стал быстро и неумолимо приближаться к участку Сперанских. Уже был срыт высокий речной берег, где когда-то стояла дача Побединских и наверняка произошла бы катастрофа, если бы дед, посоветовавшись с Елизаветой Петровной, не пошел на прием к всевластному министру НКВД Ягоде и не упросил его остановить продвижение карьера. И карьер был остановлен точно по забору участка Сперанских. Непостижимо, но факт есть факт!

К Сперанским часто приходила играть в теннис писательница Наталья Семпер (Соколова), которая в своих воспоминаниях «Портреты и пейзажи» [24] так описала их дачу и её обитателей: «…От станции две минуты и с рельсов налево. За калиткой дорожка к светло-серому двухэтажному дому с двумя большими балконами внизу и наверху. Участок окружен высокими деревьями, слева стена из старых елей (это описание, скорее всего, относится к более поздним годам, когда Наталья Николаевна писала свои воспоминания, т. к. в средине 30-х годов, когда она бывала на даче Сперанских, эти ели были ещё молоденькими, а балкон второго этажа был пристроен более поздними владельцами дома в 60-х годах. – ***А. О.***). Сад спускается к Икше, в нем корт ниже дома. Сперанские поселились здесь раньше всех – как только открылась железная дорога (в 1906 году). Воображаю, какой был рай *тогда*… Глава семьи Георгий Несторович – известный всей Москве педиатр, его жена Елизавета Петровна – сестра знаменитого окулиста В. П. Филатова. Трое детей: старшая дочь Катя живет в Англии, пишет романы под псевдонимом Кэй Линн; сын Сережа – молодой инженер, он женат на Кире Постниковой, дочери не менее известного хирурга Постникова и О. П. Сорокоумовской (из бывших купцов-миллионеров); младшая дочь Наля – студентка геолого-разведочного института (почвенно-географического факультета Московского университета. – ***А. О.***). В семье принят английский стиль, английский язык и светские манеры (я не совсем с этим

согласен – бабушка английского языка почти не знала и, если и любила что-то английское – то только платья и кофточки в английском стиле. Впрочем, что было до войны, я помнить не могу. – ***А. О.***). Елизавета Петровна сама напоминает Бетси Тротвуд из «Давида Копперфильда»: среднего роста, крепкая, строговатая леди… в рабочем платье, в садовых перчатках без пальцев; в корзинке, висящей на локте, лежат ножницы, секатор, бечевка – она всё утро в саду, ухаживает за цветами. Её любимое детище – породистый душистый горошек, арка-аллея из вьющихся стеблей с крупными, нежно благоухающими цветами всех нежных оттенков радуги. А по бокам лестницы на балкон тремя уступами пламенеют в ящиках замечательные настурции: от огненно-красных и ярко-оранжевых до ярко-желтых. Не все допускаются на балкон и в дом, знакомая молодежь идет прямо на площадку, и не всякий может на ней играть; сама игра лучше и строже, чем у Толоконниковых и Невских (в Свистухе – соседнем дачном поселке за каналом. – ***А. О.***), – здесь не принято кидаться как попало, стараются добиться мастерства, выигрыша, успеха. Лучше всех играет в теннис Кира – черноволосая, черноглазая, всегда оживленная, легкая, с огоньком: такой мне представляется Наташа Ростова. Наля Сперанская – беленькая, стриженая, современная… По пути на площадку я мимоходом заглядываю направо, на высокий застекленный балкон, где бывают за столом недосягаемые люди: художник Нестеров, композитор Василенко, хирурги Постников и Юдин, писательница Щепкина-Куперник… Что влечет их сюда? Несомненно, уникальная личность Владимира Петровича Филатова. Живя постоянно в Одессе, занимаясь научной работой, руководя прославленной клиникой, он приезжает летом отдыхать к сестре, потому что любит нашу Влахернскую и своих близких…».

Условия московской жизни Сперанских тоже немного улучшились. В 1925 году семья переехала из двух комнат коммунальной квартиры в Неопалимовском переулке в отдельную, тоже двухкомнатную квартиру в главном здании института с входом со двора. Основным удобством нового жилища было то, что до своего рабочего кабинета дед доходил пешком за пять минут. Конечно, в двухкомнатной квартире на Солянке Георгию Несторовичу и Елизавете Петровне с двумя взрослыми детьми было тесновато, даже при том, что большую часть года Елизавета Петровна жила на даче. Но ведь в те времена подавляющее большинство москвичей и мечтать не могли об отдельной, хоть и маленькой квартире. В 1932 году сын Сперанских Сергей, молодой инженер-строитель, женился на упомянутой выше Кире Постниковой и ушёл жить к Постниковым

на Большую Никитскую улицу, позднее переименованную в улицу Герцена. Там в 1932 году у них родилась дочка Марина. С самого раннего детства Марину каждое лето перевозили к бабушке на дачу, которая стала для неё родным домом. Тремя годами позже дочь Сперанских Наля вышла замуж за высокого спортивного юношу, студента Архитектурного института, Адриана Овчинникова, мастера спорта, одного из сильнейших горнолыжников страны. Адриан, у которого жилищные условия были ещё хуже, переехал к Сперанским. Им отвели одну из двух комнат. В декабре 1937 года на Солянке появился новый член семьи Сперанских, Алёша, через семьдесят лет задумавший написать эту книгу. На Солянке Сперанские прожили до 1938 года, когда с помощью Веры Павловны Лебедевой Георгий Несторович получил пятикомнатную квартиру в доме № 14/16 на улице Чкалова, в так называемом «чкаловском» доме, о котором будет разговор в следующих главах.

Елизавета Петровна с Налей и Серёжей после возвращения в Москву

Старшая дочь Сперанских Екатерина (снимок 1918 г.)

Джон Мк Роби, первый муж Екатерины, вывезший её из Константинополя

Копия.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА.

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ЗАГРАНИЧНЫМ КОМАНДИРОВКАМ НКП

от I4/VII-23 года.

Слушали:	Постановили:
4. Представление Наркомздрава и командировании проф. Георгия Несторовича СПЕРАНСКОГО в Германию и Англию на I I/2 месяца для изучения постановки дела охраны материнства и младенчества, с ассигнованием 400 руб. из кредитов Наркомздрава.	4. Ходатайство удовлетворить ассигновав 400 руб. из кредитов Наркомздрава.

Председатель

Члены:

Секретарь:

С подлинным верно:

Зав. Секретарь Главнауки /подпись/

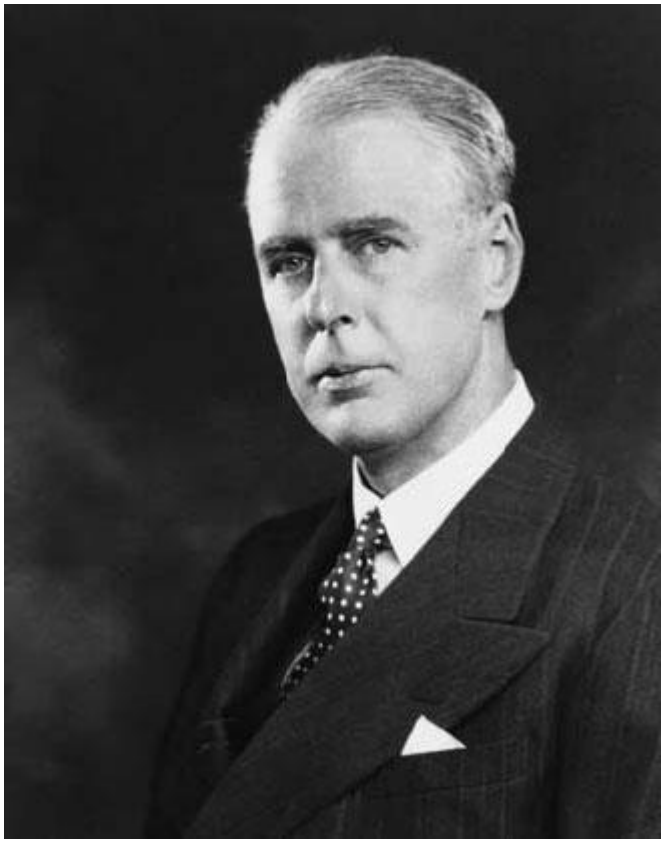
С подлинным верно:
Зав. канцелярией

Постановление о командировке Г. Н. Сперанского в Германию и Англию в 1923 г.

Первая встреча Г. Н. Сперанского со своей дочерью Екатериной, её мужем Джоном и внуком Никольсом. Англия, 1923 г.

Сергей и Наля Сперанские с Екатериной Георгиевной и её детьми во время их приезда в Москву в 1927 г.

Елизавета Петровна и Наля с Колей и Додиком Мк Роби. Москва, 1928 г.

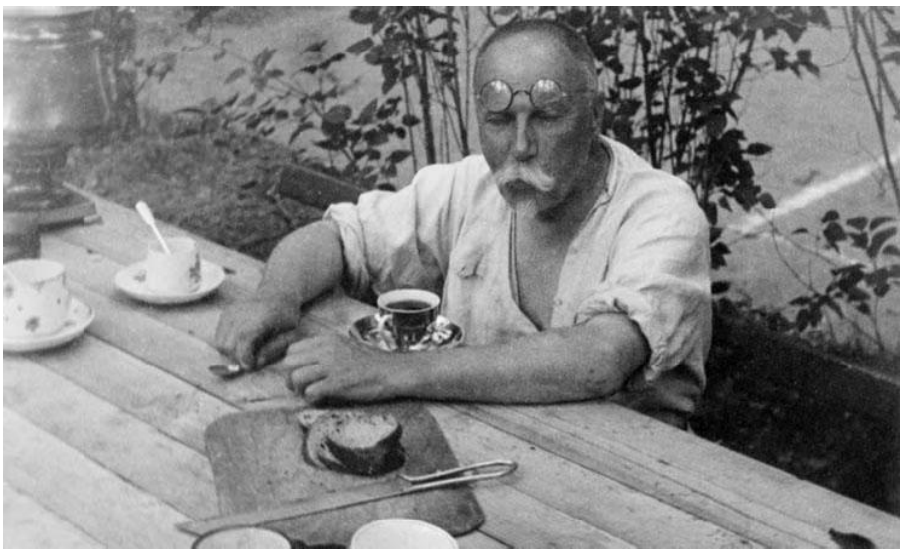


*Екатерина Георгиевна **(сверху)** и её второй муж Артур Барбар **(снизу)***

Георгий Несторович и Елизавета Петровна Сперанские в гостях у Екатерины Георгиевны и Артура в 1936 г.

Георгий Несторович на даче

Дружеский шарж, подаренный Георгию Несторовичу сотрудниками к его 30-летнему юбилею в 1929 г.



После работы – чай в саду (1932 г.)

Елизавета Петровна на даче в Деденеве (1932 г.)

Елизавета Петровна на даче в Деденеве (1937 г.)

Гостей, приезжающих на дачу к Сперанским, принимали на веранде

А в хорошую погоду – за чайным столом у теннисного корта

Елизавета Петровна и Георгий Несторович за чайным столом на даче (1932 г.)

Георгий Несторович с Налей в Деденеве (весна 1937 г.)

Невестка Елизаветы Петровны Кира Постникова, жена Сергея Сперанского

Сергей Георгиевич Сперанский (1932 г.)

Елизавета Петровна с внучкой Мариной (1933 г.)

Владимир Петрович Филатов с пуделем Сперанских Диком и Елизавета Петровна с сыном Филатова Серёжей (Деденево, 1930 г.)

В 1935 г. Наля Сперанская вышла замуж за Адриана Овчинникова и в 1937 г. у них родился сын Алёша

Георгий Несторович с внуком Алешей (Москва, 1938 г.)

Сперанские и их гости. На ступеньках дачной веранды. Лето 1939 г. ***В первом ряду слева направо****: Сережа Филатов (Ложкин), Марина Сперанская, Наля с Алёшей, Илья Ярошевский (сводный брат Адриана Овчинникова);* ***во втором ряду****: Александра Васильевна Скородинская (жена В. П. Филатова), Т. Н. Щепкина-Куперник Елизавета Петровна, Наталья Романовна Овчинникова-Ярошевская (мать Адриана Овчинникова);* ***в третьем ряду****: няня Нали и Алёши Матрёна Тимофеевна и няня Адриана Овчинникова и Ильи Ярошевского Ксения Афанасьевна*

Глава 10
Арест Михаила Несторовича Сперанского

Жизнь Сперанских в первые десятилетия советской власти, казалось, протекала вполне благополучно. Георгий Несторович много и увлеченно работал, и его усилия не пропадали даром. Всеобщее признание профессиональных заслуг, умная и любящая жена, взрослеющие дети, рождение здоровых внучат, собственное здоровье и энергия, позволяющие продуктивно трудиться и активно отдыхать на любимой даче – всё это, я думаю, позволяло деду считать свою жизнь вполне счастливой и состоявшейся. Конечно, не всё было так светло и хорошо в то время, жизнь Сперанских не во всем была простой, ведь жили они не на необитаемом острове. Дед и бабушка знали о многом, что происходило в нашей стране в тридцатые годы, и я уверен, глубоко переживали внезапные исчезновения известных им людей и газетные новости о судах и расстрелах политических деятелей, но, благодаря инстинкту самосохранения, предпочитали не обсуждать эти события, во всяком случае, при детях и знакомых. До поры до времени политические репрессии не касались напрямую нашей семьи. Но тучи сгущались, и вскоре гром грянул и над Сперанскими.

Весной 1934 года по подозрению в антисоветской деятельности был арестован старший брат деда, академик-филолог, специалист по древнерусской литературе, Михаил Несторович Сперанский, книжный учёный, человек абсолютно далёкий от политики. Его ученица на курсах Герье, существовавших до Октябрьской революции, Вера Александровна Жорно, о которой я уже упоминал выше, вспоминает о Михаиле Несторовиче: «Он был спокойным и сдержанным, не в пример младшему брату, некрасивым, рано облысевшим. Михаил Несторович был знатоком древне-славянской истории и языка и очень эрудированным ученым». Его политические взгляды Вере Александровне были неизвестны, хотя она часто бывала у него в доме в числе других курсисток. Михаил Несторович приглашал их для дополнительных занятий, беседовал с ними на научные темы, угощал чаем. У Михаила Несторовича не было детей, и он долго жил холостяком, но в зрелом возрасте сошёлся со своей старой любовью – Натальей Осиновской (или Осиповской. – ***А. О.***), бывшей начальницей женских курсов в г. Нежине, куда после

окончания университета он был направлен преподавателем в мужской лицей».

М. Н. Сперанский был обвинен по делу о Российской национальной партии, в которое были включены многие известные славяноведы – профессора Н. Н. Дурново, А. М. Селищев, Г. А. Ильинский, В. В. Виноградов и др., а также искусствоведы и реставраторы – П. И. Нерадовский, А. А. Миллер, П. Д. Барановский, Б. Г. Крыжановский и др. Подробнее об этом можно прочитать в книге Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова «Дело славистов. 30-е годы», вышедшей в издательстве «Наследие» в 1994 году [25]. Михаил Несторович, как считают упомянутые мною авторы, был самым известным и авторитетным из пострадавших по этому делу учёных. К 1917 году он был уже хорошо известен среди специалистов-филологов, русистов и славяноведов. Увлеченно занимаясь историей русского языка на протяжении почти полувека, он написал более 200 научных работ и книг, вошедших в золотой фонд российской науки. Среди них такие, как двухтомник «Былины» [26], «История древней русской литературы» и др. [27, 28]. «Сформировавшись как ученый задолго до революции, – пишут Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, – М. Н. Сперанский до конца оставался верен традициям, в рамках которых был воспитан… Столь же устойчивы были и его политические взгляды, хотя никакой деятельностью, выходившей за рамки науки, он всегда старался не заниматься. Каки большинство интеллигентов его круга, М. Н. Сперанский не принял Октябрьскую революцию». Интересна запись И. А. Бунина в «Окаянных днях» [29] от 19 февраля 1918 года: «Встретил Сперанского. Говорит, что по сведениям «Русских ведомостей», в Петербург едет немецкая комиссия – для подсчёта убытков, которые причинены немецким подданным, что в Петербурге будет немецкая полиция; в Москве тоже будет немецкая полиция и уже есть немецкий штаб; Ленин в Москве сидит в Кремле, поэтому-то и объявлен Кремль на осадном положении». «Ясно, что всегда бывший русским патриотом М. Н. Сперанский, – продолжают Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, – в те дни искренне считал большевиков немецкими агентами, что было распространенной точкой зрения среди московской профессуры. Но, конечно, ни о какой вооруженной борьбе ни в 1918 г., ни тем более в 1933–1934 гг. М. Н. Сперанский помышлять не мог». Дело в том, что Михаил Несторович и при советской власти сохранял привычки старого времени. По понедельникам на его квартире собирались его ученики и коллеги на так называемые журфиксы, чтобы за чашкой чая поговорить на научные темы. «В кругу своих людей, – пишут далее Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, – можно было не

только обсудить профессиональные темы, но и пожаловаться на тяготы быта, в осторожной форме выразить отношение к общественным событиям. Ясно, что такие разговоры представляли интерес для ОГПУ». Эти собрания в квартире у Михаила Несторовича и стали основой выдвинутых против него обвинений. Семидесятилетнего профессора, действительного члена Академии наук СССР, несколько дней продержали на Лубянке, ежедневно вызывая на допросы. Вскоре после ареста М. Н. Сперанский был исключен и из членов Академии наук.

Дед очень любил своего брата, с которым провел много счастливых дней в доме родителей, в путешествиях и на даче. Михаил в молодости оказал на деда большое влияние, в частности привил ему любовь к столярному ремеслу, в котором сам был большим мастером. Недаром на экслибрисе Михаила Сперанского был изображен медведь, стоящий за токарным станком на фоне полок с книгами. Арест любимого брата оказался большой трагедией для деда. Он никак не мог понять логики этой акции и решился написать письмо Сталину с просьбой разобраться в совершённой ошибке (черновик этого письма я нашёл в столе деда уже после его смерти). Вероятно, письмо оказало влияние: ссылка Михаила Несторовича в Уфу была заменена домашним арестом, под которым он находился до самой своей смерти в 1938 году. Он был лишен права работать и выходить из дома. В мае 1935 года М. Н. Сперанский был вынужден принять решение о передаче своей огромной библиотеки, состоящей, согласно договору «из 3706 книг, 69 папок с брошюрами и оттисками и 40 альбомов» Историко-философско-литературному институту (ИФЛИ) за очень скромную по тем временам сумму в 12 тысяч рублей (в среднем по 2 р. 50 коп. за том). Эти деньги довольно быстро закончились, и последние два года его жизни Георгий Несторович фактически содержал брата и поддерживал его как мог… Михаил Несторович скончался от пневмонии 12 апреля 1938 года, в четвертую годовщину его незаслуженного ареста, не дожив шесть дней до своего семидесятипятилетия.

Через три года после смерти Сталина дед стал хлопотать о реабилитации Михаила Несторовича и восстановлении его в членах Академии наук. Он написал письмо Генеральному прокурору СССР, текст которого я привожу по имеющейся у меня его копии.

«Генеральному Прокурору СССР тов. Р. А. Руденко
от Члена-корреспондента А. Н. СССР, Заслуженного деятеля науки,

профессора Георгия Несторовича Сперанского

ЗАЯВЛЕНИЕ

В 1934 году у моего брата, действительного члена А. Н. СССР профессора СПЕРАНСКОГО Михаила Несторовича, проживавшего в Москве (Грибоедов пер. д. 6, кв. 8) был произведен обыск, после чего брат был арестован ОГПУ, лишен свободы в течение 3-х дней и отпущен домой. Затем ему было объявлено о высылке его в г. Уфу.

Вследствие моего обращения письмом к тов. И. В. Сталину с утверждением о непричастности брата к какому-либо государственному преступлению и полном отсутствии оснований для высылки его из Москвы, я вскоре был вызван Генеральным Прокурором тов. Акуловым для личных объяснений, и мой брат был оставлен на жительство в Москве. Однако в связи с вышеизложенным Академия не нашла возможности оставить моего брата в числе членов Академии. Исключение из числа членов Академии наук моего брата, крупнейшего ученого с мировым именем, в течение 50 лет отдававшего все свои силы и знания научной деятельности и совершенно невиновного в каких либо контрреволюционных действиях, незаслуженно лишает его доброго имени. Мой брат умер 12 апреля 1938 года холостым, и я являюсь единственным представителем нашей семьи. Я обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре дела Михаила Несторовича Сперанского и о его полной реабилитации для возбуждения ходатайства перед Президиумом А. Н. СССР о восстановлении его в правах члена А. Н. посмертно.

Прошу так же предоставить мне возможность лично дать дополнительные сведения к настоящему заявлению.

Член корреспондент А. Н. СССР, действительный

член А. М. Н. СССР, Заслуженный деятель науки,

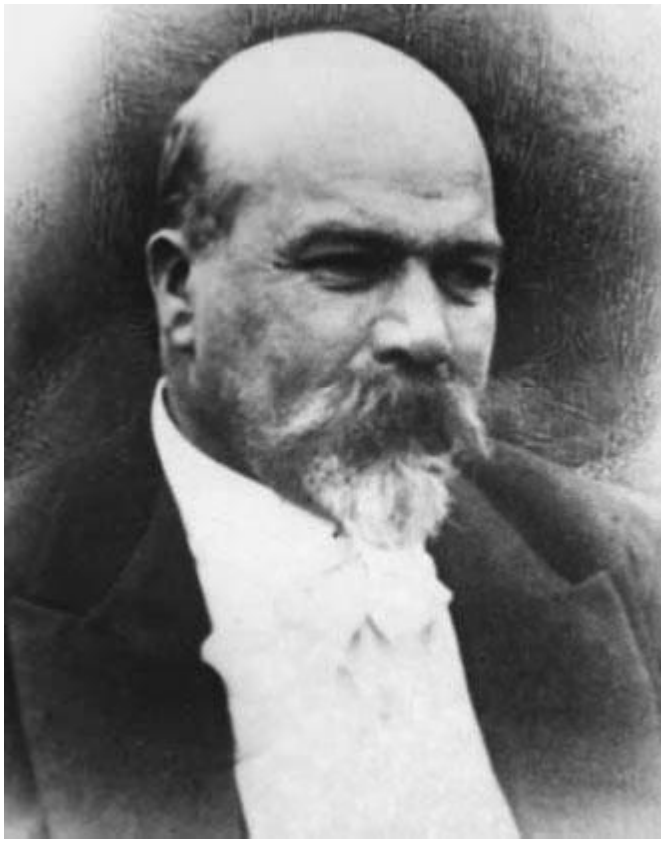
профессор Георгий Несторович Сперанский

Москва. Мая 12 дня 1956 года»

Одновременно дед написал заявление в президиум Академии

наук и личное письмо секретарю бюро отделения литературы и языка Академии наук СССР В. В. Виноградову с просьбой помочь в восстановлении Михаила Несторовича в Академии. К сожалению, Георгий Несторович так и не дождался при жизни полной реабилитации своего брата. Решение о его восстановлении в членах Академии наук было принято только 22 марта 1990 года. А чуть больше года спустя, 14 ноября 1991 года в Институте русского языка АН СССР были проведены научные чтения памяти М. Н. Сперанского. Все выступавшие ученые-филологи высоко оценили личность Михаила Несторовича и его обширный вклад в историю русского языка и русской культуры… Как радовался бы дед, если бы он присутствовал на этом заседании!

Миша Сперанский в детстве



Академик Михаил Несторович Сперанский

Воротников Ю.Л. (ИРЯ АН СССР). Флорилегии в трудах М.Н.Сперанского.

Астахина Л.Ю. (ИРЯ АН СССР). Работа М.Н.Сперанского в Комиссии по изданию памятников письменности.

Кириллин В.М. (ИМЛИ АН СССР). М.Н.Сперанский в работе над литературными памятниками Московской Руси.

III

Студенческие выступления

Из истории филологии в Московском университете (по архиву М.Н.Сперанского). *Куликова О.С. (МГУ).*

Участие М.Н.Сперанского в Энциклопедическом словаре братьев Гранат. *Шеина Ю.В. (МГУ).*

Выступления гостей

Справки по тел.:

202-65-45 Отдел исторической лексикологии и лексикографии ИРЯ АН СССР. Ученый секретарь Державина Елена Игоревна.

202-66-14 Ученый секретарь ИРЯ АН СССР Воротников Юрий Леонидович.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

МИХАИЛ НЕСТОРОВИЧ
СПЕРАНСКИЙ
(1863-1938)
избран в действительные
члены АН СССР 14 мая 1921 г.

Москва
1991

Приглашение на юбилейную конференцию посвященную памяти М. Н. Сперанского 14 ноября 1991 г.

Экслибрис М. Н. Сперанского

Глава 11
Отечественная война 1941–1945 гг. Эвакуация в Молотов и возвращение в Москву

Я родился в декабре 1937 года и к началу Отечественной войны мне исполнилось три с половиной года. Нашу жизнь на даче до войны я помню очень плохо, она представляется мне сейчас в виде каких-то смутных картин, да и то, скорее всего, связанных с сохранившимися от того времени фотографиями: я в кузове большого игрушечного грузовика, я в ногах у отца, я с огромной теннисной ракеткой на корте. Мои первые полусознательные воспоминания связаны с долгим переходом зимой через какое-то озеро или пруд. Я, укутанный, сижу на санках, которые тащат хорошо знакомые мне люди – мои мама и папа. Потом многоголосый лай и множество разных собак за решетками. Потом обратная дорога через озеро и попискивающее маленькое живое и теплое создание за пазухой у отца, которое мне очень хочется потрогать. Это уже потом я выяснил у родителей, что мы действительно зимой с санками ездили в собачий питомник где-то около Останкино, куда сначала добирались на поезде, а потом шли через пруд по льду. Обратно мы привезли щенка южно-русской овчарки, названного Фрамом. Судя по моим расчетам, это было в 39-х–40-х годах, и мне тогда было два—три года. Сначала Фрам был весёлым малышом, который лизал меня в лицо к большому неудовольствию моей няни, но через год превратился в огромного косматого пса, имевшего очень грозный вид. На самом деле, выросши среди людей и видя от них только ласку, он был очень добрым, но часто не соизмерял свою силу, прыгая передними лапами на грудь каждого, кого он видел. Есть его фотография с моим дедом: Фрам стоит на задних лапах, положив передние деду на плечи и морда его на уровне головы деда. Конечно, такое дружелюбие от столь крупной собаки далеко не каждому было приятно, и Фрама посадили на цепь, привязав её к кольцу, надетому на длинную проволоку, протянутую от заднего крыльца дома до сарая. Фрам бегал на «трамвае», как мы называли это устройство, но всё же свобода его была ограничена. Судьба его оказалась весьма печальной. Когда началась война и все Сперанские уехали в эвакуацию, Фрам остался на даче с нашим дворником, Николаем Давыдовичем. Наступила голодная зима 1941 года. Сам Николай

Давыдович жил впроголодь, а собаку совсем нечем было кормить. Фрам оголодал и стал очень злым. Дачу заняли военные, оборонявшие Москву, и по просьбе Николая Давыдовича они застрелили пса, ставшего просто опасным.

Картины нашего отъезда в эвакуацию я вижу уже очень чётко. В июле 1941 года, когда над нашим дачным домом на большой высоте стали пролетать немецкие самолеты бомбить Москву, стало ясно, что надо уезжать. К этому времени мой отец и брат матери, дядя Серёжа, уже были мобилизованы в армию. Перед самой войной дед подал заявление об освобождении его от должности директора Института педиатрии и передал дела Зборовской. В конце июля институт эвакуировался в город Свердловск. Дед же получил в Наркомате здравоохранения направление в город Молотов, как тогда называлась Пермь, и в двадцатых числах августа всё семейство Сперанских тронулось в путь. Во главе с Георгием Несторовичем ехали Елизавета Петровна, моя мама Наля, моя няня Матрёша, моя двоюродная сестра Марина восьми лет и тринадцатилетний сын бабушкиного брата В. П. Филатова Серёжа, у которого была кличка Ложкин. Объясняется это странное прозвище привычкой его отца, знаменитого офтальмолога, всё есть ложкой. Но Владимир Петрович был довольно обидчив, и называть его «Ложкиным» не рисковали. Вместо него прозвище прилипло к Сергею. Он так привык к нему, что порой не отзывался на своё собственное имя. Серёжа гостил у нас на даче, когда началась война, и возвращаться в Одессу ему было нельзя. Вместе с нами ехали невестка дедушкиного друга Николая Ивановича Побединского, Мария Ивановна с детьми Колей и Марой. Коле было лет 12, а Маре – около пяти. Я взял с собой свою любимую игрушку – старую обезьяну Яшку, которая досталась мне по наследству от отца. Уезжали мы из Москвы на поезде, а в городе Горьком пересели на баржу, которую тянул сначала вниз по Волге, а затем вверх по Каме привязанный к ней бок о бок небольшой пароходик. Всю эту поездку по реке я хорошо запомнил. Была солнечная, относительно теплая погода. Берега реки проплывали мимо нас довольно близко, на них было много песчаных пляжей, на которых мне очень хотелось поиграть в песок. На палубе баржи стояли какие-то крупные предметы, закрытые брезентом. Под ним мы с Марой прятались от моей няни, а более старшие дети скрывались от взрослых, играя в карты. Плыли мы около двух недель. Спали все, насколько я помню, на палубе, и только нас с мамой поместили в крошечную каютку размером чуть больше туалета.

С жильём в Молотове было плохо. Дед долго не мог найти

ночлега, пару ночей все провели на вокзале. Уже во взрослом возрасте я прочитал об этом в записках своего деда, выдержки из которых я привожу здесь. «Едва ли будем вспоминать о жизни в этом городе с удовольствием: условия, в которых мы туда ехали, были кошмарными, прием в самом Молотове очень неласковый, отношение к нам, в частности ко мне, как крупному специалисту, было плохое со стороны здравотдельской администрации и местных властей. Помещение после больших хлопот было отведено в виде одной комнаты, в которой мы всемером никак поместиться не могли. Да и эту комнату в семье местного профессора получили с условием, чтобы не было ребенка, а у другого профессора в соседней квартире получили просто отказ. Почему, неизвестно, так как все равно через 2–3 дня у них эту комнату заняли. В Горсовете мне сказали, что больше они комнаты отвести не могут. Если я найду сам помещение, то они его узаконят. Как я буду искать в чужом городе, не имея знакомых, помещение? Этот вопрос их не интересовал. Найденная в конце концов комната в развалющей избушке требовала большого ремонта: пришлось делать рамы, вставлять стекла, забивать стены. Там поселились Наля с Алешей, Сережа Филатов и Матреша. Затем пришлось туда же на койку поместить М. И. Побединскую. Когда начались морозы, там так было холодно полом, что на стенах внизу стал намерзать лед. Пришлось переехать в ещё худшее, грязное, более тесное помещение, единственным достоинством которого была его близость к нашей комнате, где жили я, Лиза и Марина…». К счастью деду удалось устроиться консультантом в железнодорожную больницу, где, как он пишет, отношение к нему было хорошим и где ему удалось получить неплохую комнату в новом доме с центральным отоплением, правда без электричества. «К сожалению, – пишет дед, – эта комната помещалась в доме, отстоявшем от нашей с Лизой комнаты на расстоянии 35–40 минут ходьбы, а ходить приходилось ежедневно, так как обедали мы у Нали, где жила и Матреша, ходившая за обедом в столовую тоже на другой конец города. Этот обед состоял из болтушки с небольшой добавкой крупы, или макарон, или гороха, а на второе полторы оладьи или в лучшем случае два яйца. Впрочем, иногда бывала каша из рубленой пшеницы с каким-то маслом. Это давалось в столовой для научных работников и получал это только я. Иждивенцы не получали ничего. И в то же время получавшие обед в столовой Облисполкома имели вполне приличный, по уверению случайно туда прикрепленных, стол. Питаться в этой столовой имели право все работающие или имеющие какое-либо отношение к этому учреждению люди: какая-нибудь подшивальщица бумаг входящих

и исходящих, шофер, который возит облисполкомщика и т. д., а старые заслуженные деятели науки должны быть благодарны, что у них есть своя столовая, «академическая», в которой «по блату» питаются совсем не ученые, а канцелярские работники здравотдела, цирковые работники и т. д. Не хочется вспоминать об этом унижении достоинства человека в угоду уменью устроить свои делишки какими угодно путями. Ещё много раз придется возвращаться к этой молотовской жизни, но подолгу останавливаться на ней не стоит, а то остается какой-то скверный осадок и портится настроение».

Город Молотов я помнить не могу, так как меня никуда не водили. Зато я хорошо помню комнату, где мы жили. Она была в полуподвальном помещении и, когда началась зима, там было очень холодно. На стену около нашей с мамой кровати повесили какое-то одеяло, и когда поднимали его край, под ним был слой льда. Зато у нас был двор, где Марина с Ложкиным соорудили снежную горку. Горку полили водой и мы стали кататься с неё на кусках фанеры. Потом моя няня из самых добрых чувств вылила на неё ведро помоев, и горка приобрела желтый цвет. Бабушка, увидев желтую горку, возмутилась и хотела нам запретить с неё кататься. Мы были очень недовольны этим, но тут в командировку на пару дней приехал мой отец, который насыпал на горку нового снега и вновь залил её чистой водой.

Ещё одно моё приятное воспоминание связано с байдаркой. Кто-то из знакомых моей матери привез с собой легкую разборную лодку и пригласил маму покататься. Мы с няней тоже пошли на берег реки, где невдалеке от железнодорожного моста на лужайке собирали лодку. Это было очень интересно. Потом лодку спустили на воду, в неё сели взрослые и поплыли вдаль по реке. Мне тоже хотелось прокатиться, но меня, естественно, не взяли.

Моя мать, с юности занимавшаяся спортом, смогла устроиться инструктором по лыжам в спортивное общество «Спартак» и даже выступала за него в соревнованиях. За это ей выдавали талоны на питание, которое она приносила нам домой. Ещё один эпизод, связанный с едой, врезался в мою память: мешок с неочищенным рисом, который привез из Ташкента от В. П. Филатова какой-то его знакомый. Этот мешок риса, можно сказать, спас нам жизнь, и мы ели его в течение всей голодной зимы 1941–1942 гг. Запомнился мне и страх, когда пропала моя мать – она отправилась за продуктами в деревню и заблудилась – её привезли на следующий день всю обмороженную. Весной 1942 года заболели пневмонией Елизавета Петровна и Наля. «Это был кошмарный период жизни в Молотове, – вспоминал дед. – Я

думал, что потеряю Лизу, очень истощенную и ослабленную предыдущей жизнью. Но, по счастью, всё обошлось благополучно… благодаря сульфидину».

Сперанские прожили в Молотове год и два месяца и 3 октября 1942 года вернулись в Москву. Незадолго до этого, в июле 1942 года, мы с мамой поехали к отцу в Ярославль, где он в это время служил. Дед вспоминал, что «этому предшествовало полтора месяца переписки и телеграмм, так как Адриан не мог получить помещения, пока не приедет жена, а она не могла ехать, если не было где остановиться». По дороге с нами случился неприятный эпизод, который к счастью окончился благополучно. Выезжали из Молотова мы в теплушке – товарном вагоне, в котором перевозили и скот, и строительные материалы, а для людей там были устроены нары из досок, и стояла печка-буржуйка, дрова для которой добывали все, кто как мог, во время стоянок. Где-то посередине пути моя мать встретила на станции знакомого офицера, который ехал в том же поезде, но в пассажирском, кажется даже купированном, вагоне. Он сказал, что у них есть одно свободное место, и он договорился с проводником, чтобы женщине с ребенком разрешили туда перебраться. На каком-то полустанке мама отнесла меня, уже довольно тяжелого мальчишку, в этот вагон, а затем побежала по путям обратно за вещами. И в этот момент поезд тронулся. Маму успели на ходу втащить в нашу теплушку, а я в течение трёх часов ехал один с незнакомыми мне людьми и ужасно боялся, кажется, даже ревел. Наконец, на очередной остановке мама к моей невероятной радости наконец-то появилась. И больше мы не расставались.

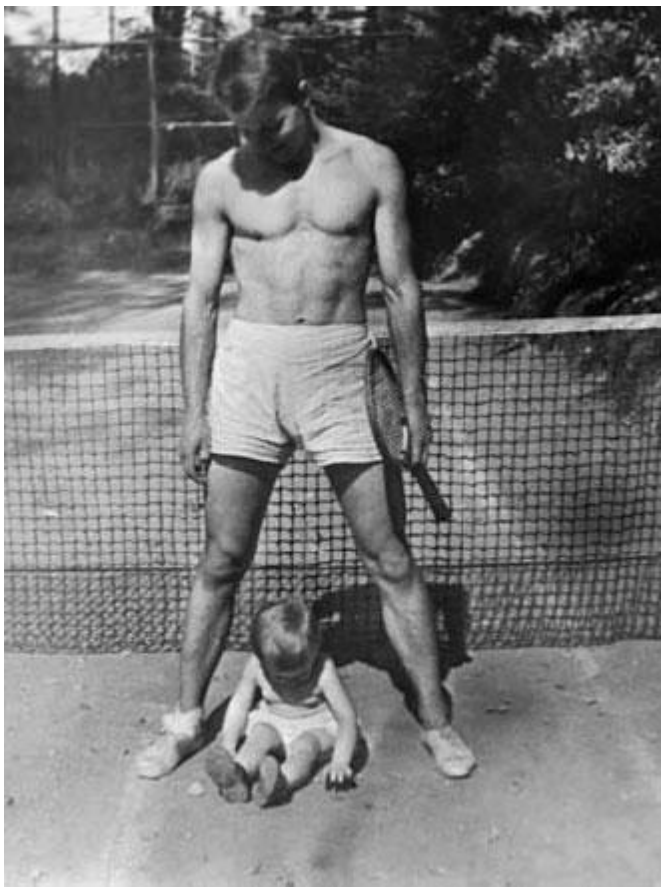
В Ярославле мы поселились в большой светлой комнате у приветливой хозяйки, которая вполне доброжелательно относилась к нам. Отец работал в Управлении дальней бомбардировочной авиации и приходил домой в очень красивой фуражке с голубым верхом. Он занимался маскировкой самолетов и в его подчинении были мастерские и ложные аэродромы, где на запретной зоне стояли макеты самолетов в натуральную величину, сделанные из реек и обтянутые покрашенной материей. Мы с мамой тоже ездили на такой аэродром, где на краю поля сажали картошку. Невдалеке была небольшая речка, от которой в этой местности было очень много комаров. Они очень больно кусались, и у меня постоянно чесалась кожа. В мастерской отец сделал мне модель истребителя, а для мамы – торшер и раскладное кресло-шезлонг. Остов этого шезлонга до сих пор стоит где-то в углу на нашей даче в Деденеве. В Управлении изредка устраивались торжественные вечера и давали съестные

подарки – американскую тушенку, толстый, пористый, тоже американский, шоколад, яблоки и конфеты. Всё это было большой редкостью в нашей жизни и запомнилось навсегда. На одном из таких вечеров мне предложили рассказать стихотворение. Я набрался смелости, залез на стул и начал декламировать песню Клавдии Шульженко «Синий платочек», которую несколько раз слышал по радио. Но смог сказать только, что синий платочек с кого-то куда-то «скинулся с плеч». После этого я расплакался, меня срочно сняли со стула и наградили яблоком и конфетой. Мать была вся красная и в пятнах, а отец и его сослуживцы долго смеялись. Отец служил под началом майора Михаила Григорьевича Рошаля, отца ныне известного профессора детского хирурга Леонида Рошаля. Сам Лёня, тогда десяти—двенадцатилетний мальчик, относился ко мне, пятилетке, весьма покровительственно. Потом мы не раз вспоминали эти годы с Леонидом Михайловичем, когда работали вместе в Русаковской детской больнице. Мне запомнился какой-то детский праздник на квартире у Рошалей, куда пригласили и меня. Точнее, не сам праздник, а изумительно вкусная жаренная на сливочном масле картошка и колбаса, которые в то время были абсолютным деликатесом.

Самым знаменательным событием нашей ярославской жизни был приезд деда. Я его очень ждал, потому что задолго до его приезда с помощью мамы написал ему письмо с просьбой привезти мне из Москвы мой трехколесный велосипед, купленный мне перед самой войной. И вот незабываемая картина: во двор нашего дома въезжает военный грузовик, в кабине которого рядом с водителем сидит улыбающийся дедушка с белыми усами и бородкой, а в кузове поверх каких-то вещей я вижу привязанный велосипед! Тут уж было не до деда: ведь я мечтал о нём (о велосипеде, не о дедушке) целых три года. Самое приятное было ездить на велосипеде по асфальту с лужами: от мокрых колес оставались занятные следы в виде сложных петель и узоров.

Год спустя, летом 1943 года, на таком же грузовике мы поехали с родителями в Москву. Мы с мамой сидели в кабине. По дороге случилась авария – машина врезалась в военный обоз и сшибла лошадь. Оглоблей разбило стекло у нашего грузовика и чуть не прибило нас. Начальник обоза кричал страшным голосом на нашего водителя и размахивал пистолетом, угрожая застрелить его. Мы с мамой ни живы ни мертвы сидели в кабине, и я очень боялся услышать выстрел. Кажется, с нами в кузове вместе с отцом ехал какой-то офицер из папиного управления и они с отцом спасли нас и нашего водителя, тоже достав из кобуры

пистолеты. Потеряв много времени, мы были вынуждены заночевать по дороге. Мы свернули с шоссе и довольно долго ехали по невероятной грязи до какой-то деревни. Там попросились на ночлег. Нас с мамой положили на хозяйскую кровать с несколькими подушками и огромным количеством клопов, которые тут же с радостью набросились на нас и особенно на меня. Спать было невозможно, и мама отнесла меня в грузовик, где я заснул в кабине на сиденьи. Приехав в Москву, мы вскоре поехали на дачу. Бабушка была несказанно рада нам. «6 июня – приехали в Москву Наля, Адриан и Алеша!!! О, счастье для меня!», – записала она в своём дневнике. «9 июня – приехали на дачу с Алешей и Налей. 11 июня – приехал Адриан в первый раз за войну. Погода чудная. 13-го утром Адя уехал. Печально».



Мои первые детские фотографии. ***Сверху****: я в ногах у отца на теннисном корте,* ***снизу****: я с теннисной ракеткой*

Я на грузовике мощностью в одну собачью силу

Фраму 3 месяца. Весна 1940 г.

Дед с Фрамом. Деденево весна 1941 г.

НКЗ–СССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ПЕДИАТРИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
„4" IV 1942 г.
№ 81
г. Свердловск

СПРАВКА

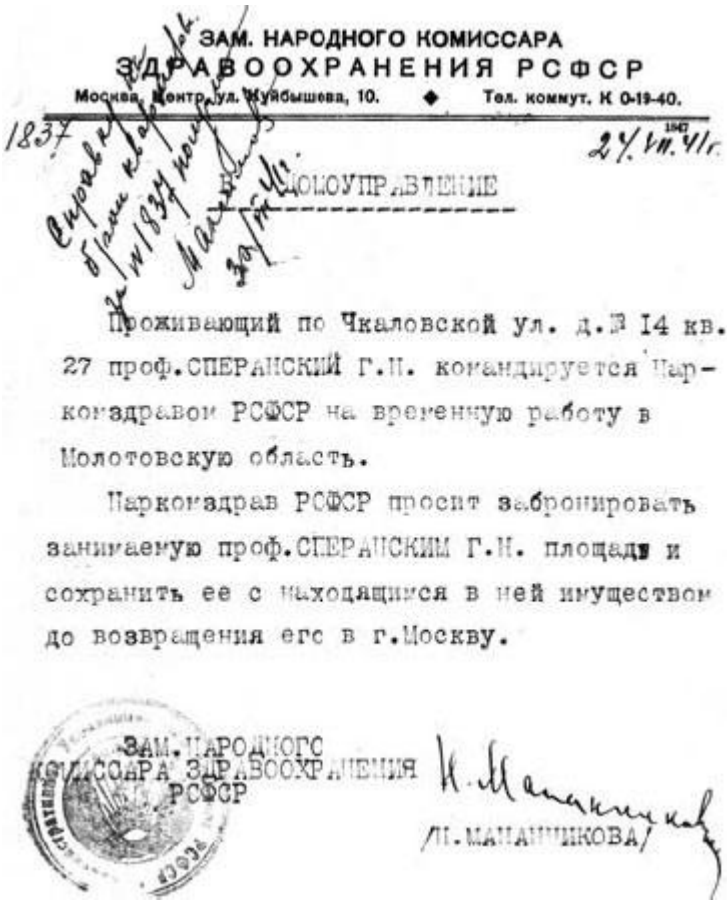
Дана Центральным научно-исследовательским Педиатрическим Институтом НКЗ СССР, Заслуженному деятелю науки проф. СПЕРАНСКОМУ Г.Н. в том, что он работает в институте со дня основания его, является научным руководителем Педиатрического отдела Института и утвержден Высшей квалификационной комиссией в степени доктора мед.наук. Эвакуирован вместе с указанным институтом из Москвы согласно постановлению Совета по эвакуации за № 14322 г.

В настоящее время работает по заданию Института в г. Молотове.

Директор Ин-та Зборовская /Зборовская/

Народный Комиссариат Здравоохранения
Центральный Научно-Исследоват. Педиатрический Институт

Справка об эвакуации, выданная Г. Н. Сперанскому 4 апреля 1942 г.



ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РСФСР
Москва, Центр, ул. Куйбышева, 10. ◆ Тел. коммут. К 0-19-40.

1837

24.VIII.41г.

ДОМОУПРАВЛЕНИЕ

Проживающий по Чкаловской ул. д. № 14 кв. 27 проф. СПЕРАНСКИЙ Г.Н. командируется Наркомздравом РСФСР на временную работу в Молотовскую область.

Наркомздрав РСФСР просит забронировать занимаемую проф. СПЕРАНСКИМ Г.Н. площадь и сохранить ее с находящимся в ней имуществом до возвращения его в г. Москву.

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РСФСР

/И. МАНАНЧИКОВА/

Ходатайство о бронировании жилплощади на время эвакуации, выданное Г. Н. Сперанскому 24 июля 1941 г. перед отъездом из Москвы

Мы с няней Матрёшей. Последняя предвоенная фотография (начало июня 1941 г.)

Папа и я в Ярославле. Осень 1943 г.

Глава 12
Военные годы в Москве и на даче. Дневник деда

Как ясно из сказанного выше, летом 1943 года мы приехали в Москву. Мы с мамой остались жить с бабушкой на даче, а отец вернулся в Ярославль. Спустя месяц-полтора в ясный солнечный день над нашим домом неожиданно появился небольшой военный самолет. На бреющем полете он начал делать большие круги, пролетая над соседней деревней, над стратегическим объектом, каким был тогда только что восстановленный мост через канал, над железнодорожной станцией и над нашим участком. Время было военное, и все страшно переполошились. Наконец, мы увидели, как из самолета вылетел какой-то предмет и упал на крышу соседского дома. Все в страхе ждали взрыва, и только моя бабушка хладнокровно сказала: «Это наверняка Адриан. Никто другой не способен на такое хулиганство». Взрыва не последовало, а спустя несколько минут прибежала соседка и принесла мешочек с песком и запиской на имя моей матери. В ней отец сообщал, что прилетел на несколько часов по служебным делам в Москву и просит её приехать в город. Мать тут же помчалась на поезд и успела застать отца в Москве. Этот случай ещё долго обсуждался в Деденеве и окрестных деревнях, где было много жен военных летчиков, и каждая считала, что это прилетал её муж.

Последние годы войны мне запомнились салютами в Москве. Наши войска неудержимо двигались на запад, почти каждый день занимая какой-нибудь город, а то и два. По поводу каждого мало-мальски значительного населенного пункта в Москве в десять часов вечера устраивали салют из 10–15 артиллерийских залпов. С крыш высоких домов, в том числе и с нашего дома, пускали множество разноцветных ракет, которые рассыпались в ночном небе, как букеты цветов. Это было очень красивое зрелище, но меня больше интересовали маленькие круглые металлические пластинки, которые вылетали при каждом выстреле из ракетницы и падали вниз на мостовую. Все мальчишки с нашего двора их разыскивали, собирали и хвалились друг перед другом, кто насобирал больше. Однажды мне несказанно повезло: выйдя во время салюта на улицу, я нашел сразу три таких кружочка, а один из них свалился прямо мне под ноги и был ещё теплым от выстрела. Мы с бабушкой каждый вечер, прослушав по радио

сводку информбюро, подчеркивали красным карандашом в небольшом довоенном атласе мира взятые нашими города – сначала на советской территории, а потом в Польше, Венгрии, Чехии и, наконец, в Германии. Этот атлас с огромной Германией коричневого цвета, в которую входила и Чехословакия, и часть Польши, и Восточная Пруссия, и западная часть Франции, и Австрия с частью Венгрии, с подчеркнутыми красным городами до сих пор жив и стоит у меня на полке как реликвия.

Конечно, мои детские воспоминания очень слабо характеризуют тот страшный период в жизни нашей страны и нашей семьи, каким была Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Поэтому в этой главе я хочу привести выдержки из дневника моего деда, умного 70-летнего человека, хорошо понимающего и трезво оценивающего окружающую его реальность. В них отразилось его настроение в разные периоды этого тяжелого времени. Итак, цитирую: «12 октября 1942 года. Как ни тяжело то время, которое мы переживаем, однако происходит так много событий и явлений, которых никогда до сих пор не было, да и по всей вероятности не будет, что трудно удержаться, чтобы не записать хотя бы ничтожную часть того, что видишь, читаешь и слышишь.

Хотя мне как врачу полагалось бы начать с анамнеза, но боюсь, что это заведет меня очень далеко, а потому перейду прямо к событиям текущего времени. Сегодня 478-й день войны, ужасной войны, какой никогда не было за время существования мира, и хотелось бы верить, что никогда и не будет, но этого утверждать никак нельзя: люди людьми и останутся. Культура создает для них только лучшие, более утонченные, более высокой техники средства для проявления своих звериных наклонностей. Я прочел повесть, написанную Яном (Янчевским) «Нашествие Батыя» [30] обо всех тех ужасах, которые творили татары в то время, об уничтожении всех жителей городов, сжигании дочиста «стольных градов», казнях послов и т. д., но все это бледнеет перед тем, что происходит сейчас и что производится одной из самых культурных наций во имя ложно понимаемого национального чувства, а по существу той же Батыевой психологии, стремлении к власти, необузданного честолюбия. Оно – это честолюбие – использует животное чувство рядового человека, которому пообещают лакомый кусок, которым питается другой человек другой национальности. Может быть, когда-нибудь наступит такое время, когда психика настолько разовьется, что это, теперь особенно чтимое чувство национальности, станет простым пережитком. Нужно верить в это, нужно воспитывать в детях любовь к человеку, а не к нации…

18 октября 1942 года. Был на даче. Опять новые, небывалые картины. Вышел из дому в 5 ч 40 мин утра, чтобы попасть на поезд 7 ч 02 мин. Полная темнота. Троллейбус не ходит. Дошел до трамвая, с пересадкой добрался до вокзала. Частый, довольно сильный дождь. Стоянье под дождем за билетом в огромной очереди. Все нервничают, бранятся между собой. Несомненно, можно отметить озверение у публики, собирающейся толпой. Эта примитивная борьба за существование, которой теперь наполнена жизнь, к которой устремлены все интересы, заставляет во всяком соседе видеть врага, который раньше тебя ухватит кусок, раньше тебя получит билет и т. д. «Оттащи эту девчонку, что она лезет без очереди… Военный, у вас есть своя очередь, зачем нам мешать…». Сейчас самые важные люди – это милицейские. Они решают всё и всем распоряжаются. И их масса. Давка в вагоне туда и оттуда была отчаянная. Нельзя ездить по воскресеньям. Плохи, по-видимому, у нас дела на фронте, но газетные сообщения абсолютно не достоверны, что создает ещё худшее, какое-то гнетущее настроение… Нервы напряжены, поэтому у всех амплитуда колебаний настроения громадная, люди легко переходят от уныния к радости и опять – бухв яму отчаяния. Кульминационным пунктом такого состояния является паника… На даче с удовольствием покопал землю и поделал кое-какие дела, но все вертится в голове: «А может быть, это я зря делаю, не придется этим пользоваться…». Если так дать себе распуститься, то можно дойти действительно до меланхолии.

21 октября 1942 года. Получено письмо от Сережи. Это принесло большое облегчение, а то беспокойство начинало уже влиять на настроение, которое у нас с Лизой продолжает ещё быть довольно беспечным. «Без-печным» и в том смысле, что у нас нет печи, не на чем готовить, так как газ горит плохо, на плитке электрической скоро запретят (лимит!). Мы мало проявляем энергии в смысле подготовки к зиме. Сегодня был П. Л. Капица. Большой физик-изобретатель. Интересно его отношение к действительности сегодняшнего дня: он считает, что нужно мириться с тем, что на каждом шагу встречаются препятствия, непременно кто-то мешает, с кем-то нужно бороться, но бороться нужно, а не ворчать все время, как Винтер. И я с ним согласен… Наши дела на фронте неопределенны, Сталинград, по-видимому, держится. Моздок тоже, но сильные бои и неудачи у нас южнее: после нескольких дней боев мы отдали Нальчик. По-видимому, немец нащупал, что там защита слабее и бросил туда большие силы. Эта подвижность, маневренность у них представляет несомненно драгоценную способность. Как пойдет он дальше? Есть ли достаточно у нас сил, чтобы прекратить дальнейшее

продвижение к Орджоникидзе и к Грозному? Нужны не только силы, но и укрепления, а это у нас делается медленно.

Из событий внутренней жизни нельзя не остановиться на объявленном сегодня учреждении специальной комиссии по учету тех зверств, разорений и убытков, которые причиняют немцы. Правильная идея, но нельзя сказать, чтобы удачно был подобран состав комиссии. После председателя тов. Шверника на первом месте стоит академик Н. Н. Бурденко. Мне приходится иметь с ним дело по Ученому совету НКЗ СССР. Года два тому назад он оглох, причем оглох так, что он не слышит того, что сам говорит (поражение центрального характера), затем год тому назад у него был инсульт, после которого он потерял речь. Последняя восстановилась только отчасти, так что он говорит совершенно иногда не те слова, которые надо, или произносит их так, что понять невозможно. Голова у него работает, но трагедия заключается в способе выражения мыслей. А писать он почему-то не любит. Я не понимаю, когда Бурденко, например, может поспеть делать ещё что-нибудь, если он будет активно работать в такой комиссии? Участие А. Н. Толстого, думается, тоже не очень веско для нас, по крайней мере, знающих его как алкоголика. Гризодубова тоже не фигура для такой важной комиссии. Интересно участие в ней Николая – Митрополита Киевского и Галицкого. Это, очевидно, нужно для масс, для американцев.

30 августа 1943 года. Большой перерыв в записи. Чем объяснить этот перерыв? По существу, я не могу его объяснить. Сначала было некогда, затем… что-то мешало; потом стало безразлично, перестал вспоминать о тетрадке. Несколько раз хотел, но откладывал, как ответы на письма. В конце концов получился этот большой перерыв. Каких только событий ни произошло за эти 10 месяцев! Это ведь ещё 300 дней войны. За это время на фронте многое изменилось. Во-первых, Сталинград не пал, как об этом объявляли немцы, а наоборот: в то время, как там шли уличные бои, немецкая армия под командованием Паулюса, которому Гитлер присвоил уже звание маршала, по-видимому, за успешное наступление и взятие Сталинграда, оказалась отрезанной, окруженной нашими. Немцы не могли прорвать кольцо окружения и после значительного времени сопротивления были частью уничтожены, частью взяты в плен. Германия под Сталинградом потеряла убитыми и погибшими от мороза 140 тысяч человек, взятыми в плен – больше 90 тысяч человек. Среди пленных более 20 генералов! Количество трофеев громадно. Одним словом, полный разгром этой армии! После этого началось наше наступление и откатывание, можно сказать, бегство немцев. Мы очистили весь Кавказ, Кубанскую область,

взяли обратно Ростов-на-Дону, часть Донбасса, Харьков. Немцы, однако, задержались в Таганроге и в Тамани. Краснодар тоже был освобожден от захватчиков. Получив подкрепления или строгий приказ, немецкие войска опять захватили Харьков. Наступил период затишья, так как с весной передвижения армий и орудий стало затруднительным. В это время наши союзники, которые в Африке терпели неудачи, тоже подготовились, разгромили армию Роммеля и погнали её вдоль побережья на Запад, занимая области и города один за другим. В конечном результате через несколько месяцев Африка была освобождена от немцев и итальянцев! Эти два успеха очень подняли наше настроение. Нами было предпринято наступление на отдельных участках, и немцы были выбиты из ряда центральных областей: изо Ржева, Великих Лук, было прорвано кольцо, окружавшее Ленинград, который таким образом получил возможность сообщения и проезда за продовольствием уже не через Ладожское озеро, а по суше.

Наконец наступили июнь и июль месяцы. Немцы вновь начали наступление у Белгорода и на юг от Орла, чтобы срезать выступ по линии Орел—Курск—Белгород. После упорных боев они потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен около миллиона человек и не только ничего не добились, но прекратили наступление; инициатива перешла в наши руки: мы заняли Орел, Белгород, наконец, 23 августа Харьков, и сейчас идут бои уже южнее и западнее Харькова. Сегодня взят Таганрог, и там немецкая армия окружена и уничтожается! Со стороны союзников второго фронта нет. Им, конечно, выгоднее, если немцы и мы в жестокой борьбе ослабим друг друга. Хотя они с помощью американских войск, которые высадились в Африке, и помогли англичанам очистить её от гитлеровцев и итальянцев, завоевали остров Сицилию. Таким образом, Средиземное море находится всецело в руках союзников, итальянский флот уничтожен. Италия под угрозой полного разгрома и выхода из войны. Муссолини ушел от власти, которая находится всецело в руках короля. Фашистская партия в Италии уничтожена. В городах Италии забастовки, миллионы с требованием прекращения войны и т. д. Там надо ждать больших событий. Во всех покоренных Гитлером странах происходят восстания, диверсии, истребление фашистов и т. д. Все это, конечно, приближает нас к концу войны, но его ещё не видно. Борьба за Украину будет, конечно, упорной; если не произойдет какого-либо взрыва изнутри в Германии, она может протянуться долго. Думается, что наша победа обеспечена. За эти месяцы мы выучились воевать, снабжение наше военное сделалось высоким.

Мы уничтожаем много танков, даже типа «Тигр», массу аэропланов. Вообще уже не отступаем перед немцами, а бьем их даже без 2-го фронта. С союзниками мы, по-видимому, не очень в ладах. Сменили больших послов – Литвинова (США) и Майского (Англия) на более мелких. Это политические события.

31 августа 1943 года. Сегодня необычайный день: два раза были по радио «важные сообщения». Первый раз о взятии нами Ельни, а во второй раз – Рыльска, Севска и Глухова. Оба сообщения сопровождались салютами из 120 орудий 12-ю залпами и фейерверком. Вчера взят Таганрог.

7 сентября 1943 года. Наши войска на Южном фронте за эти дни очень успешно продвигаются вперед, освобождая города и населенные пункты и уничтожая войска фашистов. По сегодняшней сводке, с 5 июля по 5 сентября немцы потеряли убитыми 400 с лишком тысяч человек, 38600 пленными, ранеными около миллиона! Но ведь и наших-то погибло не меньше. Жутко думать… Донбасс уже почти весь в наших руках. Приближаемся к Басмачу, обошли Брянск. Имеется уже Смоленское направление. Мы, вероятно, в километрах 30–35 от Смоленска. А вот под Ленинградом без движения. Его продолжают обстреливать немцы из орудий и теперь шрапнелью, что дает много жертв среди населения…

3 ноября 1943 года. Какая масса событий совершается в переживаемое нами время в относительно короткий период! За 2 месяца, и то не полных, с моей последней записи наши войска не только заняли Смоленск, Брянск, но и массу других городов. Всякий раз при занятии более или менее значительного города Москва «салютует» в определенный час 12–20-ю залпами из 120–240 орудий. Одновременно с этим из различных мест города при каждом залпе пускают массу ярких разноцветных римских свеч. Зрелище очень красивое, особенно если смотреть с крыши нашего высокого дома или с балконов верхних квартир, например от Четвериковых. За это время мы сильно продвинулись по Украине, заняли не только весь левый берег Днепра, но правый в излучине, где стоит Днепропетровск. Сегодня дошли до устья Днепра, вчера был взят Скадовск; Крым отрезан, так что немцы там заперты. Последние дни было в Москве совещание министров Англии, Америки и нашего Союза, которое вынесло декларацию по поводу Италии, Австрии и об ответственности гитлеровцев за зверства. Последняя за подписью Сталина, Рузвельта и Черчилля. Все фашисты, производившие зверства во Франции, Норвегии, Дании и в особенности у нас будут по заключении мира арестованы и отправлены для производства суда и наказания в те страны, где они эти зверства производили, а главные распорядители

подвергнутся суду союзников.

Масса людей говорили, что немцы отступают только до Днепра, а там такие укрепления, что дальше они нас не пустят, но наши войска быстро форсировали Днепр, перешли на правый берег в разных местах. Это очень трудное дело в теперешнее холодное время. Многие за эту блестящую операцию получают сейчас награды в виде звания Героя Советского Союза. Что-то мы получим к предстоящему через 4 дня празднику!

23 апреля 1945 года. Давно не писал в этой тетради; не могу объяснить почему. Столько событий совершилось за этот срок. Поводом к тому, что я снова взялся за записи, является чрезвычайный факт: сегодня, 23 апреля, наши войска вошли в … Берлин! Первым вошел Жуков (1-я Белорусская армия). Второй салют Коневу (1-я Украинская армия). Сейчас, в 10 ч 30 мин, жду третьего салюта. Он оказался по поводу взятия войсками 4-го Украинского фронта города в Чехословакии.

25 апреля 1945 года. Сегодня день открытия конференции в Сан-Франциско. Можно ждать очень многого от этой конференции. По-видимому, окончание войны будет в самом недалеком будущем».

Глава 13
Работа Сперанского во время и после войны

Вернувшись осенью 1942 года из эвакуации, Георгий Несторович вновь был назначен директором Института педиатрии. На одной из страниц дневника деда я прочел следующие слова, характеризующие это трудное время: «Моя работа в институте все ещё не налаживается, масса хозяйственных неполадок, ремонт, доставка дров, отсутствие печек мешают открыть отделения. Наркомат и другие учреждения продолжают трепать по заседаниям, что быстро приелось и становится уже скучным. Заработка нет». И далее: «…Надо считаться с тем, что масса людей и в том числе те, от которых зависит мое дело, меня не понимают, хотят сами выдвинуться, считая, что самое главное это «выдвинуться», а не сделать дело. Нужно бороться…». И он боролся, как делал это всю свою жизнь до этой страшной войны, во время и после неё. Постепенно деду удалось полностью наладить прерванную войной жизнь института. Одновременно он продолжал работать заведующим кафедрой педиатрии ЦИУ врачей, которая в 1948 году переехала на базу большой многопрофильной детской больницы имени Ф. Э. Дзержинского в Краснопресненском районе Москвы (теперь городская клиническая больница имени Г. Н. Сперанского). Дед продолжал руководить институтом до 1951 года, после чего остался в нем научным консультантом и заведующим клиникой. Лишь в 1954 году в возрасте 81 года он перешёл на основную работу в ЦИУ, но до конца своих дней принимал участие в заседаниях Ученого совета Института педиатрии в качестве его почётного члена.

Даже во время войны в жутких условиях жизни в эвакуации Георгий Несторович не прекращал заниматься научной работой и писать статьи в медицинские журналы и сборники. Клинический очерк «Гипотрофия детей раннего возраста. В помощь педиатру и участковому врачу» и глава в руководстве по клинической фармакотерапии М. Я. Брейтмана «Применение лекарственных средств у детей» были написаны им в 1942 году в Молотове. За годы войны и после неё Сперанским было опубликовано 275 научных работ, а всего за свою долгую жизнь Георгий Несторович подготовил к печати более 400 научных публикаций. На протяжении многих лет он был автором основных статей и

главным редактором раздела «Педиатрия» в двух изданиях Большой медицинской энциклопедии и в Малой медицинской энциклопедии. Он активно работал членом редколлегии многотомника по педиатрии, выходившего в свет в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов, и вместе с Ю. Ф. Домбровской был ответственным редактором 10-го тома.

Одновременно Сперанский проводил обширную публицистическую работу, продолжая писать популярные книги для матерей: «Ребёнок от рождения до школы» (1944) [31], «Советы матерям» (1952) [32], «Родителям о детях» (1952) [33], «Как кормить ребёнка до года» (1955) [34], «Питание здорового и больного ребёнка» (1959) [35], «Закаливание ребенка раннего и дошкольного возраста» (1964) [36]. Его книги «Азбука матери» [37] и «Мать и дитя» [38, 39], написанная совместно с акушером Архангельским, многократно переиздавались огромными тиражами, были переведены на многие языки, служили и продолжают служить настольными книгами миллионов матерей во многих странах.

За долгие годы через институтскую клинику и кафедру, руководимые Сперанским, прошло очень большое количество врачей. Как пишет О. А. Чумаевская, «нет в Советском Союзе детского врача, который не считал бы себя прямо или косвенно учеником Г. Н. Сперанского». С 1938 года после смерти профессора А. А. Киселя дед был избран председателем Всесоюзного общества детских врачей и выполнял эти обязанности в течение 24 лет. К 1962 году, когда на посту председателя его сменила профессор Ю. Ф. Домбровская, в стране работало 140 филиалов общества. В этом прямая заслуга Георгия Несторовича. В послевоенные годы в Институте педиатрии и на кафедре педиатрии ЦИУ (с 1966 г. – ЦОЛИУ) под руководством Сперанского более 40 врачей стали кандидатами медицинских наук, а 20 его ближайших учеников и сотрудников защитили докторские диссертации и стали профессорами. Среди них такие известные среди педиатров фамилии, как Б. И. Баданов, А. И. Баландер, С. П. Борисов, Ю. Е. Вельтищев, Р. Л. Гамбург, Э. Г. Городецкая, А. И. Доброхотова, А. А. Дормидонтов, С. Г. Звягинцева, О. М. Китайгородская, М. П. Матвеев, А. С. Розенталь, К. А. Святкина, И. Я. Серебрийский, А. С. Соколов, В. А. Таболин, С. Д. Терновский, И. В. Цимблер, С. Четвериков, С. Ш. Шамсиев (фамилии перечислены в алфавитном порядке и автор приносит извинения, если кого-либо он не смог вспомнить).

Очень многие педиатры старшего поколения помнят знаменитые пятничные обходы и конференции в детской больнице имени Дзержинского, еженедельно проводимые

Сперанским с 1947 года. Даже мне, имевшему к педиатрии лишь косвенное отношение (напоминаю, первую половину своей врачебной жизни я работал детским хирургом), удалось в конце шестидесятых годов несколько раз побывать на этих конференциях. Помню, меня поразило большое количество врачей, собиравшихся в относительно небольшой аудитории кафедры ЦИУ. Удивительным было и то, что даже маленькие дети не плакали, когда дед прикасался к ним своими руками. Руки у него всегда были очень тёплыми. Кроме того, от всего его облика с белыми пушистыми усами и бородкой клинышком, от его доброй улыбки исходил какой-то удивительный магнетизм, который хорошо чувствовали дети и животные. Иногда он давал маленькому пациенту поиграть своим стетоскопом, «трубочкой», которую он сам выточил на токарном станке у себя на даче и которой пользовался всю жизнь. Разговаривал дед медленно, как бы рассуждая вслух, и в то же время старался быстрее закончить осмотр больного ребенка, следя за тем, чтобы он, раздетый, не замерз. Не могу удержаться, чтобы не подтвердить свои воспоминания словами О. А. Чумаевской: «Особенной популярностью пользовались «большие» обходы Г. Н. Сперанского по пятницам, на которых присутствовало много врачей. Раздумывая над судьбой лежащего перед ним младенца, не спеша, он высказывал свои предположения, убеждения, взгляды, как широкого теоретического плана, так и конкретного, применительно к данному случаю. «Внешне движения рук педиатра кажутся грубыми, но в них заложен некий самоконтроль, не позволяющий причинить ребёнку неприятное ощущение», – не раз говорил он. И действительно, во время его осмотра дети не плакали. Осторожно и ласково Г. Н. ощупывал своими сильными теплыми руками слабое тельце, стараясь быстрее закончить процедуру осмотра, избегая сам и удерживая своих помощников от лишних прикосновений. С более старшими детьми у Г. Н. Сперанского сразу устанавливался контакт, хотя он не допускал сентиментальности, заигрывания, обмана. В его действиях чувствовалось огромное уважение к личности ребенка».

Как ни противился этому дед, но много сил приходилось ему отдавать и общественной работе, не имевшей прямого отношения к медицине. Так, с 1939 по 1950 годы он многократно избирался депутатом Моссовета, что отнимало время от его и без того невероятно перегруженной жизни. Мне кажется, дед вообще старался быть как можно дальше от политики, но это удавалось ему с трудом. Бесконечные торжественные заседания в обеих академиях, институте педиатрии и ЦИУ, посвященные годовщинам Октябрьской революции, юбилеям вождей,

официальным советским праздникам, дням медика, международным женским дням и т. д. и т. п. – как можно было академику, директору института и заведующему кафедрой не принимать в них участия, не сидеть в президиумах, а порой и не быть председателем на этих собраниях? Но Сперанский и здесь оставался предельно честным перед своей совестью, никогда не кривил душой и не занимался славословием сильных мира сего. Георгий Несторович представлял собой редкое исключение из правил советского времени: он достиг всех возможных высот в своей профессиональной деятельности, не будучи членом партии. Предлагали ли ему «вступить в ряды»? Точно не знаю. Думаю, что в начале его работы директором института – неоднократно. Но он смог устоять и остаться самим собой.

Не всегда жизнь деда была безоблачной. Я уже рассказывал об аресте его старшего брата в страшные 30-е годы, когда он, рискуя своей свободой, а может быть и жизнью, сделал всё, чтобы спасти Михаила Несторовича, в невиновности которого он не сомневался. Другая чрезвычайно опасная для деда ситуация возникла в 1952 году во время громкого процесса так называемых «врачей-убийц», последнего из благодеяний «вождя народов». Сперанский, единственный, выступил на общем собрании Академии медицинских наук в защиту профессора В. Н. Виноградова, которого он хорошо знал и с которым вместе учился в университете. После этого выступления какой-то «доброжелатель» позвонил моей бабушке и сказал, что Георгий Несторович, скорее всего, домой не вернется и чтобы она собрала ему вещи. Бабка, будучи женщиной решительной, набрала телефон жены Берия, внуков которого дед постоянно лечил, и сказала ей, что Сперанского могут арестовать. Судя по всему, звонок подействовал: и у «великих мира сего» есть дети, которым нужен хороший детский врач. Дед вернулся домой. Но об этом он сам никогда не рассказывал. Вообще о политике и о советской власти дед ни с кем из своих детей не разговаривал. Думаю, что он всё прекрасно знал и понимал, но берег наши детские и юношеские души, считая, что рано или поздно мы сами во всем разберемся. Только один раз, задав ему вопрос, почему люди так безжалостно вытаптывают траву на бульваре, моя жена услышала от него ответ: «Что же ты хочешь, если людей много лет учили сначала всё разрушить до основания, а потом… Так не бывает. Нужна преемственность поколений».

Мне, когда я уже стал врачом, он не раз говорил, что нельзя работать ради карьеры и вознаграждения. В этом он был человеком старого поколения, ушедшего, к сожалению, в невозвратное прошлое. Будучи всегда неутомимым тружеником,

дед не любил карьеристов. «Честная работа – это главное, а благодарность придет сама собой» – этот принцип был положен в основу его жизни и ему он следовал неукоснительно, стараясь передать его и своим детям, и внукам. Он очень не любил ни о чем никого просить. Могу представить себе, как дорого далось ему то письмо Сталину с просьбой о реабилитации его брата, о котором я написал выше.

В то же время к деду постоянно обращались различные люди с самыми разнообразными просьбами. Конечно, большая часть из них относилась к медицинской помощи детям. Но были просьбы и другого характера. Я приведу в качестве примера одно из сотен писем, которые Сперанскому ежемесячно приходили по почте домой и на работу (знаки препинания и орфография – его автора). «Уважаемый Георгий Нестерович. Я читал Ваш рассказ в газете, и вот решил написать Вам письмо. Знаете, у меня к Вам большая просьба. Понимаете я маленький ростом, а мне очень хочется вырасти хоть сантиметров на 8–10. У меня друзья большие и мне с ними даже неудобно ходить. Даже девушка которую я люблю и она немного выше меня. Может Вы мне поможете в этом. Я буду очень благодарен. Мне девятнадцать лет. Может у Вас чего нибудь есть чтоб вырасти. Напишите мне. Я Вас очень прошу. И если сможете, то помогите пожалуйста. Я думаю что Вы сможете. Вы же Академик. Я Вас очень прошу, помогите мне». Дед ни одного письма не оставлял без ответа и никогда не смеялся над подчас очень странными и наивными вопросами из этих писем. Я помню его постоянно сидящим по вечерам за столом в своем кабинете в нашей московской квартире или за маленьким столиком рядом с кроватью в его домике-мастерской на даче (старый большой дом к тому времени уже был продан) и правящим огрызком карандаша научные рукописи или пишущим ответы на письма.

Были и благодарственные письма. Их тоже было много. Вот одно из них, достаточно типичное. «Глубокоуважаемый Георгий Несторович! Я заранее прошу прощения за то, что осмеливаюсь беспокоить Вас. Двадцать девять лет тому назад к Вам привезли из г. Запорожье девочку 7 лет. Девочка перенесла скарлатину, после чего появились приступы эпилептиформного характера и типа petit mal. Девочку консультировали профессора Сепп, Кожевников, Гринштейн. Все настаивали на изоляции её от школы и т. п., предрекая печальный конец. И только Вы сказали матери: «Езжайте домой, голубушка, дайте ей жить и учиться, как всем. Она будет расти и всё пройдёт». Эти слова мать помнила всю жизнь и часто говорила их дочери. Девочка кончила школу «на отлично». Всё реже бывали приступы. Конечно, она выбрала

себе профессию детского врача! Для неё это было самое главное. Вот уже 14 лет я заведую отделением детской больницы в г. Омске. У меня двое хороших детей. Изредка, лишь при усталости, появляются какие-то остановки на доли секунды. Как же я была взволнована, когда получила путёвку к Вам в институт. И как я счастлива, что, как и 29 лет назад, вижу Вас жизнерадостным, полным сил и бодрости. Я прошу Вас, если это только можно, предоставить мне возможность лично поговорить с Вами. Я знаю, как Вы заняты, но может быть, это всё же возможно. Я поступила в аспирантскую группу, весной буду сдавать кандидатские экзамены. Нужно уже брать тему для диссертации. Материал накопился колоссальный. Но я – практический врач и у меня, конечно, нет руководителя и мне не с кем посоветоваться. И уж если судьба вновь привела меня к Вам, я вновь прошу Вас о консультации. Если это осуществимо – скажите об этом старшей сестре кафедры Клавдии Романовне. Если – нет, промолчите в ответ. Мне не хочется это афишировать. С глубочайшим уважением и почтением, Раппопорт Э. М.». И дед, конечно, не промолчал и оказал своей бывшей пациентке всевозможную помощь в её проблемах.

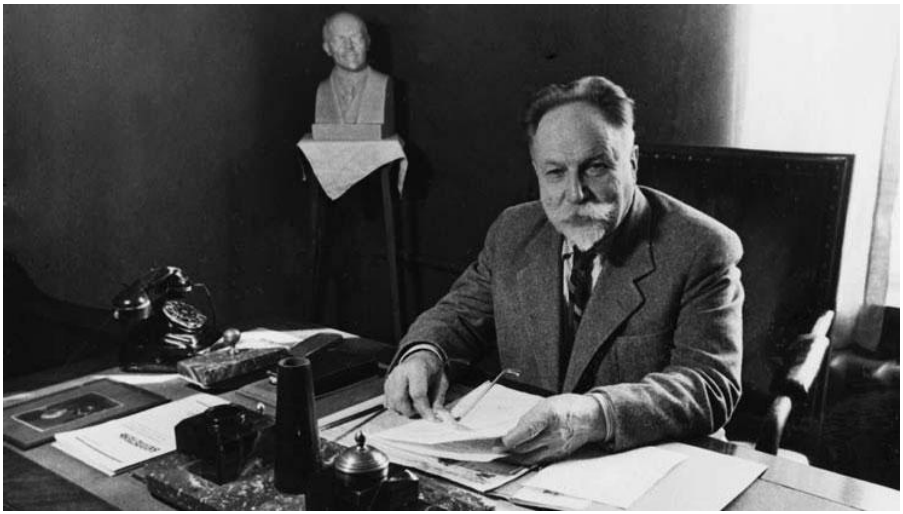
* * *

Огромная работа, проделанная Сперанским на протяжении его долгой жизни, к счастью, не осталась незамеченной. В декабре 1942 года он был награжден орденом Ленина, спустя год – орденом Трудового Красного Знамени, в сентябре 1943 года он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в ноябре 1944 года постановлением Совета народных комиссаров СССР был утвержден действительным членом Академии медицинских наук СССР. После этого были ещё три ордена Ленина и второй орден Трудового Красного Знамени, а в 1957 году Георгий Несторович был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Вместе с популярностью в нашей стране пришло признание и за рубежом. После участия деда в 1957 году в работе VII Всесоюзного съезда детских врачей, на котором присутствовали 80 представителей от 20 стран мира, он стал почетным членом чехословацкого Педиатрического научного общества имени Пуркинье, почетным членом научных обществ детских врачей Польши и Болгарии. В 1969 году, уже после его смерти, за многолетнюю и плодотворную работу по снижению детской смертности совместно с профессорами Ю. Ф. Домбровской и А. Ф. Туром Георгию Несторовичу была

присуждена Ленинская премия.

Рига, 1946 г. Георгий Несторович Сперанский и профессор Руфанов перед полетом на совещание. После полета летчик сказал им: «Ну и храбрые Вы ребята!»

Выступление по центральному телевидению. Слева диктор Нина Кондратова



Георгий Несторович за рабочим столом в своем кабинете в клинике (1948 г.)

Георгий Несторович с сотрудниками кафедры педиатрии ЦИУ врачей

Георгий Несторович на клиничеком разборе с врачами-курсантами. Напротив Сперанского ассистент Роксана Арменаковна Тюркян

Георгий Несторович на обходе в клинике

Георгий Несторович осматривает маленького пациента в детской больнице имени Дзержинского (на кафедре педиатрии ЦИУ). Слева профессор М. П. Матвеев, справа ассистент Р. А. Тюркян

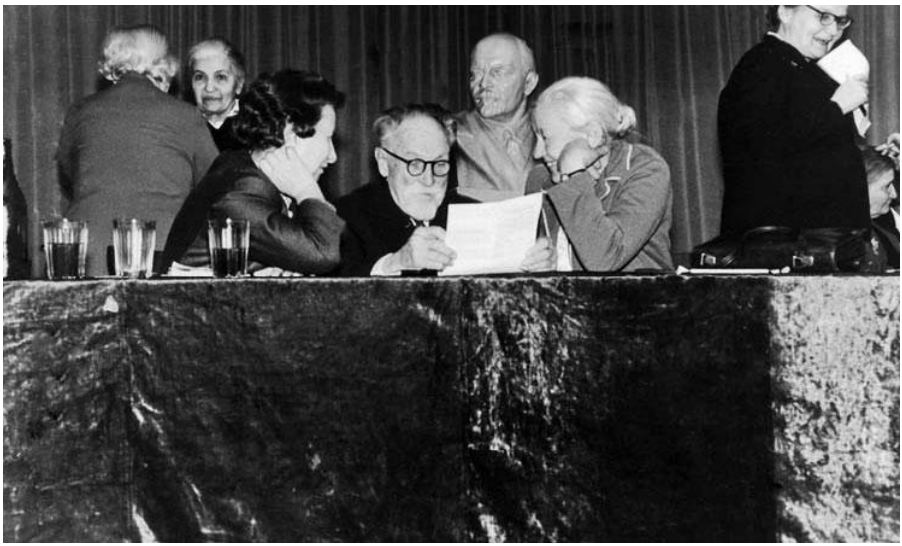
«Ну, дорогой мой, что у тебя болит?»

Георгий Несторович и профессор И. В. Цимблер осматривают больного ребенка вместе с врачами-курсантами ЦИУ

Георгий Несторович пьёт чай в клинике после обхода

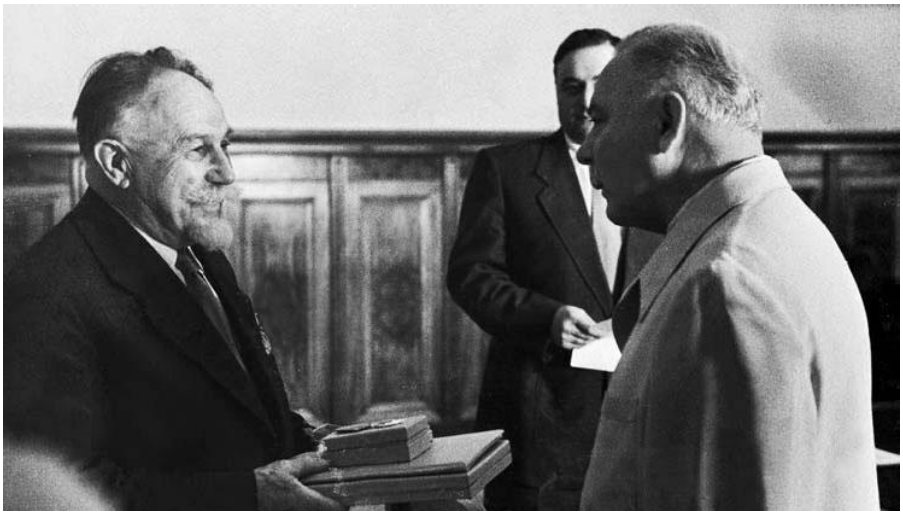
Георгий Несторович читает лекцию курсантам ЦИУ (1948 г.)

Георгий Несторович на лекции в клинике (1948–1950 гг.)



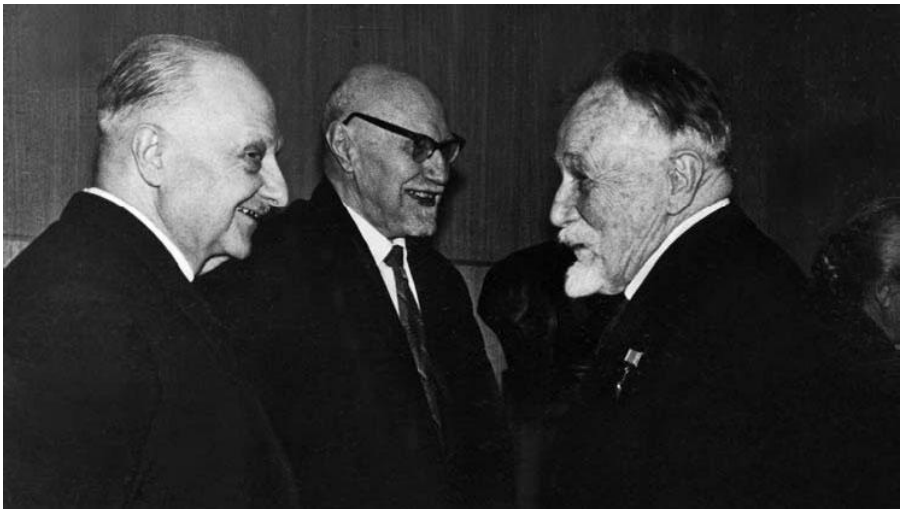
Р. Л. Гамбург Г. Н. Сперанский и Н. М. Аксарина после заседания

75-летний юбилей Г. Н. Сперанского в 1948 г. Серебряный кувшин от делегации Грузии



Председатель президиума Верховного Совета К. Е. Ворошилов вручает Г. Н. Сперанскому орден Ленина и золотую звезду Героя социалистического труда. Москва, Кремль, 1957 г.

Кремль. 1957 г. После вручения Г. Н. Сперанскому Золотой Звезды Героя Социалистического Труда и третьего ордена Ленина. ***Рядом с дедом*** *архитектор И. В. Жолтовский,* ***за ними*** *И. Папанин,* ***крайний слева во втором ряду*** *профессор В. Х. Василенко*



Г. Н. Сперанский беседует с профессором АФ. Туром на сессии Академии медицинских наук СССР

Г. Н. Сперанский и профессор Ю. Ф. Добровская в Армении (фото 1958 г.)

Георгий Несторович в Армении. ***Слева*** *– Министр здравоохранения Армянской ССР,* ***справа*** *– Президент Академии медицинских наук В. Д. Тимаков*

Георгий Несторович и финский педиатр профессор Ильпё

Глава 14
Чкаловский дом. Соседи и друзья

Как я уже писал, в 1939 году деду выделили квартиру в доме № 14/16 по улице Чкалова, теперь улице Земляной Вал. В этом доме прошли всё моё детство и юность. Это был знаменитый дом и назывался он «чкаловский». В нем действительно жил легендарный летчик Валерий Чкалов, погибший в 1938 году, а в моё время проживала его вдова Ольга Эразмовна с дочерьми Лерой и Олей. Я хорошо помню эту невысокую, темноволосую женщину средних лет, работавшую, если мне не изменяет память, в каком-то издательстве. С сестрами Чкаловыми я близко знаком не был: Валерия была на два-три года старше меня, а Ольга, наоборот, на пару лет моложе, так что общих интересов в детстве у нас не было, хотя я часто встречал их обеих во дворе нашего дома. Дом вообще славился обилием знаменитых людей, живших в нём. На фасаде дома кроме памятной доски Валерия Чкалова во времена моего детства была только доска композитора Прокофьева. Теперь количество досок существенно увеличилось.

В доме жил детский поэт С. Я. Маршак, друживший с моими дедом и бабушкой. Я несколько раз бывал в квартире у Самуила Яковлевича, приходя к нему за книгами, которых у него было видимо-невидимо. У него было очень доброе морщинистое лицо, немного подпорченное оспинами, и глуховатый, тихий голос. У меня хранится много его книг с дарственными надписями, подаренных им Сперанским. С сыном Маршака Эликом дружили мои родители. Элик, специалист по английскому языку, был женат на дочери академика А. Д. Сперанского, и с его сыном, Алёшей Сперанским, нередко путали меня, хотя я был не Сперанским, а Овчинниковым. На фасадной стене дома теперь есть доска, посвященная Маршаку. Поздравляя Георгия Несторовича с присуждением ему звания Героя Социалистического Труда, 24 июня 1957 года Маршак написал деду трогательное письмо следующего содержания:

«Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Несторович,

Горячо поздравляю Вас, подлинного Героя Социалистического Труда, с присвоением Вам столь заслуженного почетного звания. Вместе со многими почитателями Вашими низко кланяюсь Человеку большой души и чистого сердца, замечательному ученому, великому другу детей. Посылаю Вам на память несколько

стихотворных строчек. Не судите их слишком строго, так как написаны они экспромтом, да к тому же ещё во время болезни.

Желаю счастья и здоровья
Тому, кто столько лет подряд
Лечил с заботой и любовью
Три поколения ребят.

Когда-то молод, полон сил
Ещё он дедушек лечил,
Лечил в младенчестве отцов
И лечит нынешних юнцов.

Перестают при нём ребята
Бояться белого халата.
И сотни выросших ребят
Со мною вместе говорят:

– Друзья! Бокал шампанского
Поднимем за Сперанского,
Ученого Советского,
Большого друга детского,
Героя мысли и труда,
На чьей груди горит звезда!

Ваш С. Маршак».

В нашем доме жили знаменитые художники-карикатуристы Кукрыниксы – Куприянов, Крылов и Ник. Соколов. Порфирий Никитич Крылов и его жена Елена Анатольевна имели квартиру в нашем подъезде на первом этаже тотчас под нами. С их сыном Толей, мальчиком на один год старше меня, я постоянно играл в детстве. Кроме игр мы встречались с Толей в группе английского языка, которую вела другая наша соседка Елена Александровна Мясищева. Но о ней немного позже. Старший сын Крыловых Андрей был талантливым художником и карикатуристом. Он нарисовал очень похожий шарж на моего деда, и я использовал его в этой книге. У нас висят нарисованные Андреем изумительные портреты деда и дедовского любимца, огромного черного кота Урса, прародители которого были привезены из Англии. Куприяновы и Соколовы жили в соседних подъездах, но с ними я был знаком меньше, лишь с младшим сыном Соколовых, Володей, хотя он был немного моложе меня, я иногда играл во

дворе и пару раз приходил к нему в гости. Старший сын Соколовых, Миша, был женат на Мане, внучке знаменитого академика Ивана Петровича Павлова – очень красивой стройной блондинке с пышной прической, выпускнице Ленинградского медицинского института. У Куприяновых детей моего возраста не было, и первый раз я был у них дома только в 1962 году, когда мы с Ларисой собирались летом поехать на Азовское море и зашли к Куприяновым расспросить о местах на побережье, где они неоднократно бывали. К тому времени у Михаила Васильевича были больные глаза, и он очень плохо видел. Его проблемы с глазами начались довольно давно, и его даже консультировал бабушкин брат В. П. Филатов во время одного из своих визитов в Москву. Вообще с Кукрыниксами у Сперанских были весьма тёплые и дружеские отношения. У нас есть несколько милых этюдов, написанных разными Кукрыниксами и подаренных ими моим предкам. Не так давно я с удовольствием увидел на фасаде дома памятную доску с барельефами всех трёх художников.

В нашем доме жил профессор консерватории Генрих Густавович Нейгауз. Его супруга Милица Сергеевна нередко приходила к Елизавете Петровне поговорить. Вскоре после войны брат бабушки В. П. Филатов прислал письмо, в котором просил познакомить с Нейгаузом никому тогда не известного молодого пианиста Святослава Рихтера. Вскоре приехал и сам Слава, высокий, худущий, очень стеснительный и немного странноватый молодой человек. Бабушка была к нему очень приветлива и попросила Нейгауза прослушать Рихтера. Какое-то время, как мне помнится, Слава даже жил у нас, во всяком случае, не раз играл на рояле, стоявшем в маминой комнате. Значительно позже Святослав Рихтер, уже концертирующий пианист, навещал моих бабушку и деда на Рижском взморье во время их отдыха. Похожая история повторилась несколько лет спустя, когда по рекомендации В. П. Филатова из Одессы приехал певец Артур Айдинян. Он был эмигрантом и вернулся в Советский Союз из Турции, где подвергался репрессиям. Что-то случилось у него с глазами, и он попал к Филатову на лечение. Бабушка тоже принимала в нём живое участие, а Айдинян пел у нас в квартире, но о дальнейшей его судьбе мне мало что известно.

Чтобы быть справедливым, к знаменитостям, населявшим «чкаловский» дом, надо отнести и скрипача Давида Ойстраха и художника К. Ф. Юона. Их памятные доски теперь висят на фасаде дома, выходящего на улицу Земляной Вал. Но с ними никто из Сперанских близко не был знаком.

Нередко в квартиру Сперанских приходил Ираклий Андроников с супругой Вивой. Я хорошо помню, как Ираклий

Луарсабович, сидя за круглым столом в нашей небольшой столовой, читал для нас свои великолепные произведения. Особенно запомнились мне в его исполнении воспоминания о начале работы в Ленинградской филармонии с И. И. Соллертинским и рассказ Остужева о горле Шаляпина. С тех пор я много раз видел выступления Андроникова по телевидению, но первые детские впечатления наиболее сильные. Как сейчас вижу перед собой незабываемое лицо Ираклия Луарсабовича, говорящего голосом Шаляпина Остужеву: «Так уж и быть, посмотри!» Раскрыл рот: «Аххаааа…». И далее словами Остужева: «Вы не знаете, что я увидел: не горло, а кратер!!! не нёбо, а купол!!! Он уходит под самые глаза!.. И во всей глотке ни одной лишней детали!..» Это были удивительные, завораживающие рассказы большого артиста и писателя. Дед часто лечил и консультировал обеих дочерей Андрониковых – старшую, Манану, ставшую известным искусствоведом и кинокритиком, и младшую, Катю, Эку, успешно окончившую балетное училище и много лет проработавшую в труппе Большого театра. После награждения Георгия Несторовича золотой звездой Героя Социалистического Труда среди множества поздравительных писем и телеграмм выделяется письмо от семьи Андрониковых, которое заслуживает того, чтобы быть опубликованным.

«Дорогой Георгий Несторович, в первый день мы даже не посмели отрывать Вас от поздравлений, которые шли к Вам со всех концов. Но всему есть предел – в том числе ожиданию в очереди на поздравление. Тем более, что мы никогда не выясним, кто последний. Толстой не мог молчать один, а нас пятеро. Мы – коллектив. И в этом наша сила. Позвольте нашему семейному квинтету исполнить несколько слов – как Вам известно, первые голоса у нас Вива и Манана, вторые – Экочка, третьи голоса – басы – мы с Элевтером. Наше поздравление идёт от сердца. Но обещаем все же соблюдать и регламент.

Мы восхищаемся Вами – так же, как все, кто о Вас слышит.

Мы очарованы Вами – так же, как каждый счастливец, которому довелось когда-либо видеть Вас.

Мы гордимся Вами – как все те, кто знаком с Вами, кто кланяется Вам и знает, что Вы их заметили и улыбнетесь им.

Мы гордимся тем, что на две пятых являемся Вашими пациентами и на себе испытали частичку того, что увенчано сегодня маленькой золотой звездочкой.

Наконец, мы можем похвастаться тем, что принадлежим к числу Ваших личных знакомых.

И вот, зная Вас, как знают Вас знакомые и незнакомые, как знают Вас больные и здоровые, как знают Вас дети и родители – мы хотим пожелать всем на свете врачам быть такими же, как Вы, Георгий Несторович! И всем на свете людям пожелать, чтобы они были, как Вы, Георгий Несторович! И всем детям! И всем родителям! Вы даже не знаете по-настоящему, какой Вы. Единственное в Вашей жизни и непоправимое упущение, Георгий Несторович, что среди Ваших знакомых нет Георгия Несторовича Сперанского, и Вы не знаете, как хорошо и важно сознавать, что есть такой человек, ощущать его расположение, внимание, видеть Вашу чудесную улыбку, быть под Вашей защитой. И сегодня, поздравляя Вас, наш дорогой и прелестный Георгий Несторович, присоединяем наши пять голосов к хору всех родителей, всех детей, всех врачей, всей Москвы, всей страны.

Просим передать наш, полный любви, привет Елизавете Петровне и всем Вашим.

Ваши Андрониковы. 4 июня 1957 года».

Моя первая учительница английского языка Елена Александровна жила в соседнем с нашим подъезде. Она была дочерью известного армянского композитора А. А. Спендиарова и женой генерал-майора В. М. Мясищева, авиаконструктора самолётов-бомбардировщиков. Она часто бывала у Елизаветы Петровны, с которой любила обсуждать современные новости и слушать рассказы бабушки о прошлых днях. Мы с Толей Крыловым приходили заниматься к Елене Александровне домой, и я не раз встречал там Владимира Михайловича. Он был высоким, сухощавым человеком с довольно красивым лицом. В нем была половина польской крови, и он даже говорил, как мне помнится, чуть-чуть с акцентом. Разговаривал он очень тихо и вежливо. Даже меня, мальчишку, называл на Вы. Мне кажется, что он был весьма сдержанным и сухим человеком. Мне трудно представить, чтобы он на кого-нибудь мог повысить голос или употребить нецензурное выражение. В отличие от мужа Елена Александровна была довольно эмоциональной женщиной – сказывалась армянская кровь.

Отдельного упоминания заслуживает дочь Мясищевых Маша. Она была года на четыре-пять старше меня. Я помню её худенькой, слегка сутулившейся девушкой с очень миловидным лицом и живыми черными глазами. Маша, или Машка, как звали

её во дворе, была, как говорится, «бой-девка». У неё в характере было много мужских черт, она предпочитала ходить в брюках, была резкой, на всё имела своё мнение, классно умела ругаться, не хуже парней во дворе. Одно лето моя бабушка пригласила Машу провести некоторое время у нас на даче. Маша была заводилой всяческих шалостей и пользовалась большим авторитетом у всей молодежи, живущей у Сперанских и приходящей к ним в гости. Маша была поклонницей моей бабушки и искренне верила в чудодейственную силу её левой руки, пожать которую она неизменно приходила перед каждым экзаменом в школе и в институте.

Кроме Чкалова в нашем доме жил и ещё один знаменитый летчик, герой трансполярного перелёта в Америку 1937 года, генерал-лейтенант Сергей Алексеевич Данилин. С его женой Варварой Павловной и сыном Алешей я был очень хорошо знаком, так как учился с Алешей в одном классе и даже одно время сидел с ним за одной партой. Мы называли друг друга «братцами» и редкий вечер не перезванивались насчёт домашних заданий. Каждый год мы ходили друг к другу на дни рождений, а в 8 или 9 классе мы стали собираться у Данилиных учиться танцам. У Алешиного отца были очень редкие в те годы пластинки Петра Лещенко и Вертинского, которые он привез из Америки. Их не разрешалось выносить из дома, и мы, несколько мальчишек (девочек у нас в приятельницах тогда ещё не было, учились мы раздельно), разучивали танго и фокстроты у них на квартире, как говорится, «шерочка с машерочкой».

Другим моим приятелем был Костя Страментов, который жил в нашем подъезде над нами. Его отец, Константин Евгеньевич, был профессором Московского инженерно-строительного института (МИСИ), а мать Ирина была очень красивой женщиной, но с какой-то холодной, европейской красотой. Ещё у Кости была младшая сестра Машенька, на которую в детстве мы внимания не обращали, но которая выросла в восхитительную девушку. Костя в детстве увлекался всяческим оружием, и у него было несколько трофейных офицерских кортиков и пистолетов. Он привез их из Киева, где в последние годы войны работал его отец. С Костей связана неприятная история, случившаяся во время его пребывания у нас на даче в Деденеве. Мне было в то время лет тринадцать или четырнадцать. Костя был на год старше. Я увлекался охотой, и у меня был дробовик 32-го калибра, переделанный из воинской «берданки» с затвором, как у трехлинейной винтовки. Костя, конечно, не выпускал это ружьё из рук. Однажды мы сидели с ним друг напротив друга в маленькой комнате дачи, в которой мы с ним жили. Костя держал

ружье на коленях и крутил затвор. Случайно он нажал на курок, и ружьё, оказавшееся заряженным, выстрелило. Заряд крупной дроби пролетел мимо моего живота и сделал глубокую дыру в бревенчатой стене дома в полуметре от меня. Дед выскочил из соседней комнаты, где он пил чай, мертвенно бледный, с трясущимися руками и, увидав, что мы оба живы, начал страшно кричать на Костю: «Вон из моего дома! Что бы ноги твоей здесь не было!» и т. д., и т. п. Пришлось Косте срочно уезжать в Москву.

Естественно, что все наши соседи, у которых были дети, приводили их к деду при каждом их кашле и простуде, не говоря уже о более серьёзных заболеваниях. И дед никому из них не отказывал в помощи и медицинских советах.

Наш дом был расположен в нескольких кварталах от Курского вокзала и примерно на таком же расстоянии от улицы Покровки, позже ставшей улицей Чернышевского. Дом занимал целый квартал между двумя Казёнными переулками, Большим, переименованным в честь Аркадия Гайдара, который жил здесь в одном из домов, и Малым, которому дали имя Мечникова, наверное, в связи с расположенным здесь Институтом вакцин и сывороток его имени. Это был огромный восьмиэтажный дом, в плане напоминавший растянутую и перевернутую букву П. Его фасады в моё время были буро-желтого цвета, и в нём со стороны улицы за высокими стеклянными витринами размещались промтоварный магазин и сберкасса. Внутри буквы П был довольно большой двор, в который выходили двери всех тринадцати подъездов. Уличные (парадные) двери подъездов повсеместно были заперты, как это обычно делалось в советское время, не знаю почему. В центре двора, занимая большую его часть, был расположен сквер. На сквер вели четыре лестницы с цементными вазами по углам, потому что он находился на возвышении. Во время строительства дома землю, вынутую при рытье котлована, не вывезли, а уложили плоским прямоугольником в середине двора. С этого искусственного холма младшие дети зимой катались на санках и на подручных средствах по ледяным дорожкам, накатанным в нескольких местах. Самые отчаянные из тех, кто постарше, скатывались по ним стоя на ногах, а более осторожные – сидя на портфелях или сумках. В нижней части двора, расположенной ближе к въездным воротам и к нашему подъезду, была земляная площадка, на которой летом играли в футбол и волейбол, а зимой устанавливали хоккейную коробку. Теперь там тоже сквер, а по его краю выросли толстенные деревья, которые были посажены уже без нас. Вдоль внутренних стен дома были асфальтированные проезды, где парковались немногочисленные личные

автомашины. Несмотря на достаточно высокий социальный статус большинства жильцов нашего дома, на моей памяти собственный транспорт был лишь у нескольких семейств, к которым принадлежали и Сперанские, хотя служебные машины приезжали за многими. На задней части двора, вдоль забора, отделявшего наш двор от соседнего, школьного, стояло несколько железных гаражей, среди которых нашего, увы, не было. Дед получил чуть ли не последнюю оставшуюся квартиру в этом доме в 1939 году, когда дом уже был заселён, и места под гараж нам не досталось. «Чкаловский» дом, хотя и относился к привилегированным, был, конечно, значительно ниже уровнем, чем печально известный «дом на набережной». Но и количество арестованных в нём было значительно меньше. Впрочем, мы не жили здесь в пик репрессий тридцатых годов, а после войны я не помню ни одного шепота о внезапно исчезнувшем обитателе дома. Военизированной охраны ни во дворе, ни в подъездах не было, въезд во двор был свободным, но в каждом подъезде дежурила лифтёрша, в обязанность которой было вызывать лифт с верхних этажей вниз и выпытывать у незнакомцев, куда они направляются. Вообще и подъезды дома, и двор были весьма цивилизованными и, несмотря на близость Курского вокзала, бомжи и иноверцы здесь не появлялись. Единственными нарушителями спокойствия в первые послевоенные годы были точильщики и утильщики. Раз или два в неделю во дворе раздавался громкий гнусавый голос, возвещавший: «Паять, починять, ножи, ножницы точить!» или «Старьё берём-м-м, старьё берём-м-м!». Но всё это было вполне мирно и благопристойно. А потом и они исчезли.

В нашей квартире № 27 на втором этаже девятого подъезда было пять небольших комнат. Спальня деда и бабушки была ближней к кухне и туалету и единственной комнатой, окно которой выходило во двор. В ней стояли две железные кровати с проволочными сетками и тумбочками и небольшой комод с выдвигающимися ящиками, называемый «монашкой». Три верхних ящика принадлежали бабушке, в двух нижних хранились рубашки и бельё деда. Кровать деда была «исторической» и раньше принадлежала его отцу.

Следующей дверью по левой стороне коридора была стеклянная дверь в кабинет деда – квадратную комнату, вся левая от входа стена которой была заставлена книжными полками. Часть из них были самодельными. Полки были сплошь заставлены медицинскими книгами (беллетристикой дед интересовался мало и у себя не хранил). Большую часть дедовской библиотеки, в которой было немало старинных и

редких книг с его автографами, я после его смерти отвез в Институт педиатрии. У окна поперек комнаты стоял старинный письменный стол – бюро, за которым дед по вечерам занимался, писал статьи и письма. В правом нижнем ящике стола обычно лежала бутылка армянского коньяка, которую дед изредка приносил в столовую и из которой перед едой мог выпить рюмочку. Вообще к алкоголю дед был совершенно равнодушен и немного выпивал вместе со всеми лишь по праздникам или очень устав на работе. Вся обстановка «чкаловской» квартиры, в том числе и это бюро, переехала в 1964 году в малогабаритную трехкомнатную квартиру в дом на улице Дмитрия Ульянова, где мы с женой живем и по сей день. За этим дедовским бюро я пишу сейчас эти строки. За спинкой бюро, вдоль правой стены кабинета стоял диван, столь же древний, как и бюро, доставшийся деду, кажется, от его старшего брата Михаила. Перед бюро стояло глубокое квадратное мягкое кресло, в котором дед, приезжая из института домой обедать, проводил полчаса в обязательном послеобеденном сне, после чего вновь уезжал до вечера. Чтобы было удобнее вытянуть ноги, дед сделал к креслу подставку, которую убирал за диван. Засыпал он мгновенно, а просыпался, как по будильнику, ровно через 30 минут. Эти минуты были единственным временем, когда мне не разрешалось шуметь и разговаривать по телефону. Справа от двери стоял белый пеленишник – специальный столик для пеленания младенцев, привезенный ещё до войны из Института охраны материнства и детства. На нем дед осматривал грудных детей, когда в первые послевоенные годы вел прием больных на дому. Для более старших пациентов предназначался стул-вертушка, принадлежавший ранее чуть ли не самому Нилу Федоровичу Филатову. Он жив и поныне…

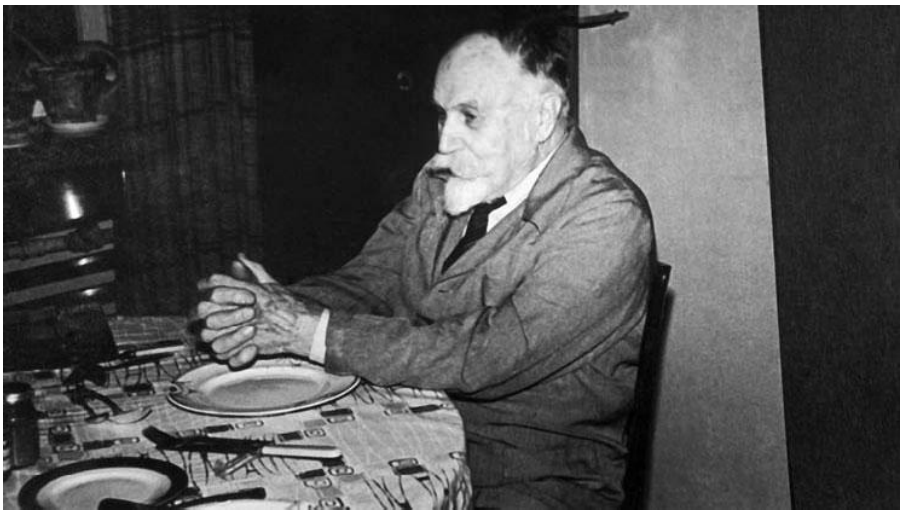
В коридоре, напротив двери в дедовский кабинет, стоял невысокий шкафчик, на котором помещался телефонный аппарат черного цвета, номер которого К7–56–58 навсегда отпечатался в моей памяти. Звонили чаще всего деду, и разговаривал он стоя, облокотившись на шкафчик. Однажды, будучи отроком лет семи, я сильно оконфузил бабушку и деда, сняв трубку и в ответ на просьбу позвать Георгия Несторовича, ответил, что он не может в данный момент подойти к телефону, так как сидит в уборной. Бабушка, услышав эти слова, в ужасе закричала: «Алёша, что ты говоришь, разве так можно!», на что я, будучи искренним ребенком, не отнимая телефонной трубки ото рта, громко ответил ей: «Бабушка, да ведь он правда в уборной!».

В коридоре напротив входной двери стоял старинный платяной шкаф, отделанный под красное дерево. В нем хранилась

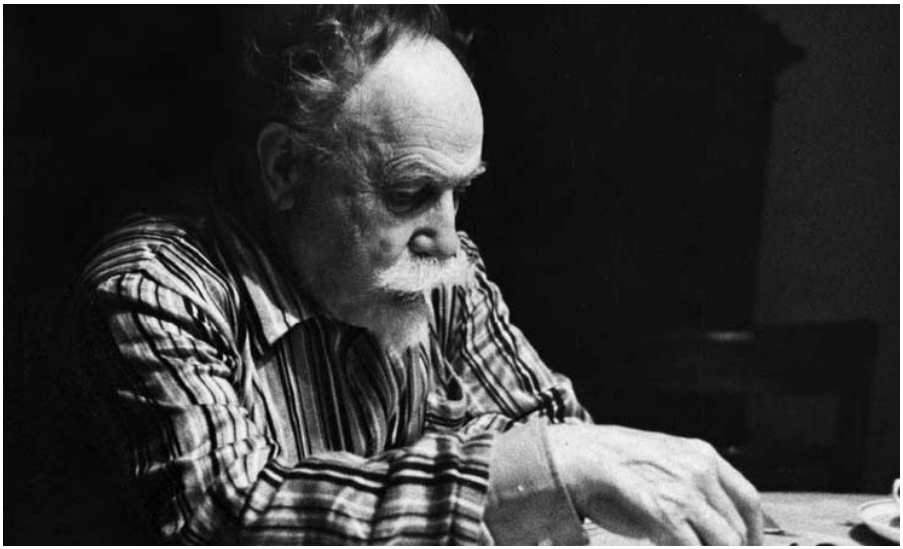
верхняя одежда всех членов семьи Сперанских, а когда на мои дни рождения приходили гости и затевалась игра в прятки, лучше этого шкафа в квартире не было убежища. В противоположном от кухни конце коридора были две двери – в столовую и в две комнаты моих родителей – проходную, где я спал с мамой, и угловую, отцовскую, где, заболев туберкулезом, отец по требованию деда спал один. Когда я немного подрос, стал ночевать на диване в кабинете деда, иногда срочно покидая его, когда рано утром к деду приходили посетители. Столовая была общей, самой маленькой комнатой, где стоял раздвижной овальный стол с простыми коричневыми стульями и старинные напольные часы английской работы, чуть ли не восемнадцатого века. Говорят, что эти часы принадлежали когда-то соратнику Императора Александра I Михаилу Сперанскому, но как они попали к предкам моего деда, он объяснить нам не смог. После смерти деда часы остановились и в неработающем состоянии находились у моей матери, а когда и её не стало, были отданы моему двоюродному брату Николаю, сыну Сергея Георгиевича Сперанского. Насколько мне известно, починить их так и не удалось. На окне столовой, выходившей в Малый Казённый переулок, стояли горшки с различными кактусами, которые деду очень нравились. Один из них был высотой в целое окно и за всю мою жизнь цвёл только один раз.

Из этой квартиры осенью 1961 года ушел в другую семью мой отец и сюда же 30 апреля 1962 года я вернулся из ЗАГСа со своей молодой женой Ларисой. А в 1964 году моя мать с согласия и с помощью деда разменяла нашу «чкаловскую» квартиру на две поменьше в домах на улице Дмитрия Ульянова и улице Вавилова. Наш переезд был целой эпопеей. За двадцать пять лет в семьях Сперанских и Овчинниковых набралось очень много вещей, большей частью не очень и нужных, но связанных с воспоминаниями о прежней жизни и об ушедших от нас людях. Выбросить их было жалко, а перевезти и разместить в значительно меньшей по площади новой квартире было непросто. Думаю, что особенно нелегко было моему деду, очень пожилому человеку, прожившему большой отрезок времени в прежнем, привычном ему доме и потерявшему в нем спутницу его жизни. Тем не менее дед принял решение об обмене ради меня и моей жены, считая, что молодые, по возможности, должны жить самостоятельно. Жизнь показала, что дед, как всегда, был прав.

«Чкаловский» дом (современная фотография)



Георгий Несторович за обедом в столовой. За ним виднеется нижняя часть часов, на окошке – горшки с кактусами (снимок приблизительно 1948–1949 гг.)



Георгий Несторович за вечерним чаем у себя дома на Чкаловской

Семейный праздник у Сперанских. ***Слева направо****: Наталья Георгиевна, Алёша, Георгий Несторович, Елизавета Петровна, Марина, Сергей Георгиевич, Софья Сергеевна Четверикова (дочь покойного профессора С. Четверикова). 1948 г.*

Георгий Несторович, Самуил Яковлевич Маршак и Елизавета Петровна (Чкаловская дом 14/16, начало 50-х годов)

Кукрыниксы. ***Слева направо****: М. В. Куприянов, П. Н. Крылов. Н. А. Соколов* ***На обороте фотографии надпись****: «Дорогим Елизавете Петровне и Георгию Несторовичу Сперанским на добрую память от пожилых Кукрыниксов. 1946 год». (Самому старшему из них, Порфирию Никитичу Крылову было тогда всего 44 года, а остальным и того меньше – А. О.)*

Дорогому
Георгию Нестеровичу
от Кукрыниксов

Глава 15
Жизнь Сперанского в послевоенные годы дома и на даче

Большая часть того, о чем было написано в предыдущих главах, стало известно мне из воспоминаний моего деда и других людей, знавших его. Теперь я хочу рассказать о собственных впечатлениях о Георгии Несторовиче, сохранившихся в моей памяти.

Проживая со своими родителями в квартире деда, я видел его и разговаривал с ним почти каждый день. Он был для меня не академиком Сперанским, а просто добрым, хотя иногда и строговатым дедушкой. Распорядок жизни деда был очень прост. Вставал он в семь часов утра и после короткого завтрака уезжал на машине в институт. Пока он работал на Солянке и мог заехать днем домой, мы обедали часа в два. Когда основным местом его работы стала больница на Пресне, и приезжать обедать домой он уже не мог, наши обеды были перенесены на 6–7 часов. Пообедав, он садился за стол и работал до 9–10 часов. Вечером был обязательный чай, после чего дед, почитав немного у себя в кабинете, укладывался спать. Каждую субботу после работы он садился в машину и уезжал на свою дачу в Деденево. Часто с ним вместе, пока могла, ездила и бабушка. Правда, когда Сперанским принадлежала большая дача, Елизавета Петровна уже к майским праздникам обычно переезжала за город. Чуть позже, когда я пошёл в школу, её переезд стал зависеть от окончания моих школьных занятий и был перенесён на конец мая. Несколько раз вместе с дедом и бабушкой мы ездили летом в Одессу к Филатовым и на Рижское взморье. Но об этом я хочу рассказать отдельно.

Дед был весьма скромен в быту. Получая в определенный период своей жизни довольно высокую по тем временам зарплату и помогая материально семье своего сына и ещё многим родным и знакомым, он имел два костюма – летний и зимний, и единственное пальто, в котором ходил на работу и ездил на дачу, а там носил всегда одну и ту же старую куртку. Из еды предпочитал щи с гречневой кашей, а на второе ему чаще всего готовили мясные котлеты с той же гречневой кашей. На даче после продажи построенного им большого старого дома дед жил в своей мастерской, а до того, когда летом к Сперанским приезжало много гостей и места ему не оставалось, нередко отправлялся

спать в сарай на сеновал.

Будучи директором Государственного института охраны материнства и младенчества, а впоследствии Института педиатрии АМН СССР, дед никогда не пользовался служебной машиной, а покупал автомобили сам и на свои деньги содержал шофера. Сам он никогда на моей памяти машину не водил, хотя, как говорят, ещё в 1913 году сдал экзамен и получил водительские права. Отойдя отдел и сохранив за собой лишь должность консультанта на кафедре, он рассчитал шофера и стал ездить в клинику и на дачу на метро и на электричке, целиком отдав машину сначала своему зятю, моему отцу, а после его ухода из семьи – мне. Когда воскресным вечером мы все вместе возвращались с дачи, дед, вылезая из машины, неизменно благодарил меня за то, что я его благополучно довез до дома.

Я помню деда неизменно доброжелательным к людям и очень добрым человеком. Он очень любил животных и они любили его. Наш огромный черный кот Урс (медведь по-латыни), который ни к кому не ласкался и не любил нежностей, регулярно по вечерам приходил к деду в кабинет, прыгал на его стол, ложился прямо на бумаги под лампу, и дед никогда не прогонял его, а начинал расчесывать ему шерсть, отчего кот впадал в нирвану и урчал на всю квартиру. Ко всем нашим собакам, а в нашей семье постоянно жили собаки, дед относился с большой теплотой и уважением, не целуясь с ними, как мы, но никогда не поднимая на них голос и не обижая их. Он помогал материально и поддерживал многих знакомых и родственников. И при этом не просто давал людям деньги, а находил для них пусть маленькую и не всегда ему нужную, но все же работу. И люди ценили это, так как не чувствовали унижения от подачки. Я помню старого и больного человека, двоюродного брата моей бабушки, дядю Виктора. Он плохо видел и почти ничего не понимал. Однако дед давал ему разбирать какие-то бумаги и регулярно платил «жалование». Другим примером его тактичной помощи может служить случай с сыном старейшей медицинской сестры, долго работавшей с Георгием Несторовичем в Институте охраны материнства и детства, Е. Э. Цоппи. Елизавета Эрнестовна жила очень скромно со своим сыном Виктором. И когда Виктор стал студентом, дед пригласил его к себе домой составить картотеку своих книг, которые он и без того хорошо знал. Молодой человек в течение нескольких недель по вечерам переписывал названия книг в карточки и получал за это от деда зарплату. Вспоминая об этом много лет спустя, Виктор Цоппи, ставший к тому времени известным журналистом, признавал, что дед дал ему эту работу, понимая, что просто так деньги от него Виктор не примет. Я уже

говорил о постоянной помощи семье своего сына Сергея, жившего отдельно. Да и мы с мамой почти всю жизнь, пока болел мой отец, жили почти целиком на иждивении у деда. А то, что мой отец, заболев во время войны туберкулезом легких, остался в живых, это целиком заслуга Сперанского. Именно он впервые выявил у отца каверны в правом легком и достал для него только что появившийся в те годы стрептомицин. И он никогда не давал нам почувствовать свою от него зависимость, считая, что содержать семьи своих детей – это его святая обязанность. Наши соседи по даче и жители окрестных деревень часто приходили к деду за помощью, и не только медицинской. Даже будучи в отпуске, дед никогда не отказывал в помощи больным людям, всегда внимательно выслушивал и давал советы медицинского свойства не только детям, но и их родителям. Среди соседей и жителей нашего поселка Георгий Несторович пользовался большой любовью и уважением. До сих пор, хотя со смерти деда минуло почти 40 лет, я встречаю в Туристе людей, которые, узнав, что я внук Сперанского, начинают с благодарностью вспоминать, как он лечил их, когда они были детьми.

В то же время он был очень вспыльчив. Рассердившись, дед становился красным, вены у него на лбу вздувались и он начинал кричать на нас громким голосом. Иногда причина такой вспышки была довольно мизерной. Об одной из них, случившейся во время путешествия на пароходе «Россия» по Черному морю я расскажу в одной из следующих глав. Другой раз его крик был связан с нашим котом, который считался дедовым любимцем. Кот пролил чернильницу у меня на письменном столе и залил мои тетради. Я пошел жаловаться не него деду. Дед вдруг сильно на меня рассердился и стал кричать: «Что ты ходишь ко мне жаловаться? Если кот тебе мешает, выкини его в форточку! Попробуй это сделать!» Конечно, я тут же замолчал и уполз в свою комнату, а бабушка пошла успокаивать деда. Вообще дед меня очень любил и кричал на меня всего два раза в жизни, но оба раза я хорошо запомнил. То же могут сказать и мои двоюродные братья и кузины. Отходил дед от гнева довольно быстро, начинал пыхтеть в усы и через полчаса уже разговаривал с нами, как ни в чем не бывало.

Не могу сказать, что дед был очень общителен. Не знаю, как на работе, а дома он не любил пустых разговоров и праздных застолий. Он мог раньше других встать из-за праздничного стола и уйти к себе в кабинет, сев за работу и предоставив бабушке руководить беседой и развлекать гостей, что она и делала в совершенстве. Вообще дед жил очень рационально. Он признавал только то, что было с его точки зрения полезно и познавательно.

Он не любил современную литературу и редко читал газеты, прекрасно понимая, что почти все, что в них пишется – ложь и пропаганда. Зато он любил читать журнал «Наука и жизнь», а также исторические романы и жизнеописания великих людей. Но больше всего он любил Толстого и Паустовского. Он часто читал Толстого на ночь и хорошо знал все его произведения. Думаю, что он во многом разделял взгляды и образ жизни Л. Н. Толстого, его любовь к физическому труду и природе. Наряду с этим, насколько я знаю, он никогда не читал «Трех мушкетеров», считая все их похождения бесполезным вымыслом. Телевизор дед смотрел редко и в кино также почти никогда не ходил, даже на отдыхе. Лишь однажды в моей жизни во время отдыха на Рижском взморье он пошел посмотреть в кино оперу Леонкавалло «Паяцы» в исполнении Карузо.

Дед хорошо знал немецкий и французский языки, мог переводить с английского, а в конце жизни взялся за изучение чешского языка. Причины такого выбора я не знаю, но помню, что, спустя несколько месяцев вечерних занятий, он уже довольно свободно читал и переводил статьи и письма, полученные из Чехословакии. Он поощрял мои занятия английским языком и давал деньги на мои уроки, а его любимым подарком были разнообразные словари, которых у меня набралось довольно много.

Дед очень уважал и ценил физический труд и рукоделие. Всю свою жизнь, за исключением нескольких лет эвакуации во время войны, дед проводил почти всё свободное время на своей даче, работая в саду и в мастерской. Там у него был токарный станок и множество различных столярных инструментов, часть которых досталась ему в наследство от его умершего старшего брата. Дед сам вытачивал ручки для этих инструментов, а также для ножей и вилок, делал дачную мебель, чинил различную утварь. Он редко выкидывал старые сломанные вещи, полагая, что они могут ещё послужить, клеил и восстанавливал их собственноручно. Он очень хорошо плел корзины и для этого специально разводил корзиночную иву. Дед старался приучать к рукоделию своих детей и внуков, считая, что кроме основной профессии человек обязательно должен владеть каким-либо ремеслом. Я уже писал, что в 1918 году в Одессе он работал «холодным» сапожником на набережной, пока не устроился на службу, и тем спас детей от голода. Дед любил собирать различные корешки и ветки деревьев. Из них он делал занятные фигурки, которых к концу его жизни набралась целая коллекция.

Дед очень любил свой дом и особенно сад. Во времена моего детства сад был большим. В нём было много яблонь, за которыми

дед тщательно ухаживал – обрезал, прививал, опрыскивал от вредителей. Была большая плантация малины, много смородины, крыжовника, вишня, слива, ягодники, большой огород. Своя картошка и овощи, яблоки и ягоды существенно облегчали пропитание большой семьи, всегда окруженной друзьями и гостями в летние месяцы. Дед любил косить траву и пилить дрова, а зимой получал удовольствие, расчищая снег на дорожках. Он пытался привить любовь к физическому труду в саду и нам, детям. Но, что касается меня, то в полной мере этот «зов предков» я ощутил только в зрелые годы, став владельцем доставшейся мне по наследству части нашего сада и дома. Вообще нравоучениями дед нам не досаждал, считая наилучшим методом воспитание собственным примером. На вопрос, который ему часто задавали, как лучше воспитывать детей, он неизменно отвечал: «Нет ничего проще проблемы воспитания – только ты сам не должен делать того, чего бы ты не хотел, чтобы делали твои дети, и хорошо делал сам то, чего хотел бы добиться от них».

Дед был физически очень здоровым человеком. Он не курил и выпивал лишь рюмку коньяка по праздникам. На моей памяти он никогда ничем не болел и не боялся простуды. Большое значение он придавал закаливанию. Сколько я его помню, не было ни одного зимнего вечера, чтобы он не сделал себе ножной ванны, сев на её край и подставив ноги на несколько минут под холодную воду. Летом и осенью на даче дед всегда купался почти до самых морозов, будучи уже очень старым человеком. До последних дней своей жизни по утрам он всегда делал зарядку, а во время отпуска, просыпаясь очень рано, после зарядки до завтрака совершал продолжительные прогулки быстрым шагом. Вообще гулять он любил и с удовольствием принимал участие вместе с молодежью в дальних прогулках по окрестностям нашего Деденева, которые были очень живописными. Любил он и собирать грибы, особенно белые, которых раньше в окрестных лесах было довольно много. Собирал он грибы своеобразно: никогда не брал с собой корзинки, а срезав очередной гриб, носил его в руках, пока не подходил к кому-нибудь из нас, у кого была корзина, куда он и опускал свою находку.

Дед был хорошим спортсменом. Я уже писал, что в молодости он прекрасно играл в теннис. Теннисный корт он сделал на даче чуть ли не раньше дома. На моей памяти дед играл в теннис всего несколько раз, но удар у него был сильным и хорошо поставленным. Он очень любил зимние виды спорта – коньки и лыжи. Как-то раз в начале зимы, когда сильные морозы без снега сковали небольшую речку вблизи нашей дачи, я достал свои

беговые коньки и решил покататься по гладкому льду. Дед увидел и попросил дать ему попробовать. Я, посмеиваясь, помог ему зашнуровать ботинки и был несказанно удивлен, увидев, как дед заложил руки за спину и быстро покатился вдоль по реке, делая широкие и уверенные шаги. Было ему в это время 84 года. Я помню деда уже очень пожилым человеком (когда я родился, ему было 64 года), хотя старым он мне никогда не казался, и видел его на лыжах всего два или три раза. Последний раз он надел лыжи в 1964 году по просьбе моего друга, известного альпиниста и художника Андрея Малеинова, который работал в то время в журнале «Физкультура и Спорт». Он решил поместить в журнале статью о Г. Н. Сперанском и его фотографию. Девяностодвухлетний человек надел спортивный костюм и беговые лыжи, прошел на них круг по саду и, не упав, съехал с довольно крутой горки. Цветная фотография была помещена на вкладке журнала, и дед был очень доволен.

Вообще в последние годы он гордился своим возрастом. Ему нравилось, когда в пригородной электричке по дороге на дачу люди спрашивали его, сколько ему лет. Он заставлял их угадывать его возраст и очень веселился, года ему давали лет шестьдесят—семьдесят, в то время как ему было уже за девяносто. У него были седые борода и усы, седые виски, но волосы на голове были русыми, без седины. Цвет волос, бодрый вид и быстрая, уверенная походка придавали ему моложавый вид, и никто не мог поверить, что ему уже так много лет. Ходили даже слухи, что он красит свои волосы, хотя это была абсолютная ерунда.

Дед был честен во всем до беспредельности. Он ненавидел ложь, обман и воровство. Он не был религиозным человеком, но, думаю, имел очень четкий и жесткий моральный кодекс, который определял всю его жизнь, от серьёзных поступков, вроде уже упомянутого выступления в защиту профессора В. Н. Виноградова, которое могло стоить ему жизни, до смешных мелочей, об одной из которых я сейчас расскажу. Как все садоводы, дед любил удобрения, из которых отдавал предпочтение навозу. И вот однажды к деду пришел мужичок из соседней деревни и предложил купить у него телегу навоза. Дед купил навоз и целый день радовался, а к вечеру вдруг помрачнел и задумался. В ответ на вопрос моей матери, в чем дело, он ответил, что навоз-то, наверное, краденый и что он не должен был его покупать. Он впал в сильную депрессию и ни с кем не разговаривал. На следующее утро мать пошла к местному врачу и большому другу деда Лидии Александровне Преображенской и рассказала ей о переживаниях Георгия Несторовича. Лидия

Александровна, которая знала в нашем поселке всех и всё, улыбнулась и отправилась к председателю сельсовета. У него она попросила дать деду какую-нибудь справку о покупке навоза. Председатель долго хохотал, а потом со словами «пусть академик пользуется» выдал ей бумагу с печатью, подтверждавшую право деда на купленный навоз. Получив её, дед успокоился.

Моё описание жизни деда Сперанского в послевоенные годы было бы не полным, если бы я не уделил должного внимания его супруге, чья жизнь прошла рядом с жизнью деда, и представить которого без неё невозможно. Поэтому следующую главу я посвящаю своей бабушке Елизавете Петровне Сперанской. Мне также хочется отдельно рассказать о наших поездках в Одессу и на Рижское взморье, где я имел возможность близко наблюдать своих деда и бабушку, и воспоминания о которых, несмотря на давность лет, до сих пор свежи в моей памяти.

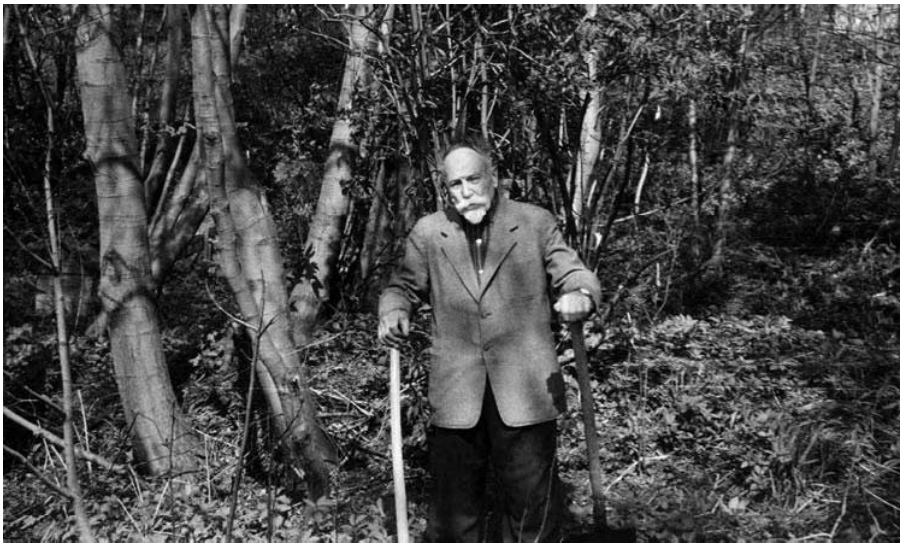
Георгий Несторович с внуком Алёшей по дороге на дачу в «Москвиче». Фото 1947 г.

По дороге на Ленинградское шоссе. Георгий Несторорвич и Наля. Фото конца 50-х гг.

Георгий Несторович в саду. Деденево. 1945–1946 гг.

Весна 1950 г. Георгий Несторович собирается сжечь мусор

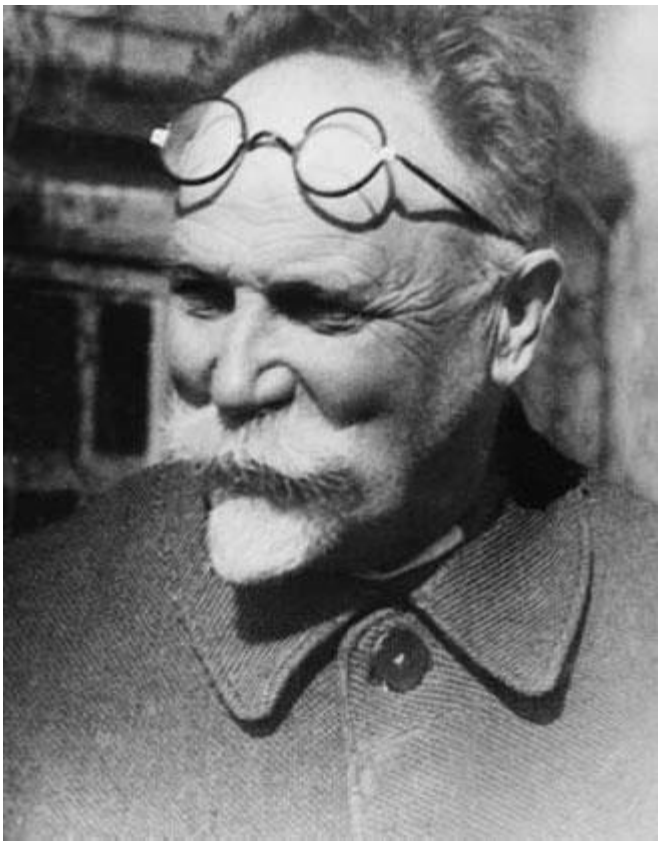
Георгий Несторович у цветущей вишни. Деденево, 50-е гг.



Георгий Несторович идёт на реку мыть лопаты. Деденево, середина 50-х гг.

Летом Георгий Несторович не расставался с садовыми или столярными инструментами. Деденево, 1946 г.

А зимой он любил чистить дорожки от снега. Деденево, 1950 г.

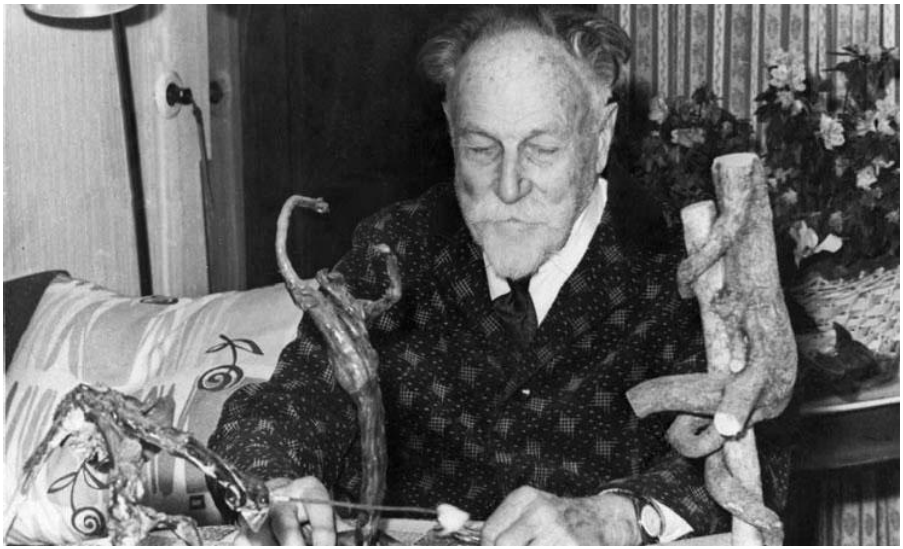


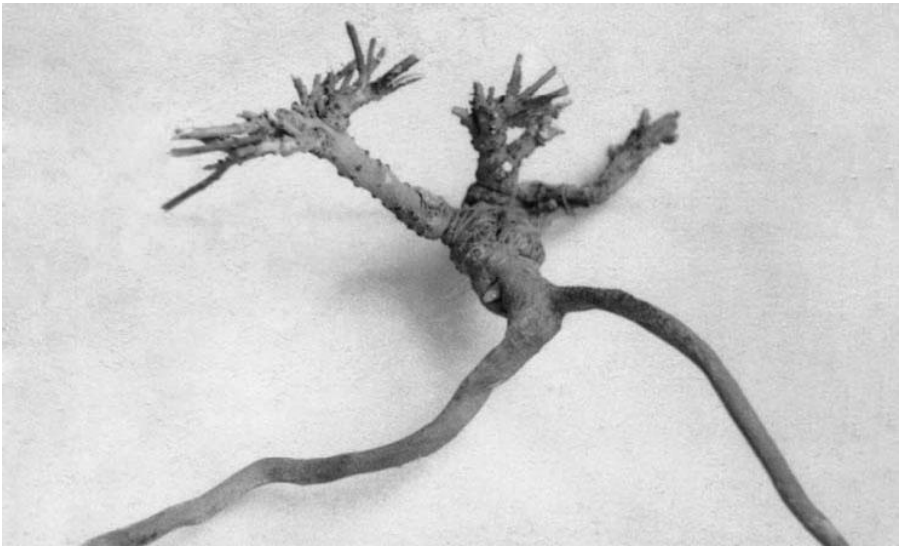
Георгий Несторович у старой мастерской (1946–1947 гг.)

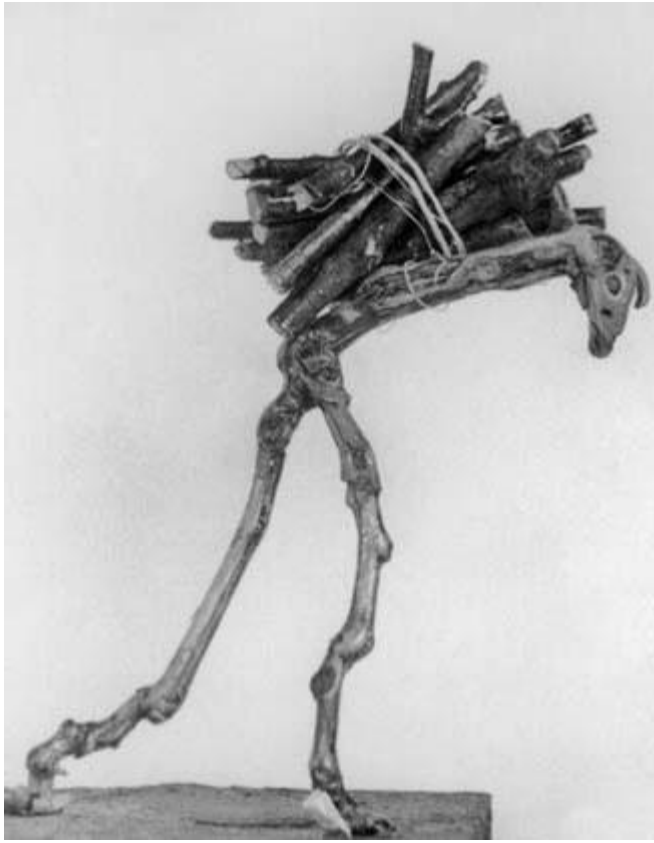
За плетением корзины (Деденево, 1950 г.)

За токарным станком в мастерской на даче

Георгий Несторович в мастерской распиливает брусок на циркулярной пиле

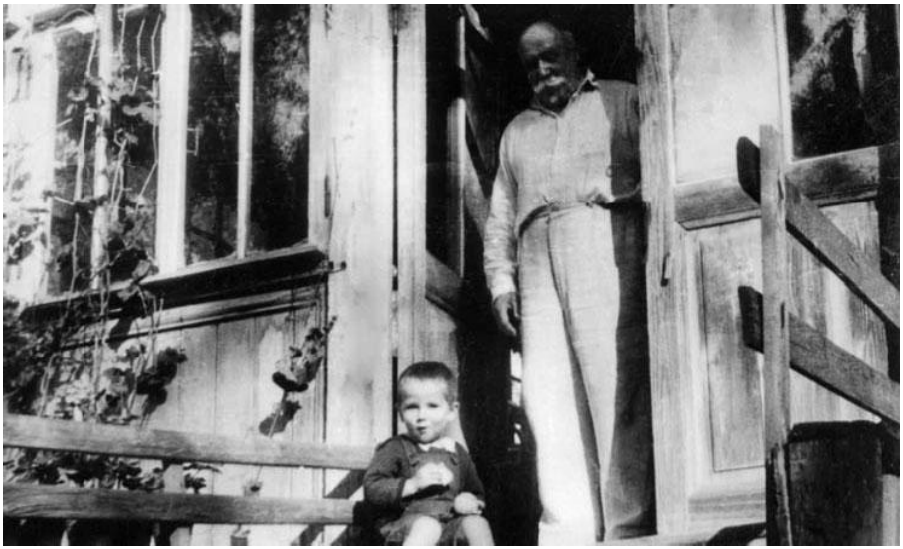




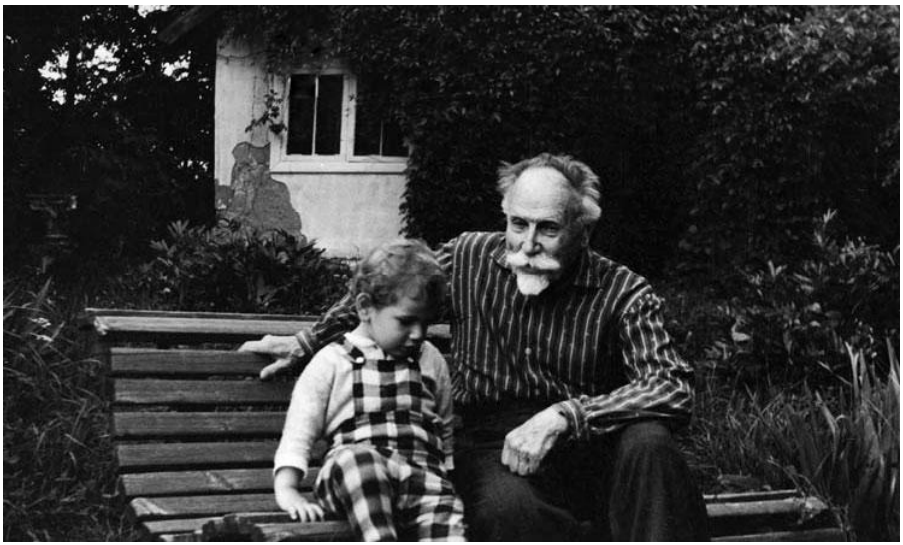


Фигурки из корней и веток – любимое занятие на досуге

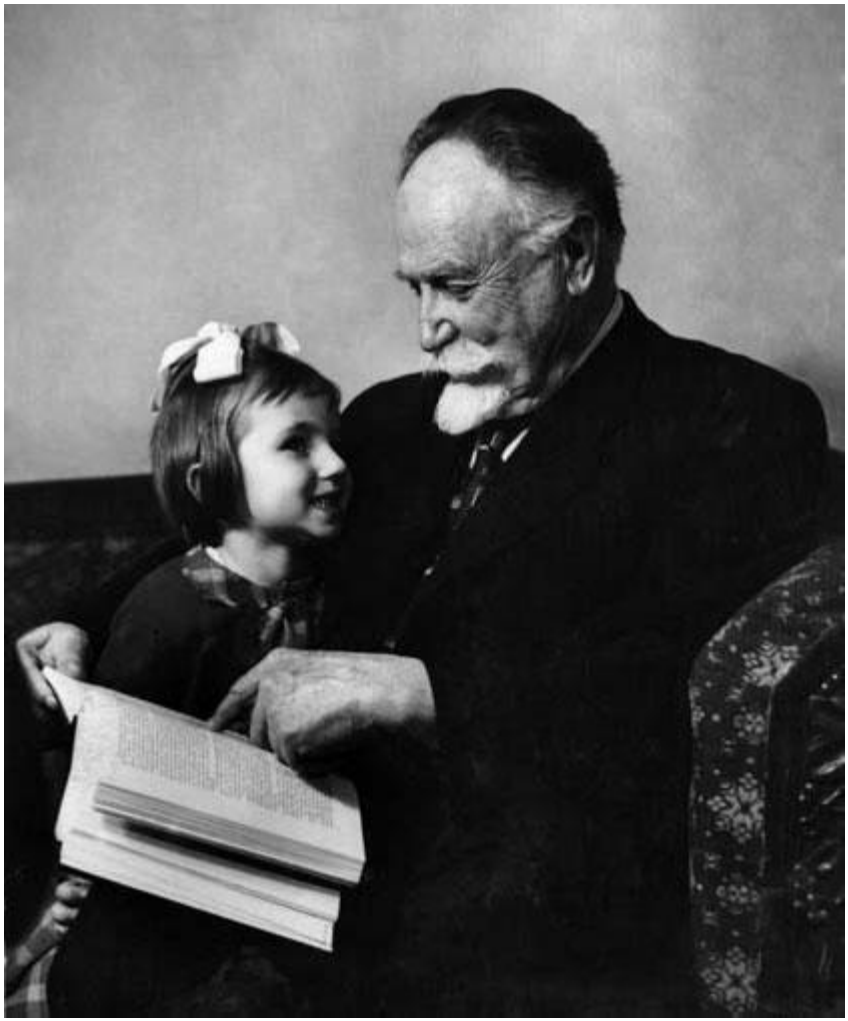
Георгий Несторович с внуком Алёшей



Георгий Несторович с внуком Колей



Георгий Несторович с правнучкой Лизой



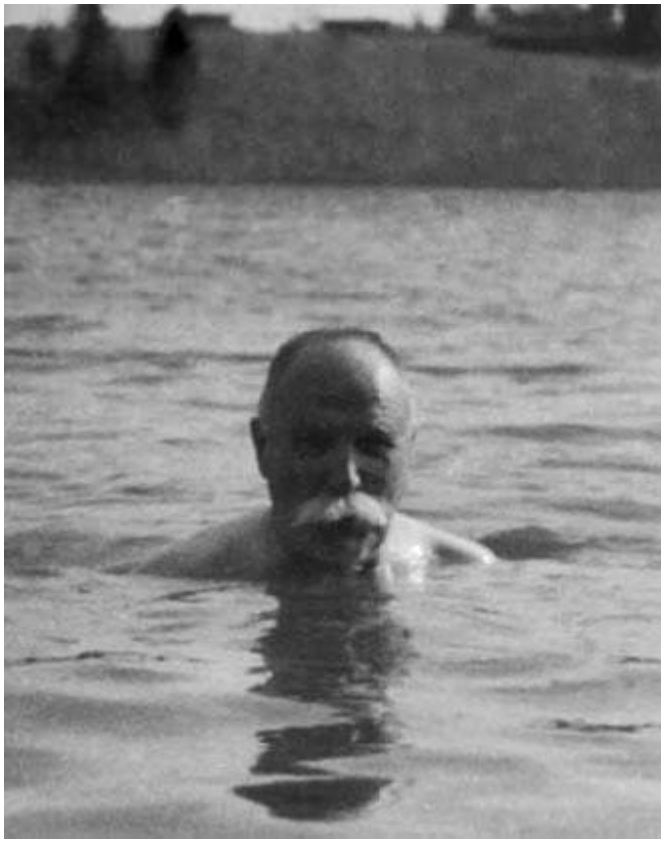
Георгий Несторович с внучкой Катей

Георгий Нестрович стрижет внука Алешу (автора). Фото 1947 г.

Деденево. На строительстве Налиного дома. ***Слева направо****: Марина Сперанская, Алеша Овчинников Наля Сперанская Георгий Несторович. Фото 1949 г.*

Георгий Несторович на даче с эрделем Тяпой. Деденево, 1952 г.

Деденево, ранняя весна, середина 50-х годов Георгий Несторович правит рукопись на свежем воздухе и ярком весеннем солнце. В кресле сидит фокстерьер Тимка



Дальний заплыв. Георгий Несторович на водохранилище в

Свистухе. Лето 1946 г.

Георгий Несторович на прогулке. Осень 1946 г.

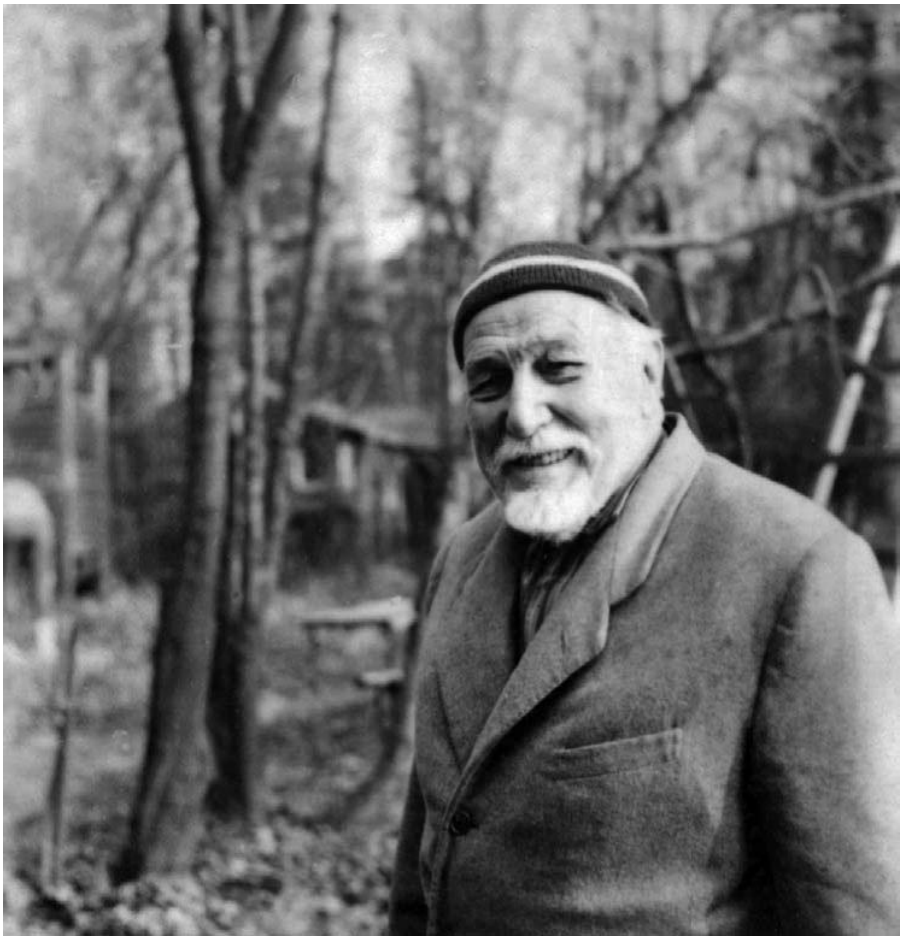
Георгий Несторович рядом с молодежью. С горными лыжами

на Шуколовской горе. Фото конца 40-х гг.

Летом в дальнем походе. Фото 1949 г.

На коньках в 84 года. Деденево осень 1957 г.

На лыжах в 91 год (1964 г.)



«В хорошую погоду на даче отлично, а в плохую – просто хорошо»

Глава 16
Моя бабушка Елизавета Петровна Сперанская

Моя бабушка, Елизавета Петровна Сперанская, в девичестве Филатова, была очень колоритной особой с современной точки зрения и одновременно весьма типичным представителем своего времени и того круга людей, к которому она принадлежала. В первых главах я довольно подробно описал происхождение и первые годы замужества Лизы Филатовой, вышедшей замуж за молодого доктора Сперанского в 1898 году. На протяжении более 50 лет совместной жизни Елизавета Петровна и Георгий Несторович были очень дружны и преданы друг другу. Вместе они перенесли все ужасы эвакуации во время Гражданской войны, вместе пережили гибель старшего сына и исчезновение дочери, вместе радовались её приездам в Москву вместе с внуками, вместе боролись за жизнь и свободу старшего брата Георгия Несторовича Михаила, с которым их связывала нежная дружба. Вместе с Георгием Несторовичем Елизавета Петровна пережила тяготы второй в её жизни эвакуации во время войны 1941–1945 гг., вместе с ним беспокоилась за здоровье мужа своей дочери и испытывала трудности послевоенной жизни.

Я хорошо помню её, когда она была уже в весьма пожилом возрасте. Мои первые отчетливые воспоминания о бабушке относятся к лету 1943 года, когда мы с мамой переехали из Ярославля в Москву и жили на даче. Бабушка составляла центр этой жизни. Мне она казалась тогда очень старой – на самом деле ей было тогда 66 лет, то есть меньше, чем мне сейчас. Она рано поседела и завивала концы своих волос с помощью горячих железных щипцов, почему некоторые пряди её волос были желтоватого цвета. Я не помню, чтобы она когда-либо подкрашивала свои седые волосы, как это делают многие женщины её возраста. На улице и в саду, а в последние годы жизни и дома, бабушка надевала на голову светлую косынку, завязывая её концы на затылке. Когда у неё стали болеть руки, она часто просила меня завязать ей узел. Она всегда была сухощавой, с тонкими, немного греческими чертами лица, с живыми темными глазами. Очевидно, у Филатовых была какая-то примесь греческой крови, потому что и её отец, и его родной брат Нил тоже были похожи на греков. На моей памяти бабушка всегда носила темные крепдешиновые платья, часто в горошек или

длинные юбки и белые кофточки из крепдешина. В старости на плечах у неё всегда была надета вязаная коричневая кофта, связанная ей моей матерью. Она не носила никаких украшений, только на груди всегда были маленькие часики, приколотые к кофте брошкой с мелкими бриллиантами. Любимой обувью бабушки были белые теннисные туфли, которые мы ей мазали зубным порошком. С возрастом у неё деформировались суставы ног и ступней, и она не могла носить обычную обувь. Кисти её рук также были сильно изуродованы артритом и причиняли ей массу беспокойства, особенно при работе в саду. На пальце было единственное колечко с бирюзой, которая была любимым её камнем. От бабушки всегда очень приятно пахло смесью дорогих духов и табака. Из духов она предпочитала «Шанель № 5», которые ей иногда привозили знакомые из-за границы, а когда французские духи кончались, покупала «Манон» или «Красную Москву».

Бабушка всегда много курила, сколько я её помню. Курила она папиросы, вначале предпочитала «Казбек», потом перешла на «Беломорканал», иногда курила «Пушку», т. е. довольно крепкие и недорогие, так называемые мужские сорта. Я хорошо это помню, потому что меня часто посылали на станцию пешком или, чаще, на велосипеде, бабушке за папиросами. Любила курить вместе с кем-либо из других курильщиков, например с Кирой Постниковой или с Самуилом Яковлевичем Маршаком, который очень уважал Елизавету Петровну и часто по вечерам приходил к нам в квартиру, часами сидел рядом с бабушкой в столовой или в её спальне, когда у неё болели суставы, и они дымили в две папиросы, прикуривая одну за другой. Дед при этом, как правило, уходил к себе в кабинет и работал там, оставляя курильщиков наедине. Часто бабушка курила с Софьей Георгиевной Звягинцевой, которая относилась к ней как к матери. Вообще бабушка была у нас в семье центром притяжения всех соседей и знакомых. Чем привлекала их бабушка? Думаю, своей неизменной приветливостью, мудростью и умением слушать. Кроме того, у бабушки был ещё один дар, в который свято верили все знакомые, особенно молодые и учащиеся люди. У бабушки была «счастливая» левая рука. Если кто-либо пожимал её левую руку перед экзаменом, можно было быть уверенным, что экзамен будет сдан успешно. И к ней «за левой рукой» приходили очень многие, и она никому не отказывала.

Бабушка была очень щедрым человеком и не умела считать деньги. Кроме того, воспитанная в дореволюционные годы, она очень любила давать людям деньги «на чай». При этом она справедливо считала, что обидеть человека можно только дав ему

слишком мало. Деньги у неё были – дед в ту пору хорошо зарабатывал, и она «давала на чай» всем – парикмахерам, носильщикам, проводникам в международных вагонах (так назывались тогда мягкие вагоны 1-го класса), в которых она ездила в Одессу и в Ригу, таксистам и многим другим людям, от которых получала какие-либо услуги, и давала чаевые как следует.

В 1948 году дед и бабушка вместе со всей семьей отпраздновали золотую свадьбу. Их приехали поздравить многочисленные друзья и родственники, переполнившие нашу квартиру на улице Чкалова. Было много поздравлений и подарков и торжественный обед. Во время подготовки к празднованию произошел забавный инцидент. Елизавета Петровна решила заказать по телефону в ресторане Дома ученых мороженое к столу. «Сколько? – спросили у неё. – Хотите мы сделаем Вам «бомбу»? Не представляя себе, что такое «бомба», бабушка согласилась, а цена её не интересовала. Каково было её изумление, когда «бомба» оказалась металлическим цилиндром в человеческий рост и диаметром около четверти метра. В ней было почти 100 кг изумительного сливочного мороженого. Это мороженое ели мы, ели все соседи и знакомые в течение недели. А хранили «бомбу» за окном, привязав её на веревке, благо что время было зимнее. Такого количества мороженного я больше не ел никогда в жизни, хотя мороженое очень люблю.

Но уважали бабушку не только за деньги. В ней было что-то, что выдавало в ней породу «бывших» людей, людей ушедшего времени. Очевидно, большое чувство собственного достоинства, может быть, строгий, властный взгляд, прямая фигура, красивое даже в старости лицо, нос с горбинкой. Недаром многие старики из нашего дачного окружения неизменно обращались к ней словами «Барыня». Конечно, играло роль и то, что она была женой академика Сперанского. Когда надо было заказать в Академии наук билеты на поезд или путевку в санаторий «Узкое», Елизавета Петровна сама звонила всесильному управделами Академии Чихмахчеву и он всегда выполнял все её просьбы, называя её по имени-отчеству, хотя жен академиков было много и, думаю, что всех упомнить было довольно трудно. Иногда доходило до смешного. Железнодорожными билетами в Управлении делами Академии занимался человек по фамилии Карасик. Бабушка регулярно называла его по телефону Сусликом, на что он, абсолютно не обижаясь, каждый раз отвечал ей: «Елизавета Петровна, я не суслик, я – Карасик». Бабушку это совершенно не смущало.

Елизавета Петровна, с одной стороны, была добрейшим

человеком. Она всегда принимала участие в чужих бедах, стараясь хоть в чем-либо помочь людям, попавшим в беду. Сколько людей в разные тяжелые годы жили, иногда тайно, у Сперанских! Скольким они помогали деньгами и советами! Я могу рассказать историю, которая произошла с сиротой – Володей Предтеченским, внуком рано умершего дедушкиного старшего брата Николая. Его родители погибли во время блокады в Ленинграде, а Вову каким-то чудом вывезли из города, и он попал в ужасный детский дом под Ярославлем. Вова написал Сперанским письмо с просьбой забрать его оттуда. Бабушка, узнав о Вове, сама отправилась в Ярославль и привезла его к нам. К Вове она относилась, как к родному внуку, и он прожил с нами несколько лет, пока не поступил в морское училище в Ленинграде. Владимир Предтечинский, в прошлом морской офицер, сейчас уже солидный пожилой человек, очень тепло вспоминает деда и, особенно, бабушку, протянувших ему руку помощи в трудные для него детские годы. Нас, внуков, Марину и меня, она очень любила и часто заступалась за нас перед дедом или нашими родителями. На дни рождения и на Новый год мы всегда получали от неё подарки, и они были самыми лучшими и дорогими для нас. Все дети и внуки обожали Елизавету Петровну и называли её «Мусиком».

Бабушка по-доброму относилась к животным. В самом начале 30-х годов в очень голодное время дед купил на живодерне в г. Дмитрове очень старую белую лошадь «на мясо». Однако бабушка зарезать её не дала, и лошадь жила на даче несколько лет. С её помощью пахали огород под картошку, косили и возили траву и сделали для неё конюшню в сарае, а на чердаке – сеновал. Потом она сама по себе сдохла от старости. В доме у Сперанских всегда жили собаки – перед войной рыжий бульдог Булька, черный пудель Дик, пестрый спаниель Тим и огромный белый мохнатый Фрам. После войны у нас появились рыжий испанский терьер Рэд (как Майкл и Джерри у Дж. Лондона) и черный английский спаниель Май. Обе собаки, к сожалению, погибли. Рэд исчез, мы думаем, что его застрелили – он был очень самостоятельный и часто уходил в поселок, где любил задирать поселковых собак. А Май умер от злокачественной опухоли. После их смерти бабушка сказала, что не хочет новых переживаний и заводить собак больше не будет. Однако в конце 50-х годов знакомые предложили моей матери взять у них месячного щенка фокстерьера. Мама очень боялась, что бабушка не разрешит его оставить. Но когда Елизавета Петровна увидела щенка, она молча ушла в свою комнату и вскоре вернулась с картонной коробкой из-под обуви, в которой лежала мягкая подстилка. «Это будет для

него кровать», – сказала она. Щенка назвали Тимом, и он прожил у нас 15 лет, пережив бабушку. После него у нас был ещё один Тим – чудесный эрдель, но бабушка его уже не застала.

А с другой стороны, она была весьма строгим человеком, далеким от сентиментальности. Многие жившие с нами рядом боялись её. Например, Саша и Юра Коноваловы, мои соседи по даче (ныне знаменитый нейрохирург и известный архитектор), как-то признались мне, что когда они жили мальчишками на втором этаже нашего дачного дома, они очень боялись поздно возвращаться домой и подниматься вверх по лестнице, боясь разбудить или потревожить Елизавету Петровну. Она казалась им очень строгой. Иногда она действительно была такой, например с детьми за обедом. Она постоянно следила, что бы мы сидели прямо, не держали руки под столом, не облокачивались на стол, не тянулись через весь стол за солью и т. д. Из поколения в поколение в нашей семье передается такой фольклор: Бабушка – Сереже Сперанскому: «Сережа, где рука? – Ищет потроха. – Пошел вон из-за стола!». Однажды она выгнала из-за стола деда, когда он, протянув ей чашку (она всегда сидела во главе стола и разливала чай из самовара), сказал: «Лиза, наплюй в баночку». Такого нарушения этикета она не допускала ни от кого. И действительно, при ней притихали самые шумные люди и старались вести себя прилично самые невоспитанные. Впрочем, таких она за стол не сажала и, убедившись один раз в их невоспитанности, больше с ними не общалась. Я сужу по своим друзьям. В детстве мне ежегодно устраивали день рождения. Накрывали стол, приглашали моих сверстников, и все пили чай с бутербродами и сладостями. Можете себе представить, что происходило иногда за этим столом? Даже присутствие моей матери не останавливало расшумевшихся. Тогда мама звала бабушку. Она молча входила в столовую и мгновенно весь шум смолкал, как по команде. Ей не надо было даже слова произносить, чтобы навести полный порядок. В этом она была настоящей хозяйкой, главой семьи, хотя в отличие от большинства «классических» бабушек, готовить не любила и не умела. Для этого до войны у Сперанских всегда была специальная кухарка, а после – домработница, которая ездила за готовыми обедами в столовую Дома ученых.

После всех перенесенных испытаний в послевоенные годы Елизавета Петровна стала часто хворать. Постоянно болели суставы, почти ежегодно случались воспаления легких, прогрессировала глаукома. Тем не менее она стойко переносила недуги. На дачу Сперанских в Деденево по-прежнему приезжало много гостей. В разные послевоенные годы здесь бывали

авиаконструкторы Андрей Николаевич Туполев с супругой Юлией Андреевной, с которыми дед и бабушка очень дружили, и Владимир Михайлович Мясищев, наш сосед по московскому дому на улице Чкалова. Дочка Мясищева Маша некоторое время жила у нас на даче, полной детей и молодых людей разного возраста. Приезжал Ираклий Андроников, рассказывал, что в имении Лужиных Григорове, расположенном недалеко от нашей дачи, в свое время бывал М. Ю. Лермонтов. Много народу из соседних домов и дач приходило к нам играть в теннис. Художник Карпов, академик Долежаль, профессор Раговин, директор института нейрохирургии Борис Борисович Егоров были постоянными игроками на корте. С сыном Б. Б. Егорова Борей, будущим космонавтом, мы были одногодками и часто играли в войну в старом карьере на месте дачи Побединских. Много гостей приходило от наших соседей Василенок – сам Сергей Никифорович с женой Татьяной Алексеевной и её дочерью Еленой Сергеевной, полной веселой женщиной, обладавшей особым даром рассказчицы и незаурядным юмором; известный переводчик профессор Федор Александрович Петровский; князь Владимир Николаевич Долгорукий, который после войны инкогнито жил у Василенок и писал детские рассказы под псевдонимом Владимиров; арестованный в 1933 году и вернувшийся из ссылки в 1951 году географ и биолог профессор Павел Николаевич Каптерев; народная артистка СССР певица Ксения Держинская, с сыном которой, Кириллом, и его женой Таней Каптеревой, впоследствии известным искусствоведом, академиком, дружили мои родители. Всех и не упомнишь. Часто приходили в гости местная доктор Лидия Александровна Преображенская с мужем Сергеем Павловичем, учителем математики в Деденевской школе, которым Сперанские сильно помогли в трудные годы и которые очень любили и уважали Елизавету Петровну и Георгия Несторовича. Другая медицинская пара, милейшие Софья Георгиевна и Алексей Евгеньевич Звягинцевы, просто обожали деда и бабушку и часто приезжали к нам на несколько дней, как они говорили «сепараться». Мы все очень любили Звягинцевых, а после смерти бабушки Софья Георгиевна стала для деда незаменимым другом.

В начале 50-х годов дед и бабушка решили продать большой дачный дом директору института неврологии академику Н. В. Коновалову, который со своей семьёй в 1951 и в 1952 годах проводил в нем летние месяцы в комнатах второго этажа. Незадолго до этого, когда решение о продаже дачи уже было принято, непонятно как узнав об этом, к Елизавете Петровне пришли какие-то люди из местных и предложили купить дом и

участок. Увидев теннисный корт, женщина сказала: «Какая хорошая площадка. Здесь можно будет посадить картошку». Бабушка тут же сказала нет, прекратила разговор и сухо попрощалась с посетителями. Дети Коноваловых Саша и Юра увлекались игрой в теннис, и это сыграло важную роль в выборе покупателя. Кроме того, Сперанские очень дружили с Николаем Васильевичем и его добрейшей супругой Екатериной Степановной, а со временем и мы стали друзьями с сыновьями Коноваловых, хотя они были на несколько лет старше меня. Продажа дома была очень мудрым поступком, так как дед и бабушка не хотели, что бы дом стал после их смерти яблоком раздора между их детьми. А это неизбежно бы случилось, если бы нам пришлось делить этот дом, рассчитанный на одну семью. К тому времени дед оформил на мою мать 20 соток в нижней части участка, где с его помощью мой отец построил небольшой летний домик из трех комнат с верандой. Деньги от продажи большой дачи бабушка разделила между двумя дочерьми и сыном. Я думаю, что это было очень непростое решение для Елизаветы Петровны и Георгия Несторовича: ведь дом был их детищем и они прожили в нем почти полвека. После продажи дома бабушка практически перестала ездить на дачу, а дед построил себе на участке моей матери маленький сарайчик-мастерскую, куда продолжал приезжать по воскресеньям и в отпуск до последних дней своей долгой жизни и, как и раньше, возился в саду, плел корзины и вытачивал на токарном станке ручки для инструментов и различные предметы из дерева. Последний раз бабушку привезли на дачу весной 1957 года. Она медленно прошла под руку с дедом по дорожкам маминого участка и попросила увезти её в Москву. Ей было очень тяжело смотреть на свой любимый старый дом, в котором прошла её жизнь.

Елизавета Петровна скончалась в январе 1958 года от очередной двусторонней пневмонии. Последний год жизни она практически не вставала с постели и почти полностью ослепла, не могла читать и очень этим тяготилась. После её смерти дед собрал своих детей и сказал, что они с Лизой всегда хотели, чтобы дети их жили дружно и во всем поддерживали друг друга. К сожалению, не все последующие поколения Сперанских последовали их желанию.

* * *

Работая над этими краткими воспоминаниями, я впервые подумал, какая сложная и тяжелая жизнь выпала на долю моей

бабушки. Две страшные мировые войны, две революции, ужасная Гражданская война, экономическая разруха, большевистский и сталинский террор, гибель старшего сына и многих близких ей людей, тяжелая болезнь зятя, нелегкий характер мужа – всё это было выдано ей сполна, всё это она вынесла на своих плечах и сохранила свою семью и себя саму как незаурядную и неповторимую личность. Думаю, что это хорошо понимала знавшая Елизавету Петровну близкая знакомая Сперанских поэтесса Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, которая ещё при жизни бабушки подарила ей свои замечательные стихи, написав к ним такое посвящение:

«На память дорогой моей героине Елизавете Петровне Сперанской, которая, к счастью, ещё жива и здорова и которой не надо приносить слёз – но нужно нести цветы любви и благодарности»

«После страшной мировой войны
В мире много памятников встало:
В сердце каждой западной страны
Много огоньков затрепетало.
Славный подвиг жертвенный ценя,
Там народ поддерживает свято.
Где – цветы, где яркий взлет огня
В память «неизвестного солдата».
Их мильоны полегли в боях…
Каждый для кого-то был – утрата.
И поныне там живет в сердцах
Память «неизвестного солдата».
Каждая жена, сестра и мать,
Каждая, любившая когда-то
Там привыкла голову склонять
В память «неизвестного солдата».

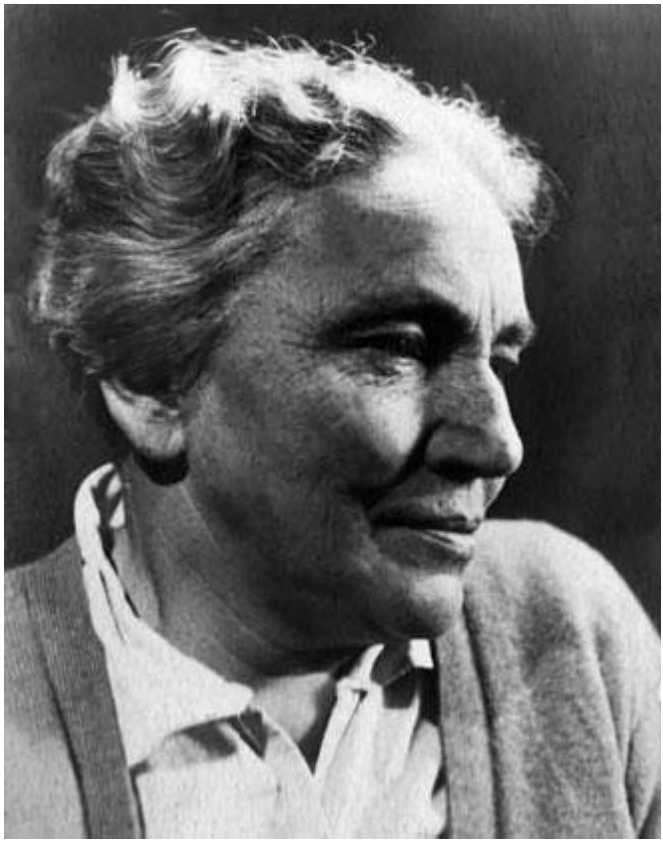
Но не тот лишь истинный герой,
Кто пошел на бой, кто пал в сраженьи:
Есть на свете героизм иной,
Тоже подвиг – в самоотверженьи.
Вот я вижу ряд других теней,
Гибнувших без жалобы, без стона:
Женщины тревожных наших дней —
Любящие матери и жены.
В дни, когда наш мир пылал огнем,
Рушились все старые оковы —
Женщины в величии своем

Оказались к подвигу готовы.
Предо мной встают – не только те,
Кто отважно шел на баррикады,
Кто, послушен пламенной мечте,
Разрушал все прежние преграды.
Нет: в работе, в вузе, за станком —
Винтик в государственной машине,
Но ещё – жена и мать при том —
Участь «неизвестной героини».
Хлеб любимым принести домой
Под огнем немолчной канонады…
Над работой ночь сидеть зимой
При неверном огоньке лампады…
Разжигать угаснувший очаг,
И, согнав с лица следы тревоги,
Лишь заслышит утомленный шаг —
Улыбаясь, встретить на пороге.
Сколько их, приняв судьбу свою —
Тяжкий труд и голод и лишенья —
Выносили на плечах семью
С ясным взглядом, с словом утешенья.
Этот взгляд – для труженика был
Маяком в бущующей пучине,
Для борца – притоком свежих сил…
Участь «неизвестной героини»!
Сколько их и жизнь свою и кровь
Отдавать по капле были рады
За свою великую любовь,
Не прося, не требуя награды.
Это – блики светлой красоты
В сером мраке жизненной пустыни…
Принесите ж слезы и цветы
В память «неизвестной героини».

Т.Щ.-К.

И ещё я подумал, что мало встречал в своей жизни женщин, подобных Елизавете Петровне. К сожалению, почти все они ушли в прошлое. Им на смену приходят новые люди совсем другого типа. Ничего с этим не поделаешь – диалектика.

Елизавета Петровна в Англии в 1936 г.

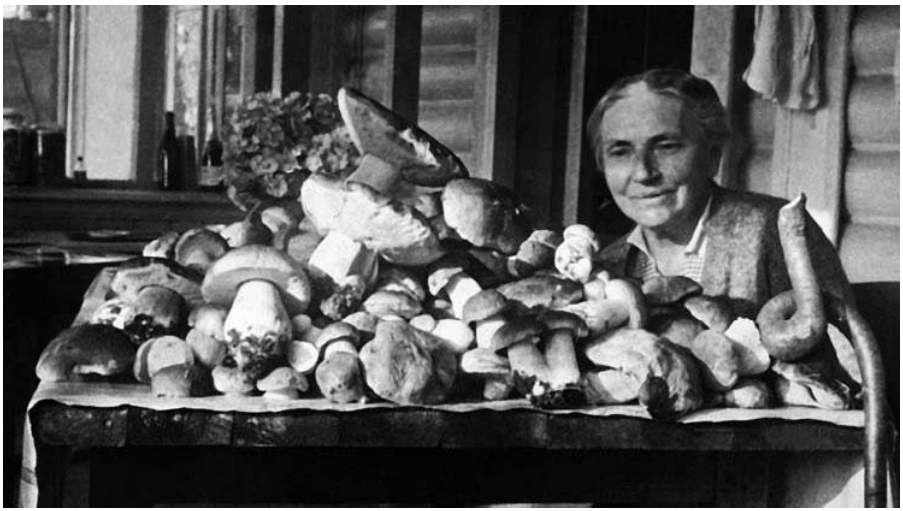


Елизавета Петровна Сперанская. 40-е гг.

Елизавета Петровна в саду на даче

Елизавета Петровна Сперанская, Татьяна Алексеевна Шамбинаго (сидят),

Георгий Нестрович (лежит) Марина и Наля (в палатке) во время прогулки по окрестностям Деденева. Лето 1940 г.



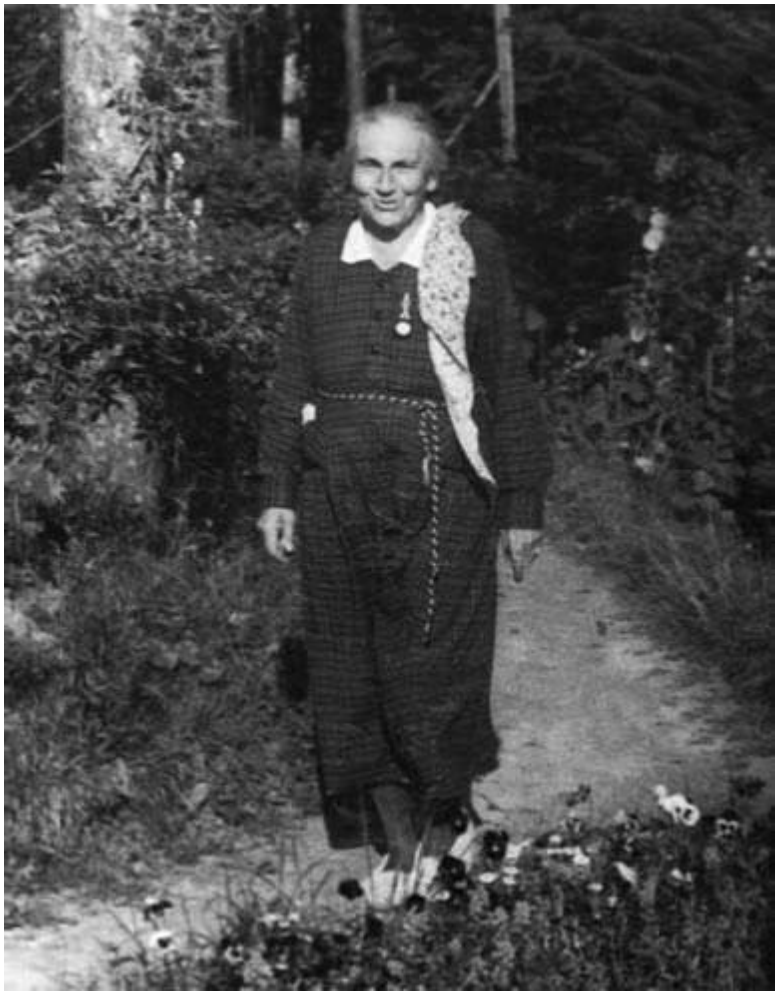
После сбора грибов. Деденево, середина 40-х гг.

Елизавета Петровна работает в саду. Деденево, конец 40-х гг.

Елизавета Петровна у парника с овощами. Деденево, весна 1950 г. На заднем плане домик, только что построенный моим отцом на участке деда

Елизавета Петровна на даче моет Эмку. Приблизительно 1944 г.

Елизавета Петровна с Валентиной Ипполитовной Архангельской. Деденево, 1953–1954 гг.



Елизавета Петровна в саду. Конец 40-х гг.

Елизавета Петровна и Георгий Несторович на даче в Деденеве идут вдоль шпалеры с её любимым душистым горошком. Начало 50-х гг.

*В 1943 г. Елизавета Петровна привезла на дачу из детского дома под Ярославлем внука Николая Несторовича Сперанского Володю Предтеченского. Он прожил со Сперанскими несколько лет, после чего поступил в морское инженерное училище в Ленинграде (**фото сверху**) и стал заслуженным морским офицером (**снизу**)*

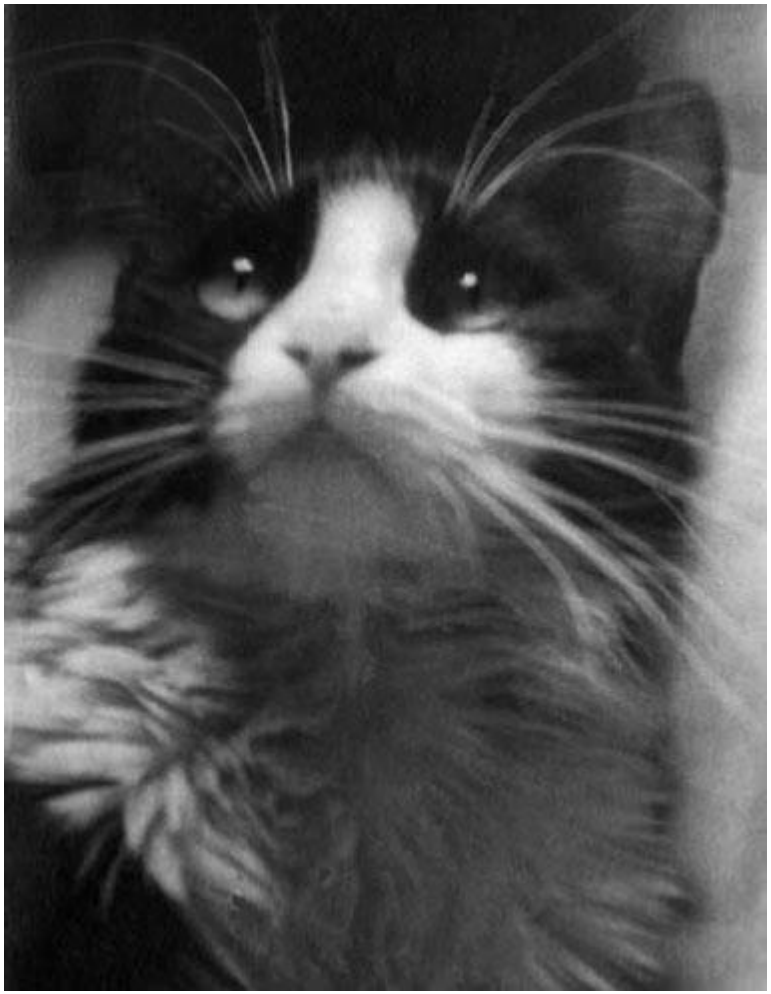
Адриан и Володя засыпают траншею перед домом, вырытую в начале войны

Елизавета Петровна с пуделем Диком. Деденево, 1939 г.

Елизавета Петровна с фокс-терьером Тимкой. Деденево, 1950 г.

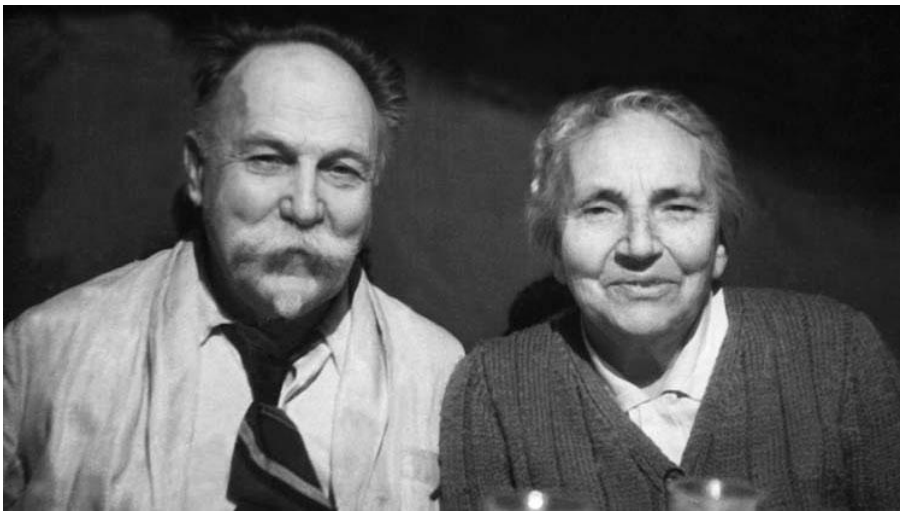
Елизавета Петровна и Георгий Нестерович с маленьким Тимкой на веранде домика, построенного для Нали. Деденево, лето 1949 г.

Елизавета Петровна и Георгий Несторович с маленьким Тимкой. Деденево, 1949 г.



Бабушка любила птиц и животных. Её любимицей была кошка Пуфиха, мать которой была привезена Капицами из Англии

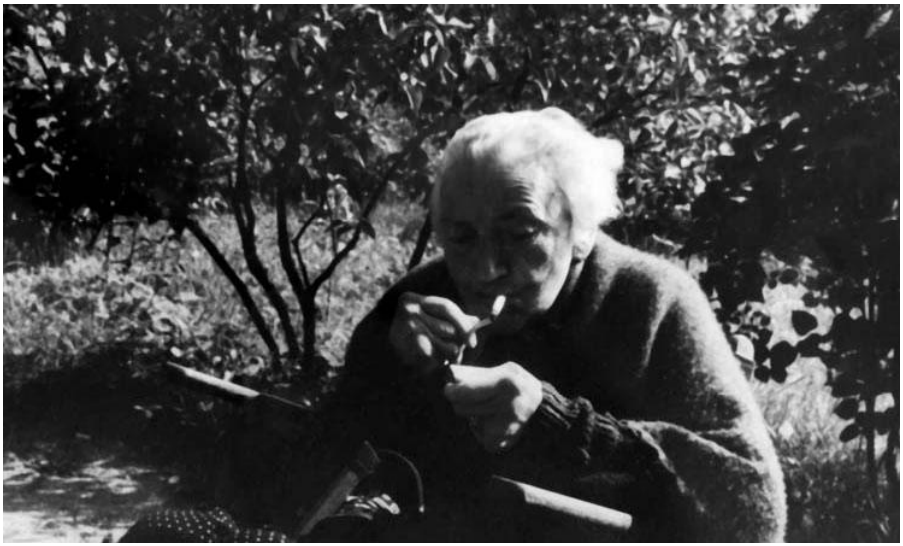
Но больше всех она любила меня и я тоже обожал свою бабушку



В 1948 году Георгий Несторович и Елизавета Петровна отпраздновали «Золотую свадьбу» – пятьдесят лет совместной жизни

Елизавета Петровна и Георгий Несторович с Налей и Алёшей. Золотая свадьба Сперанских (Москва,1948 г.)

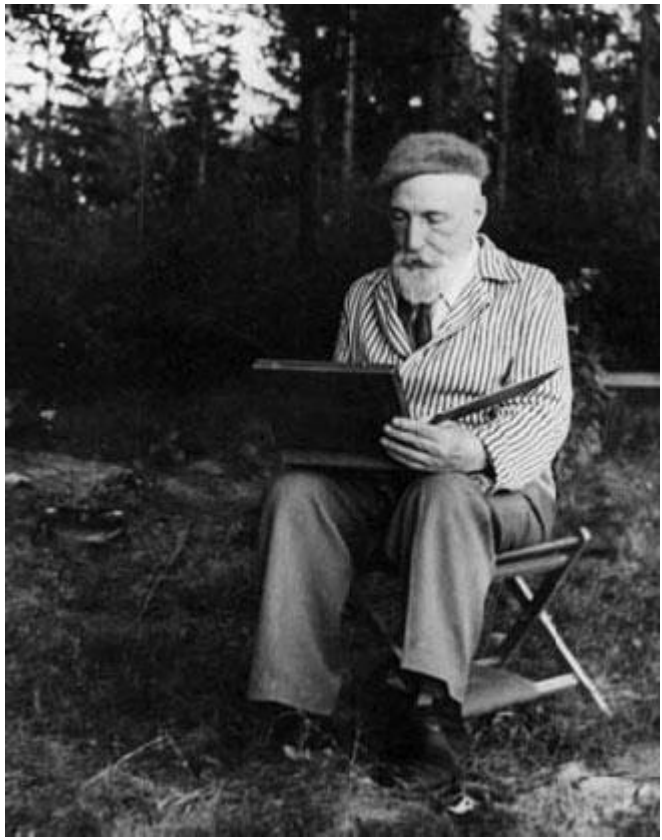
Елизавета Петровна Сперанская и Самуил Яковлевич Маршак. Москва, Чкаловская, 1956 г.



Елизавета Петровна на даче в саду. Деденево, 1956 г.

Гости Сперанских. Владимир Михайлович Мясищев с дочерью Машей. Фото 1952 г.

Андрей Николаевич Туполев



Академик В. П. Филатов

Академик П. Л. Капица

Ираклий Андонников в Деденеве. Рядом с ним наши соседи Елена Сергеевна Василенко и Валентина Ипполитовна Архангельская (фото Е. К. Держинской)

Ближайшие друзья-соседи Сперанских: ***Слева направо****: композитор С. Н. Василенко, Татьяна Павловна Каптерева (теперь Академик-искуствовед), Елена Сергеевна Василенко, Народная артистка СССР Ксения Держинская (фото Е. К. Держинской)*

Маша Мясищева в Деденеве

Порфирий Никитич Крылов с женой Еленой Анатольевной и сыном Толей в гостях у Сперанских в Деденеве

Последний приезд Елизаветы Петровны на дачу в Деденево. Апрель 1957 г.

Елизавета Петровна со своим другом Тимкой. Апрель 1957 г.

Глава 17
Поездки в Одессу к Филатовым

Гигантскую личность бабушкиного брата Владимира Петровича Филатова я вряд ли могу оценить по достоинству, так как при его жизни был слишком мал и личных контактов у меня с ним было немного. Он регулярно приезжал на дачу к Сперанским до войны, но я этого не помню. О нем было много разговоров во время нашей эвакуации в Молотове, так как присланный им с каким-то человеком из Ташкента, куда он уехал из Одессы во время войны, мешок неочищенного риса буквально спас нам жизнь. И Георгий Несторович, и Елизавета Петровна дружили с Владимиром Петровичем с юности и очень любили его и его сына Серёжу. Когда в начале тридцатых годов у Владимира Петровича распалась семья, и маленький Серёжа остался беспризорным, моя бабушка тут же помчалась в Одессу наводить порядок в доме. Она пробыла там с братом довольно долго, а потом забрала Серёжу к себе в Москву, где он жил со Сперанскими почти целый год, пока у Филатовых не появилась добрейшая Александра Васильевна, очень хорошо отнесшаяся к Сергею. Серёжа Филатов всегда очень любил бабушку, которая стала ему настоящей матерью. Вернувшись к отцу в Ташкент из Молотова, где он провел тяжелую зиму 1941–1942 годов вместе со Сперанскими, Сергей Филатов поступил в военно-морское училище, тоже эвакуированное в Ташкент (Одесса была освобождена только в 1943 году). На одной из его фотографий в морской форме, присланных им бабушке в Молотов летом 1942 года, он написал: «Дорогой маме Лизе от Серёжи». После войны Сергей каждое лето проводил на нашей даче в Деденеве, ездил с нами на Рижское взморье, и всё семейство Сперанских его очень любило, называло Ложкиным (см. гл. 11), а я так просто обожал его.

Впервые я сознательно увидел Владимира Петровича Филатова в апреле 1946 года, когда вместе с моими родителями я приехал в гости к Филатовым в Одессу. Отец, как я уже писал ранее, заболел в конце войны туберкулёзом лёгких, и дед послал его в Одессу на несколько месяцев в надежде, что теплый климат и морской воздух положительно подействуют на него. Мы с мамой поехали его проводить и должны были вернуться через неделю.

Мне хорошо запомнилась эта поездка. Мы ехали на скором поезде в купированном мягком вагоне мимо разбомбленных вокзалов и станций. Железная дорога, разрушенная во многих

местах, была лишь недавно восстановлена, и путь часто был одноколейным. Поэтому наш «скорый» поезд долго стоял на полустанках, а иногда и просто в поле, поджидая и пропуская встречные поезда. На всех более или менее крупных станциях поезд осаждала толпа грязных и оборванных людей, одетых в поношенные телогрейки, шинели, зимние шапки-ушанки, несмотря на теплую весеннюю погоду. Все они стремились ехать куда-то в южном направлении. Было много женщин с детьми, нагруженных мешками и баулами, которые, судя по всему, возвращались домой из эвакуации, или просто перебирались туда, где потеплее. Они с криком и руганью пытались забраться в вагоны нашего поезда. Мест для них не было, к нам в купированный вагон их не пускали проводники, которые держали наружные двери вагона запертыми. В обычные, сидячие вагоны вся эта толпа набивалась, как сельди в бочку, рассаживаясь в проходах и тамбурах, передавая детей и вещи через окна вагонов. Те, кто помоложе, забирались на крыши вагонов и ехали там под солнцем и дождём, в копоти паровозного дыма. Я помню, как один из проводников, поднявшись по лестнице и заглянув на крышу нашего вагона, со смехом сказал, что в вагоне едет сорок человек, а на крыше – в два раза больше.

На станциях было полно нищих, особенно в центральных районах России. Среди них было много инвалидов с маленькими сопливыми и чумазыми детьми. Они стучали костылями и палками в окна вагонов и протягивали шапки с просьбой «дать хлебушка». До сих пор стоит в памяти грязный, заросший многодневной щетиной человек в солдатской шинели с оторванными погонами, с культышкой вместо ноги, с одним костылём и котомкой за плечами, а рядом с ним плачущий оборванный мальчишка моего возраста. Размазывая грязные слёзы по лицу, инвалид просит проводника пустить его в наш вагон. Шлёпая рукой по голове паренька, и что-то доказывая, он пытается подсадить его на лестницу вагона и залезть в тамбур. Проводник, здоровый молодой парень, сам, наверное, недавно демобилизованный из армии, стоя наверху, толкает инвалида ногой в грудь и запирает дверь. Инвалид падает навзничь, и мальчик пытается помочь ему подняться… Какая страшная пропасть между мной, сытым и хорошо одетым, едущим с родителями в купе мягкого вагона, и этим грязным, бездомным, голодным пареньком на станции. Мы кинули ему через окно хлеба и несколько рублей, но больше ничем помочь ему не могли. Поезд тронулся дальше, а он остался.

Запомнился стоящий на полустанке странный встречный поезд, составленный из теплушек с зарешеченными окнами и

запертыми дверьми. В окнах – бледные человеческие лица – мужские, женские, детские. А вокруг поезда – солдаты с автоматами. Я долго пытался выяснить у родителей, что это за люди и почему их охраняют, но отец смущенно ответил мне что-то невразумительное про переселенцев, и я так ничего и не понял. Приближалось второе послевоенное лето. Со дня окончания войны прошло только одиннадцать месяцев.

На третий день к вечеру мы приехали в Одессу. Было тепло, как в Москве летом, но листья деревьев ещё были по-весеннему свежими, зацветала белая акация, и каштаны готовились раскрыть свои белые цветы-свечки. Нас встретил Серёжа Ложкин, которого я не видел с его отъезда из Молотова в Ташкент к отцу в самом начале 1942 года. Он сильно вырос и показался мне совсем взрослым. С ним был плотный, весёлый человек средних лет в кожаной куртке, шофёр Филатова Жора. Вообще у Филатова было два шофёра – Жора и Нюма, которые по очереди возили Владимира Петровича. Жора – на трофейной немецкой машине BMW темно-коричневого цвета, а Нюма – на стареньком двухдверном мерседесе. Жора был типичный одессит, с характерным одесским выговором, очень остроумный и предприимчивый. Когда он вёз нас на дачу к Филатовым или на Привоз (одесский рынок), ему всегда нужно было «заскочить» куда-нибудь по какому-то делу и нередко он подвозил каких-то незнакомых нам людей. Нюму я запомнил хуже, он всегда был какой-то грустный, молчаливый, насколько может быть молчаливым одесский еврей, но посторонних дел у него не было, и он всегда ехал прямо туда, куда было нужно нам.

Итак, мы погрузились в Жорину машину и поехали к Филатовым на городскую квартиру, где меня тут же уложили спать на каком-то диване. В тот год Филатовы жили на Приморском бульваре в крайнем или, быть может, во втором с краю бульвара доме над портом. Оттуда на следующий день утром я впервые увидел море. Сверху оно было каким-то сизым, горизонт был скрыт дымкой, и море не произвело на меня особого впечатления. На рейде виднелось несколько больших кораблей, но рассмотреть их было невозможно. Значительно интереснее мне показались два немецких танка, стоявших у края бульвара невдалеке от филатовского дома. Когда меня выпускали гулять, я вместе с местными мальчишками без конца лазил по этим танкам, крутил ручки и поворачивал башню, дергал за рычаги и смотрел через прорезь в люке водителя. Пролезали мы в танк через небольшой боковой люк, расположенный на уровне колес, между верхней и нижней гусеницами. Через этот люк танкисты выбирались из подбитого танка во время боя.

Просторная квартира Филатовых располагалась на втором этаже старинного трех– или четырёхэтажного дома с красивым крытым подъездом. Думаю, что до революции в этом доме жили очень состоятельные люди. Внутри подъезд и широкая пологая лестница отвечали духу этого некогда роскошного, а теперь обшарпанного и запущенного дома. Квартира Филатовых показалась мне шикарной: стеклянные двери, большие «французские» окна без переплётов, из которых открывался прекрасный вид на море и порт, паркетные полы, большой балкон в кабинете Владимира Петровича. Просторная кухня и комната Серёжи выходили окнами в узкий, глубокий двор, куда по темной лестнице можно было выйти из квартиры через чёрный выход. На кухне правила пожилая женщина-кухарка, то ли полячка, то ли закарпатская украинка, и жила кошка, которую звали Кицей. Кухарка постоянно что-то внушала кошке на непонятном мне языке, а когда та вела себя неподобающим образом, кричала ей: «Кица, ша, иде кнотик!» (имелся в виду кнутик, то есть хворостинка, которую кошка побаивалась).

Самого Владимира Петровича, или дядю Володю, как мне было велено его называть, я видел мало и очень его боялся. Он казался мне строгим и странным, часто говорил какие-то незнакомые мне слова по-французски. Я запомнил его в вечной чёрной академической шапочке, которую он не снимал с лысой головы, с седыми усами, переходившими в довольно большую окладистую бороду, греческим носом с горбинкой, на котором были надеты очки в тонкой металлической оправе. К тому времени ему исполнилось семьдесят лет, и он уже давно был академиком, директором знаменитого одесского глазного института и был известен во всём мире своими работами по пластической хирургии («Филатовский круглый кожный стебель»), пересадке роговицы и тканевой терапии. В Одессе Филатов был чрезвычайно популярен, почти как Дюк Ришелье. Слава его была столь велика, что ему писали письма, не указывая адреса: «Одесса, Филатову» или «Черное море, Филатову». И все письма доходили до него. Он много рисовал, особенно на отдыхе. Но и в его домашнем кабинете, где он принимал больных, постоянно стоял мольберт с неоконченной картиной и пахло масляными красками. Он сочинял неплохие стихи. Большая часть их носила шутливый характер, но были и весьма серьёзные. Я приведу одно короткое стихотворение Владимира Петровича, посвященное его ученикам и пациентам, несчастным слепым людям. Оно было опубликовано в книге Е. Н. Павловского «Поэзия, наука и учёные», вышедшей в свет в 1958 году [40].

«Дети мрака, дети ночи,
Широко открывши очи,
Смотрят жадно на восход;
Ждут они в тоске и муке,
Ловят скорбно в каждом звуке
Дня незримого приход.
Не для них небес сиянье,
Волн играющих сверканье,
Трепет солнца на листах,
Бег лучей в широкой степи,
Свет зари на горной цепи,
Нежный отсвет в облаках,
Кроткий свет сияний звездных,
Алый цвет знамен победных,
Мирной жизни майский день.
Ждите, верьте, дети ночи:
Будет миг, и ваши очи
Навсегда покинет тень!
Нет, не вечны тьмы оковы!
Кто-то юный слышит зовы,
Кто-то юный к Вам придёт,
Теплой жалостью согрета
Мысль его – сильнее света —
Мрак тяжёлый разорвёт».

В быту и еде Филатов, как и мой дед, был довольно скромен. Его любимым блюдом, которое ему готовили ежедневно, была гречневая каша, поджаренная на сковороде и залитая парой яиц. К ней полагались помидоры и лук. Эта еда навсегда сохранилась в нашей семье под названием «Филатовской каши».

Ложкин уже был студентом первого курса Одесского медицинского института, и у него в комнате лежали части черепа и кости, по которым он изучал анатомию. К нему часто приходил заниматься его приятель и сокурсник Фред, сын профессора мединститута Льва Попадатто. Это был невысокого роста плотный парень с очень живыми тёмными глазами, характерным одесским выговором, большой любитель малоприличных анекдотов. Когда они с Ложкиным начинали вспоминать смешные случаи в институте или рассказывать анекдоты, окружающие смеялись до колик в животе.

В первый приезд мы с мамой недолго гостили у Филатовых и вскоре улетели в Москву вместе с Серёжей Ложкиным. Мой первый в жизни полёт на самолёте запомнился мне ужасной

тошнотой и рвотой, которая началась, как только мы взлетели, и не прекращалась до самой посадки. Самолет был старый, военно-транспортный «дуглас» с жесткими металлическими откидными сиденьями под круглыми иллюминаторами. Он летел невысоко, довольно медленно, постоянно проваливаясь в воздушные ямы, отчего все внутренности подступали к горлу. Сначала я полулежал на руках у мамы, менявшей мне гигиенические пакеты, стонал и никак не мог унять рвоту желчью, которая возникала при каждом наклоне и провале самолета. Потом начало тошнить и маму и за нами обоими стал ухаживать Ложкин, которого в самолете, как ни странно, совсем не укачивало. Летели мы часов шесть, не меньше и, наконец, приземлились в аэропорте «Быково». Я к тому времени уже не мог стоять на ногах, и из самолета меня вынес на руках Ложкин и положил на траву, где я долго приходил в себя после изнурительного перелёта.

Второй раз я был в Одессе с бабушкой и мамой летом следующего, 1947 года. Туда и обратно мы ехали в международном вагоне прямого сообщения (в других моя бабушка не ездила). Это были вагоны старого образца, обшитые деревом, покрашенные снаружи в красно-коричневый цвет, с двухместными купе, мягкими, покрытыми красным бархатом диванами, большим количеством зеркал и умывальником в каждом купе. Полы были застланы ворсистыми ковровыми дорожками, и в конце коридора, в который выходили двери купе, постоянно пыхтел блестящий самовар, из которого проводники наливали чай в стаканы с посеребрёнными подстаканниками. Вагоны были весьма заслуженные, всё в них скрипело на ходу, но мягкие рессоры хорошо укачивали пассажиров, и спалось в них отлично. Окна открывались вращением ручки, и духоты в купе не было, в отличие от современных цельнометаллических купированных вагонов.

Встречал нас тот же шофёр Жора, который уже ездил на какой-то большой иностранной машине, кажется «опеле-адмирале». К бабушке он относился с очень большим уважением, во-первых, как к сестре своего босса, а во-вторых, как к источнику чаевых, на которые бабушка не скупилась. Филатовы к тому времени переехали в особняк с фруктовым садом в тихом переулке чуть подальше от центра города. Жившая раньше с Владимиром Петровичем милейшая Александра Васильевна, заменившая Серёже мать, бросившую его в малолетстве, перед нашим приездом скончалась, и домом Филатовых управляла полная приятная женщина средних лет, доктор-офтальмолог Варвара Васильевна Скородинская, которая работала вместе с

Владимиром Петровичем. Позже она вышла за него замуж и прожила с дядей Володей до самой его смерти в 1956 году, оставаясь его верной помощницей в работе и в жизни. У Ложкина в комнате стоял патефон, и я бесконечно слушал одну и ту же пластинку – арию тореадора из оперы Бизе «Кармен». Очень она мне нравилась. Ещё мне запомнился красивый, цветной музыкальный фильм «Голубой Дунай», который показывали в кинотеатре в паре кварталов от дома Филатовых. Туда мы ходили вместе с Ложкиным.

Но большую часть времени мы жили на даче недалеко от Филатовского института на Пролетарском, бывшем Французском, бульваре. По этому бульвару ходил трамвай в Аркадию, и в воскресные дни вагоны были обвешаны гроздьями людей, стремившихся на знаменитый пляж. Было начало лета, и вдоль всего бульвара цвели огромные старые каштаны, все в белоснежных свечках, как новогодние елки.

Внутри института в тот приезд я не был, заглядывал лишь во двор, и только много лет спустя, когда Владимира Петровича уже не было в живых, а Ложкин заведовал там отделением, он взял как-то раз меня, студента-медика, в институт на экскурсию. Помнится, что меня поразила чистота внутри здания и весьма опрятный вид как персонала, так и больных. А вот дачу Филатовых я помню очень хорошо. Это был оштукатуренный кирпичный одноэтажный дом под черепичной крышей в первом от бульвара ряду довольно большого дачного посёлка. Участок вокруг дома был обнесён каким-то колючим кустарником в человеческий рост. Вода, бывшая в Одессе всегда в дефиците, подавалась из крана во дворе только один-два часа в день, и тогда её наливали во все имеющиеся в доме ёмкости. В саду росли фруктовые деревья, в основном абрикосы, вишни и яблони. За садом смотрел садовник. Он приходил из Филатовского института и был очень строг со мной, не позволяя залезать на деревья и пускать по земле ручьи из крана. Зато я нашёл себе друга в лице моего ровесника Вити Домбровского, живущего невдалеке от дома Филатовых. К Вите нужно было идти через заросший травой пустырь, по которому во всех направлениях были протоптаны тропинки и на котором местные ребята время от времени играли в футбол или в «ножички». У Вити и у меня было по игрушечной открытой легковой машине с резиновыми шинами, сиденьями и рулевым управлением, и мы каждый день играли с ним на большой куче песка, наваленной около их дома, строили гаражи, дороги, мосты и туннели.

Другой мой друг жил напротив нас. Это был пожилой отставной моряк, капитан дальнего плавания. Имя его, к

сожалению, я вспомнить не могу. У него я проводил целые часы, любуясь и перебирая его коллекции экзотических предметов, вывезенные им из разных стран во время многочисленных зарубежных плаваний. Среди них были крупные раковины, изнутри которых слышался шум прибоя, кораллы, ветви тропических деревьев с засушенными листьями, плоды этих деревьев с сухо перекатывающимися внутри косточками, фигурки негритянок и головы египетских цариц, модели парусников, скелеты рыб, яркие камушки и ещё множество интереснейших, никогда не виданных мною предметов. У него я впервые увидел редкостный прибор – стереоскоп, в который вставлялись парные фотографии и в окулярах которого создавалось полное впечатление объёмного изображения. Он всегда приветливо встречал меня и очень интересно рассказывал о том, что было связано с той или иной вещью. В доме, где жил этот моряк, может быть, у него самого или у кого-то из его соседей была занятная маленькая автомашина DKW с двухтактным двигателем, бортами из гофрированного железа и брезентовым верхом, напоминающая наши инвалидные коляски Серпуховского завода. Естественно, что этот автомобиль тоже привлекал моё внимание, тем более что его хозяин охотно катал меня в ней по дорожкам поселка под характерный треск мотоциклетного мотора. Я в те годы уже начал активно интересоваться автомобилями и собрал целую коллекцию цветных картинок самых разных заграничных автомашин довоенных и военных лет, которые мама приносила мне с одесского Привоза, где в те годы можно было купить всё что угодно.

Если войти в дачный посёлок с бульвара через ворота у трамвайных рельсов и пройти прямо по дорожке между кустарниковыми оградами участков, то можно было выйти к калитке в каменном высоком заборе, за которым начинался обрывистый берег моря. Здесь, на краю посёлка, жила очень милая пожилая супружеская пара, знакомые Филатовых, а может быть, даже работники института, к которым мы с мамой и бабушкой довольно часто наведывались в гости. Меня привлекала туда огромная, старая, развесистая черешня с желто-розовыми очень крупными и сладкими плодами, от которых ветви просто ломились. Вся земля и крыша сарая, над которым нависали ветки дерева, были усыпаны сладчайшей, иногда с гнильцой, падалицей, которую никто не собирал. Мне разрешалось залезать на крышу и есть черешню «от пуза», сколько влезет, и при этом выплёвывать косточки куда попало. Интереснее всего было «стрелять» косточками в беседующих внизу взрослых, что, естественно, не вызывало у них одобрения.

Наконец мама приказывала мне слезть с черешни, и мы шли дальше к морю, спускаясь по тропинке среди песчаных обрывов и заросших травой террас. Вот тут море уже было настоящим, сине-зеленым, с белой пеной на гребнях волн, без устали с шипением выбегавших на галечные пляжи, расположенные между прибрежными скалами. Край берега был покрыт выброшенными водорослями, издающими характерный йодистый запах. В тихую погоду вода у берега была настолько прозрачна, что было видно каменистое дно с мелкими рачками и рыбками, постепенно уходившее в темно-зеленую глубину. На пляжах кверху дном лежали вытащенные на берег просмоленные рыбачьи лодки – шаланды, под которые я забирался, прячась от мамы. Вода в море была не такая уж тёплая, так что мне разрешалось только пару раз окунуться у берега, да и плавать я тогда не умел. Зато лежать на нагретой солнцем мелкой гальке было восхитительно. Единственной неприятностью были пятна мазута, плавающие в прозрачной воде или выброшенные на берег среди водорослей. Сказывалась близость порта. Если ты наступал на этот мазут, было очень трудно от него избавиться. Как-то раз мы с мамой отправились в Аркадию. Там был большой песчаный пляж, на котором лежали, сидели и стояли сотни людей. Пляж был очень грязным и заваленным бумажками, пакетами и объедками. Море довольно мелкое у берега и мутное от песчаного дна. В общем, там нам не понравилось, больше мы туда не ездили и купались только на галечном берегу под Филатовской дачей, где было пустынно и чисто. Море осталось в моей памяти, как что-то невероятно огромное, живое и очень разное в зависимости от погоды и времени дня.

В третий раз я приехал в Одессу в июле 1948 года. В то лето я перешёл в четвертый класс. Мы приехали вместе с дедушкой и бабушкой, чтобы прокатиться на пароходе по Черному морю до Батуми и обратно. В те годы в Черноморском пароходстве было несколько больших трофейных кораблей – «Россия», «Украина», «Грузия» и др. Дядя Володя предпочитал плавать на «Украине», где на верхней палубе, за капитанской рубкой, для него была всегда зарезервирована большая каюта люкс. Но нам кто-то посоветовал выбрать «Россию», как более шикарную, и мы поплыли на «России». Это был огромный белоснежный дизель-электроход, ранее принадлежавший Гитлеру. На нём было два бассейна, теннисный корт и несколько палуб с шезлонгами. По звонку Филатова начальнику пароходства нам предоставили каюту люкс, выходящую на верхнюю прогулочную палубу, в которой, как говорили, проживал сам фюрер. На корабле нас встретил помощник капитана, отвечающий за размещение

пассажиров, и сам отвел нас в нашу каюту, которая, несмотря на её размеры, оказалась двухместной и мне там спать было негде. Но наш хозяин любезно предложил поместить меня в отдельной маленькой каюте на той же палубе. В люксовых каютах были широкие зеркальные окна и роскошные ванны, которые по желанию наполнялись либо пресной, либо морской водой и даже в моей каюте была такая ванна. Ещё мне запомнилась очень хорошенькая молоденькая горничная-стюардесса Любочка, которая убиралась в наших каютах. У неё были стройные, крепкие ножки, и она, зная это, ходила в коротком платьице, плотно обтягивающем её полную грудь. Она всегда мне приветливо улыбалась, шутила и обещала, когда мы придем в Батуми, взять меня с собой во время стоянки на Зелёный мыс, где был роскошный ботанический сад и пляж.

Корабль отплыл поздно вечером, и, проснувшись утром, мы увидели со всех сторон сверкающее под солнцем море и вдалеке, почти на горизонте, гористый берег. Огромный корабль шёл очень плавно, волнение на море совершенно не чувствовалось. Поездка во всех отношениях была бы прекрасной, если бы не одно обстоятельство. В каждом порту по нашему маршруту на пароход поднимались толпы экскурсантов, которых в течение четырёх-пяти часов катали по морю. За это время посетители успевали так «набраться» в ресторанах корабля, что начинался настоящий бедлам, нередко с драками и поножовщиной. Я запомнил, как на моих глазах какой-то человек пырнул ножом своего соседа в ресторане и бросился бежать по палубе. Его пытались поймать, но он с ходу выпрыгнул за борт и поплыл к берегу. Капитан не стал останавливать корабль и спускать лодку, а наша стюардесса сказала мне, что его всё равно поймают на берегу, так как с борта послали радиограмму в местную милицию.

Прослышав, что в каюте бабушки и деда проживал Гитлер, люди назойливо стучали в окна и дверь, выходившие на палубу, и просили разрешения осмотреть спальню фюрера. Дед был этим постоянно раздражен и находился в плохом настроении. Помнится, во время стоянки в Сочи я упросил бабушку покататься на катере. Собираясь сойти на берег и помогая бабушке надеть теннисные туфли (как я уже писал, у неё были больные ноги и она не признавала летом другой обуви), я, расшалившись, хлопнул её по подошве рукой. Неожиданно дед рассердился и начал на меня кричать. Основной мотив его крика был такой: как я смею бить старую женщину по ногам. Я ничего не понял. Бабушка быстро успокоила деда, но на катер мы, конечно, не пошли. Думаю, что деду просто очень не хотелось ехать кататься на катере, и он сорвал на мне свое раздражение. Зато среди

посетителей корабля я неожиданно встретил своего одноклассника Алёшу Данилина, который со своими родителями отдыхал в Сочи в военном санатории. Данилины, с которыми мы жили в Москве в одном доме, пригласили нас к себе в гости, и мы почти целый день провели у них, гуляли по прекрасному парку, обедали, мы с дедом и Алёшей купались на закрытом санаторном пляже и к отплытию корабля вернулись к себе. Это был настоящий отдых, и даже дед повеселел. А потом всё началось сначала.

Кончилось тем, что в Сухуми мы сошли на берег, и дед отправился к начальнику порта просить его устроить нас на обратную дорогу на какой-нибудь другой корабль, поспокойнее. Начальник, рослый грузин в капитанской фуражке, белых брюках и с кобурой, узнав, что дед – академик из Москвы, а бабушка – сестра самого Филатова, лично проводил нас на «Грузию», стоявшую в порту и собиравшуюся отплывать в Одессу. Там нам нашли каюту первого класса, не такую шикарную как на «России», с круглыми иллюминаторами и только с душем, но зато тихую и спокойную. Мне было очень жаль покидать свой персональный «люксик» на «России» и милую стюардессу Любочку, с которой я так и не съездил на Зелёный мыс…

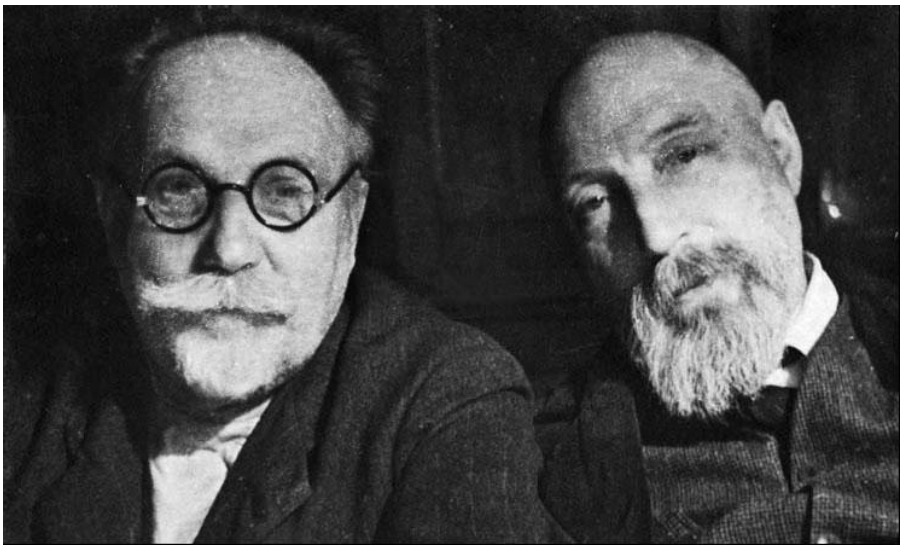
В. П. Филатов скончался 30 октября 1956 года на восемьдесят втором году жизни. Бабушка к тому времени была уже очень больна и слаба и хоронить Владимира Петровича поехали дед с моей матерью. Таких похорон одесситы не помнят. Похоронная процессия, возглавляемая метрополитом, растянулась на несколько километров. По бокам шествия длинными шеренгами стояли солдаты одесского гарнизона, отделяющие провожающих от зевак. Казалось, вся Одесса вышла на улицы, прощаясь с одним из своих самых знаменитых, почитаемых и любимых земляков.

Сын В. П. Филатова Сергей тоже стал офтальмологом, работал в институте, носящем имя его отца, заведовал там отделением. Он был очень способным хирургом и ученым, рано защитил кандидатскую диссертацию, но его жизнь оборвалась, когда он был в самом расцвете сил. Дочь Сергея Филатова Лена вышла замуж за Сергея Тернового, ставшего известным рентгенологом, действительным членом Академии медицинских наук, заведующим кафедрой рентгенологии ММА имени И. М. Сеченова и отделом компьютерной и МРТ-диагностики Института кардиологии. Недавно у Елены Сергеевны и Сергея Константиновича родилась первая внучка, пра-правнучка Лениного знаменитого предка…

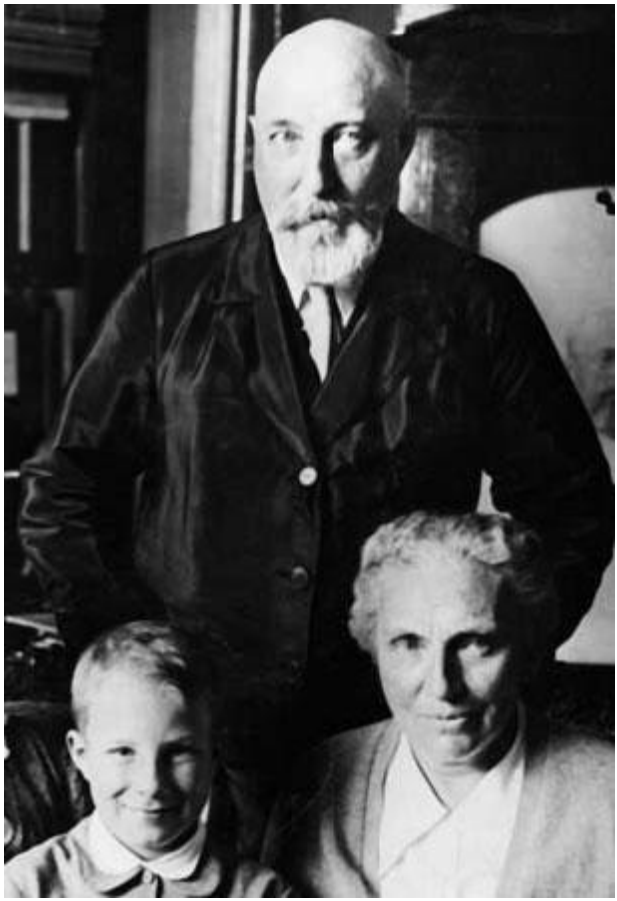
Владимир Петрович Филатов и его отец Пётр Фёдорович

Три поколения Филатовых: у портрета Петра Фёдоровича сидят Владимир Петрович и его сын Сергей, прозванный «Ложкиным»

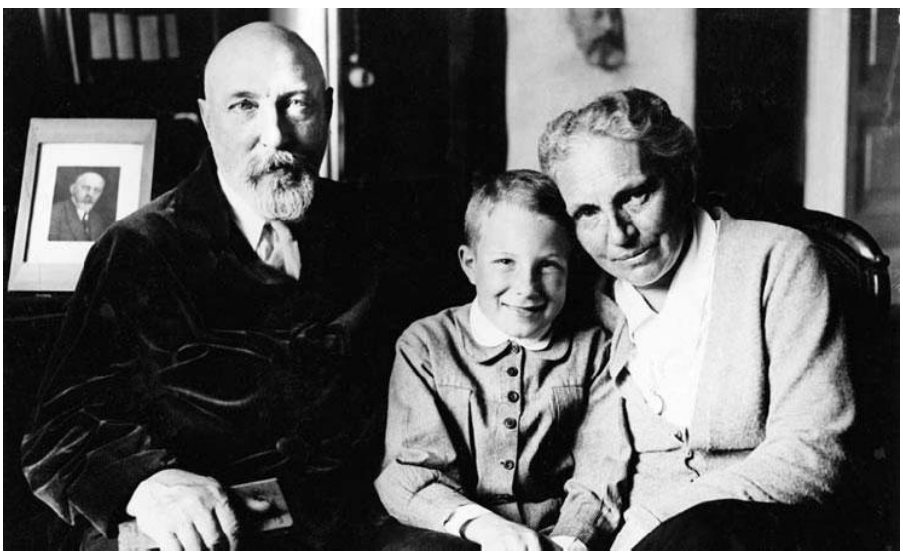
Владимир Петрович Филатов (фото 30-х гг.)



Георгий Несторович Сперанский и Владимир Петрович Филатов (фото 30-х гг.)

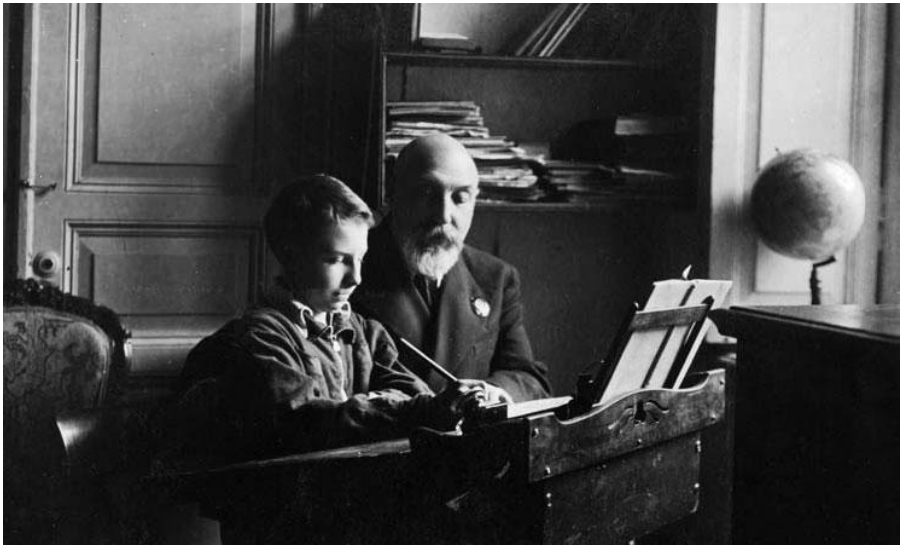


Елизавета Петровна Сперанская у Филатовых в Одессе. Начало 30-х годов.



Владимир Петрович, его сын Серёжа и Елизавета Петровна.

Одесса, 30-е гг.



Владимир Петрович занимается с сыном Сергеем (фото 30-х гг.)

Владимир Петрович занимается с Серёжей музыкой. 30-е гг.

Академик В. П. Филатов за рабочим столом (фото 40-х гг.)

Владимир Петрович Филатов в своем кабинете за мольбертом

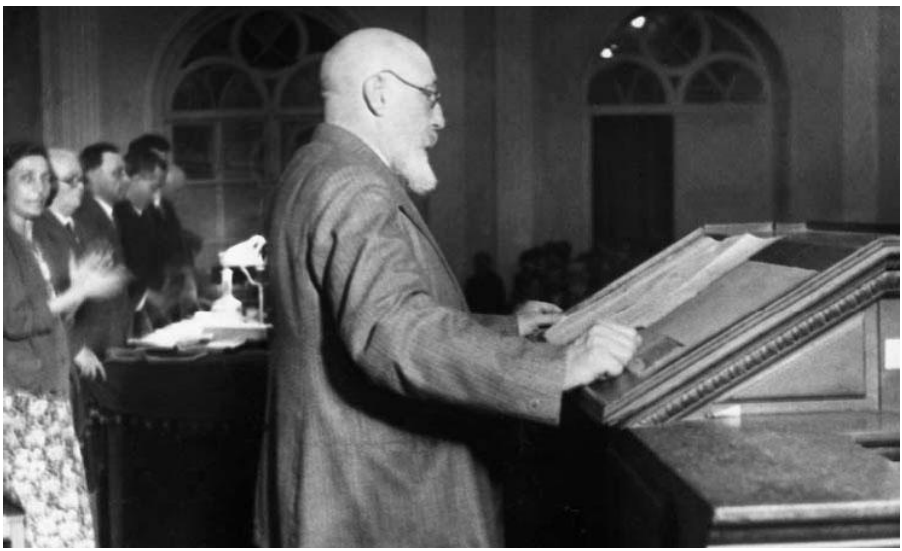
НО-МОРСКАЯ

Сергей Филатов – курсант военно-морского училища (лето и осень 1942 г.). На обороте левой фотографии надпись: «Дорогой маме Лизе от Серёжи»

Владимир Петрович Филатов и Сергей Филатов (1942–1943 гг.)

Уголок сада в доме Филатовых. Одесса, 1946 г.

Владимир Петрович Филатов на прогулке (начало 50-х гг.)



Владимир Петрович на трибуне. Одесса, 50-е гг.

Владимир Петрович за мольбертом. Одесса, 50-е гг.

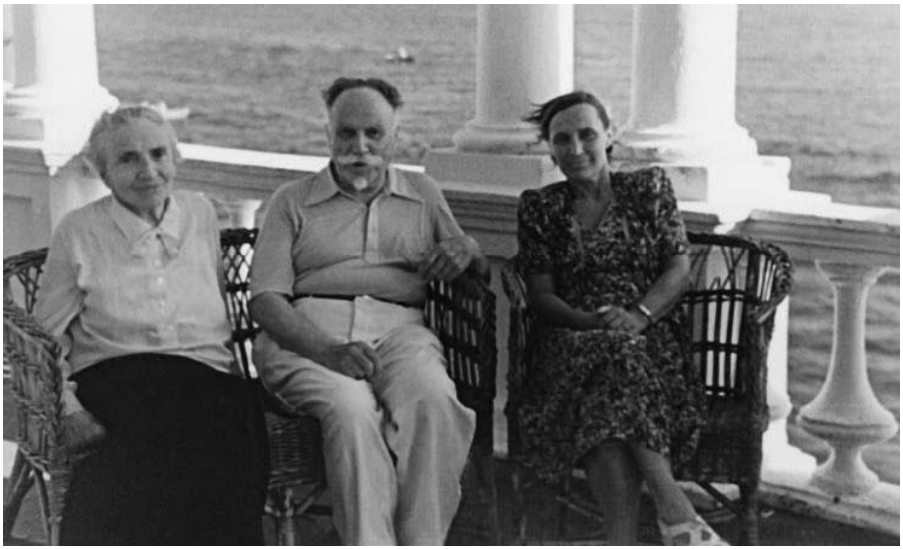
Одесса, начало 50-х гг. ***Сверху****: Владимир Петрович рисует цветы у себя в саду.* ***Снизу****: Владимир Петрович и Варвара Васильевна Скородинская на прогулке*

В саду у Филатовых. ***Слева направо****: Варвара Васильевна, Владимир Петрович, Сергей Филатов, Наталья Георгиевна*

Сперанская, двоюродная сестра Владимира Петровича Лиля Борисовна Филатова

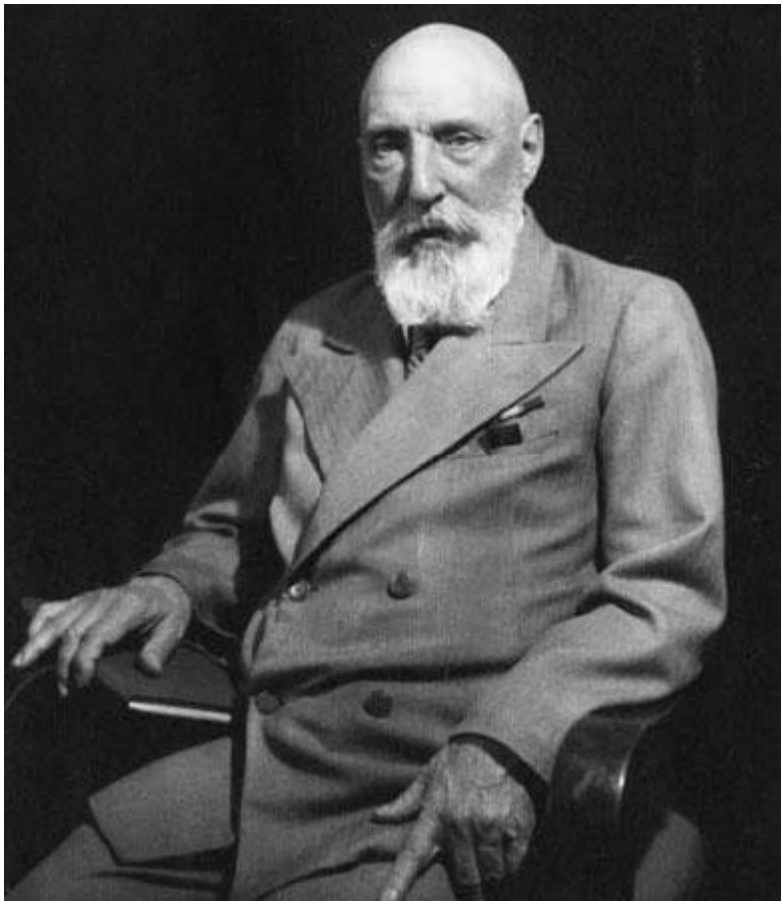
Елизавета Петровна и Наталья Георгиевна Сперанские в саду дома Филатовых

Они же на даче у Филатовых. Одесса, середина 50-х гг.



Сочи. В гостях у Данилиных. Снято во время поездки на «России» в 1948 г.

Сочи у Данилиных. Мы с дедом купаемся в Черном море



Одна из последних фотографий Владимира Петровича Филатова

Похороны Академика Филатова в Одессе. Октябрь 1956 г.

Глава 18
Наши поездки с дедом и бабушкой на рижское взморье

Мои дед и бабушка побывали в Прибалтике ещё до революции. Об этом я знаю по их рассказам и фотографиям, сохранившимся в старых альбомах. Думаю, что у них остались самые приятные воспоминания об этой поездке, потому что в 1948 году, когда на Рижском взморье открылся дом отдыха Академии медицинских наук, дед с радостью вновь съездил в Прибалтику. На следующий год он поехал туда с бабушкой и взял с собой нас с Мариной. Потом в течение трех или четырёх лет мы ездили на Рижское взморье всей семьёй. Даже Серёжа Филатов (Ложкин) приезжал к нам. У меня остались весьма яркие впечатления о том времени, но я совершенно не помню, в каком именно году происходили те или иные события. Да это и не столь важно.

Дом отдыха Академии медицинских наук находился в тихом месте побережья Рижского залива между станциями Лиелупе и Булдури. Главный корпус представлял собой большую старую двухэтажную дачу, выстроенную в немецко-прибалтийском стиле с верандами и островерхой башенкой, в которой размещался бак с водой для умывальников и туалетов. Я обнаружил лаз в эту башенку и часто проводил в ней время, устроив там себе убежище. Перед домом была огороженная металлической сеткой площадка, бывшая раньше теннисной, но пришедшая в полную негодность. На ней можно было только играть в футбол, чем мы регулярно занимались вместе с другими детьми, приезжавшими в дом отдыха. Около площадки стоял ещё один жилой корпус, одноэтажный, а немного в стороне, за гаражом, в сосновом лесу находилась кухня и столовая. На другой стороне шоссе была вторая территория дома отдыха, на которой располагались ещё несколько небольших домиков. Весь лес, окружавший столовую, густо зарос кустиками черники, среди которых водилось довольно много медянок – небольших змей, имевших буро-красную пятнистую кожу. Медянка относится к семейству ужей и не имеет ядовитых зубов, но если её раздразнить, может укусить до крови. Во всяком случае, ходить босиком за черникой нам не рекомендовали. Каждый год мы жили в одной и той же комнате на втором этаже главного дома. Комната была без окон, маленькая и проходная, но из неё дверь вела на большую

застеклённую веранду, обращенную в сторону залива. Дед, бабушка и Марина спали на веранде, а мы с Ложкиным – в комнате.

Наш дом находился во втором ряду от моря, а в первом ряду рядом с ним стояла вилла латышского писателя Вилиса Лациса. Это было оштукатуренное двухэтажное здание, выстроенное в современном стиле в виде белого куба с большими зеркальными окнами. Лацис был членом ЦК компартии Латвии, поэтому его охраняла милиция. Мы каждый день ходили мимо его дома на пляж, и я даже подружился с одним из охранников, оказавшимся русским мужичком. Он приветливо здоровался со мной в ответ на моё «здрасте» каждый раз, когда я шел на море в его дежурство. Однажды он от скуки даже вырезал мне из ветки дерева свистульку, что очень укрепило нашу дружбу.

Главные ворота дома отдыха выходили на покрытую асфальтом улицу, именуемую проспектом Булдури (Buldurs prospect), по которой, если пойти направо, можно было быстро добраться до кинотеатра «Банга» («волна» по-латышски), от которого начинался «Dzintars prospect», ведший в курортные местечки Дзинтари и Майори и дальше вдоль берега Рижского залива. Мы с Мариной часто ходили в этот кинотеатр и посмотрели там много разных фильмов. Однажды мы даже соблазнили деда, который вообще не любил кино, и бабушку, которая к тому времени очень плохо видела, посмотреть, вернее, послушать, кинофильм «Паяцы» со знаменитым Карузо в главной роли. Кроме того, там стоял киоск, торгующий мороженым, – тоже очень привлекательное место. У этого кинотеатра шоссе, шедшее вдоль побережья, делало крутой поворот и после железнодорожного переезда уходило в сторону Риги, пересекая по большому автомобильному мосту реку Лиелупе. Устье этой реки, имевшей второе, странно звучавшее латышское название Аа, находилось в нескольких километрах от нашего дома отдыха, и мы часто ходили туда пешком по пляжу.

Если, выйдя из ворот, направиться по проспекту налево, то через два-три километра асфальт кончался и песчаная дорога уводила в сосновый лес, который тянулся до самой реки. Думаю, что сейчас уже не осталось там ни одного незастроенного клочка земли. Во всяком случае, когда я снова приехал в эти места в начале восьмидесятых годов на эндоскопический конгресс и решил пройти по местам моего детства, то увидел в диком ранее лесу совершенно новый поселок и асфальтовую дорогу, доходящую до речного берега.

Пройдя влево не более полукилометра, можно было повернуть в сторону от моря и по узкой, покрытой асфальтом

дорожке, дойти до железнодорожной станции «Лиелупе». Вблизи неё был железнодорожный мост через реку того же названия. На станцию «Лиелупе» дедушка посылал нас с Мариной опустить в почтовый ящик письмо, а бабушка – за папиросами. На подходе к станции тоже стояла будочка с мороженым, благодаря чему мы всегда ходили туда очень охотно. А на повороте к станции был небольшой магазинчик, где продавался очень вкусный лимонад в бутылках, закрывавшихся керамической пробкой с резиновой прокладкой на проволочных пружинках. Мне кажется, что такие бутылочки были там только в первый год наших приездов, а потом их заменили обычными бутылками с металлическими крышками, как везде у нас в стране. Невдалеке от станции чуть в стороне от моста на реке Лиелупе находился небольшой яхт-клуб. Там можно было взять напрокат яхту или весельную лодку. Впервые годы я был слишком мал, и у меня не было никакого документа, чтобы оставить в залог за лодку. Поэтому я постоянно просил Марину, а чаще Серёжу Ложкина пойти со мной на лодочную станцию. Марина делала это неохотно, у неё были другие интересы, а Ложкин любил сидеть на веслах сам, что было не очень интересно мне. Однажды, помнится, я упросил дедушку поехать со мной на лодке, и был немало удивлён тому, как ловко он взял в руки весла, как сильно начал грести и как умело управлял лодкой. В последующие годы, когда я учился в старших классах, у меня уже был официальный «школьный билет» с печатями, по которому мне выдавали лодку, и я часто уплывал один вниз по течению. Там, среди зарослей тростника у противоположного берега я находил удивительно интересные узкие проливы, подчас настоящие туннели под высокими камышами, и маленькие, закрытые со всех сторон озерца, в которых было удивительно тихо, тепло, и хорошо ловились некрупные окуни и плотвички, пригодные только для кошки, жившей при нашей кухне. Тем не менее ловить их было очень интересно. С этим яхт-клубом связаны большие переживания моей бабушки. Как-то раз мои родители, взяв меня и Марину, наняли в яхт-клубе на реке Лиелупе яхту и отправились кататься к морю. До моря мы не доплыли, так как прекратился ветер и мы несколько часов болтались в устье реки. Когда мы к вечеру наконец вернулись к причалу, на берегу стоял санаторский автобус с шофером Сашей, а в автобусе сидела бабушка мрачнее тучи. И хотя мы и не были виноваты в отсутствии ветра, досталось всем за то, что заставили её так волноваться. Отмечу, что дед отнесся к этому происшествию совершенно спокойно.

Если отклониться влево от дороги на станцию, то по лесной дорожке, усыпанной сосновыми иглами, можно было дойти до

теннисного городка. Там среди сосен было три или четыре корта, покрытых красной кирпичной крошкой и отгороженных металлической сеткой. Один из кортов был с деревянными трибунами для зрителей. При кортах в низком длинном доме жил сторож – сухой загорелый пожилой мужчина, плохо говоривший по-русски. Заплатив несколько рублей, у него можно было получить сетку и ключ от калитки на корт. Мама, Ложкин и я ходили туда почти каждый день после пляжа и до обеда час-другой играли в теннис. Там я познакомился с молодым крепким парнем из Риги, Ояром Янсоном, который был профессиональным теннисистом и в летний сезон зарабатывал деньги, тренируя отдыхающих на взморье. По соседству с нами снимали дачу мамины приятели Вера Евгеньевна и Дмитрий Максимович Васильевы. Они тоже часто бывали на этих кортах и у меня есть фотографии мамы и Веры Евгеньевны, играющих там в теннис.

Мы жили на Рижском взморье в первые послевоенные годы, когда Латвия казалась нам, да и была на самом деле, настоящей заграницей. Наиболее крупные виллы на побережье были национализированы и превращены в ведомственные и профсоюзные дома отдыха и санатории, но в некоторых дачах ещё жили их прежние владельцы, которые сдавали их на лето приезжавшим из России. В одном из таких домов и жили Васильевы. Одна из старых хозяек дома невдалеке от нас выпекала и продавала изумительные пирожные с заварным кремом, которые обожала моя бабушка. Сама она не могла ходить далеко из-за больных ног и часто посылала нас с Мариной за этими пирожными. Хозяйка, к которой мы ходили за ними, была очень неприветливая и, судя по всему, не любила русских. Да и за что ей было нас любить? Ведь в её глазах мы были завоевателями её страны, нарушившими её благополучную довоенную жизнь. Часто она отрывисто и зло говорила нам, что пирожных нет и чтобы мы пришли на следующий день. Мы были очень вежливы с ней и постепенно она стала относиться к нам немного теплее. В другом доме, тоже у старой хозяйки, мы покупали клубнику, которую любили и бабушка и дед. А к третьей женщине мы ходили за взбитыми сливками к клубнике, и это лакомство навсегда осталось у меня связано с Прибалтикой.

В те годы я не обращал на это внимания, но сейчас я вспоминаю, что из латышей на Рижском взморье я видел в основном женщин, чаще всего пожилых, и очень мало мужчин. Молодых мужчин и женщин не было совсем. Вообще в то время Рижское взморье было относительно немноголюдным, во всяком случае, от станции Булдури в сторону реки. Побольше народа было в Дзинтари и Майори, но там и домов отдыха было больше.

В наших краях на пляжах, даже в разгар летнего сезона, было полно свободного места, а дальше, в сторону реки, вообще начинались дикий лес и безлюдные песчаные дюны на берегу, куда дамы из нашего дома отдыха ходили загорать голышом. Каждый день рано утром со всего длиннющего пляжа убирали мусор и водоросли, выброшенные волнами, увозили их на грузовике и граблями разравнивали песок. Это тоже, в основном, делали местные женщины среднего возраста.

Мы довольно часто ездили на автобусе в Ригу. Шофер автобуса Саша (для меня дядя Саша) очень любил мою бабушку за большие чаевые. Поэтому, когда она решала поехать с нами в Ригу, проблем не было. Из-за этого однажды чуть было не сорвалась запланированная для отдыхающих экскурсия. Как-то раз культорганизатор санатория долго ждал Сашу, чтобы ехать с экскурсией в Сигулду, но Саша сказал, что сначала он свозит в город Елизавету Петровну, а потом приедет за отдыхающими. Пришлось «культурнику» идти к бабушке и просить перенести её поездку, так как собралось уже много народа, все ждут автобуса, а Саша отказывается их везти. Бабушка, конечно, извинилась и отменила свой выезд.

В Риге нас привлекал конфетный магазин «Лайма» и кондитерское кафе (не могу вспомнить его названия), где бабушка заказывала взбитые сливки с вареньем и кофе. Саша в это время терпеливо ждал нас в переулке или отъезжал ненадолго по своим делам, всегда возвращаясь к точно назначенному времени. У меня с дядей Сашей были свои «интимные» отношения. Я его просто обожал, да и он относился ко мне очень приветливо. Когда я, приехав в дом отдыха во второй или третий раз, первым делом побежал в гараж и радостно подошел к Саше, он, узнав меня, сказал с улыбкой: «А, снова приехал, сукин кот!». Это обращение было мне очень приятно, так как подтверждало нашу с ним дружбу. В гараже дома отдыха кроме автобусов Горьковского завода был открытый маленький американский военный «виллис», на котором возили директора. На нём тоже ездил дядя Саша. На этом своеобразном автомобиле мне несколько раз удалось посидеть за рулем. Как то раз дядя Саша взял меня с собой в местную поездку по делам и, возвращаясь домой, уступил моим просьбам самому повести машину. Мне было тогда лет двенадцать или тринадцать, и я уже неоднократно ездил с отцом на нашей «эмке». «Виллис» оказался очень простым в вождении, но вылезая из него, я приложился ногой к выхлопной трубе, проходившей вдоль правого борта и глубоко обжёг икру. Метка от этого ожога осталась у меня на ноге на всю жизнь как напоминание о жизни на Рижском взморье.

Возвращаясь к нашей «зарубежной» жизни в Прибалтике, не могу не вспомнить женщин на пляже в длинных халатах, которые распахивались снизу, обнажая ноги до трусиков. Эти женщины приезжали по воскресеньям из Риги и были настоящими латышками, которые с презрением, а иногда и со злобой смотрели на нас, русских. На второй год все женщины в нашем доме отдыха, которые приезжали в Прибалтику не в первый раз, в том числе и моя мать, уже ходили на пляж в таких же длинных халатах, что и рижанки. У моей мамы даже была знакомая портниха Марья Карловна, которая приезжала к ней из Риги зимой и подолгу жила у нас в квартире, где шила маме и её подругам платья и брюки, которые в Москве тогда только начинали входить в моду. Русский язык в то время латыши почти не знали. На рынке в Булдури, где продавались роскошные творог и сметана, на вопрос «Цик макса?» (сколько стоит) торговки отвечали по-латышски, а когда видели, что мы не понимаем, писали цифры на листке бумаги. Марья Карловна говорила по-русски с ужасным акцентом и часто сбивалась на немецкий язык, который она явно предпочитала русскому. Советскую власть она ненавидела и поняв, что в нашей квартире некого опасаться, в открытую кляла Сталина, завоевавшего Латвию, и со вздохами вспоминала президента Ульманиса и время, когда Латвия была самостоятельной страной. К сожалению, Марья Карловна и люди её поколения не дожили до перестройки, но их дети осуществили мечту своих родителей о свободной Латвии. Иногда даже с некоторыми перегибами. Но в годы моего детства я очень мало общался с латышами. В нашем доме отдыха вся администрация состояла из русских и евреев. Латышки были только среди уборщиц, но они были очень молчаливыми. Поэтому я почти не ощущал на себе негативного отношения к русским сильно редуцированного местного населения. В начале пятидесятых годов прошлого века проблемы межнациональных отношений ещё не стояли передо мною, учеником шестого класса.

Каждое утро мы с дедом, я в трусах, а он в белых брюках и нижней рубашке с расстегнутым воротом (маек дед не носил) и в сандалиях на босу ногу, выходили из нашей территории через боковую калитку и шли по тротуару из бетонных плит вдоль дачи Лациса к морю. Когда улица и тротуар кончались, начиналась дорожка из досок, уложенных на деревянных чурбачках. Эта дорожка была проложена между песчаными дюнами, поросшими соснами, и по ней мы выходили на пляж. Спустившись по полузасыпанным песком доскам с набитыми перекладинами, мы вступали в мир песка. От крайних сосен до воды расстилался роскошный песчаный пляж шириной более полусотни метров, а в

длину – без конца и края. Сухой песок был почти белого цвета, мельчайший и сыпучий, ходить по нему в обуви было трудно, зато босиком очень приятно. Правда, в ясные дни середины лета он так нагревался от солнца, что обжигал босые ноги. Поэтому вступив на сухой песок, нужно было быстрее добежать до широкой полосы сырого и плотного песка ближе к набегающим волнам. По этой полосе все отдыхающие гуляли вдоль моря и по ней же катались на велосипедах. По утрам на сыром песке четко отпечатывались следы грузовика, увозившего выброшенные на берег водоросли. Дно Рижского залива уходило в глубину очень постепенно, то плавно опускаясь, то снова поднимаясь в области банок. Таких банок было три или четыре, и только после последней, расположенной на расстоянии 200–300 метров от берега, ноги уже не доставали дна и нужно было плыть. Идеальное место для купания маленьких детей. Правда, вода в заливе часто бывала довольно холодной, особенно после ветра с моря и сильного волнения.

Выйдя на пляж и повесив на лавочку одежду, дед в длинных черных трусах (такие трусы почему-то называли «семейными») степенно заходил в море с полотенцем в одной руке и с градусником для воды в другой. Зайдя за вторую банку, он измерял температуру воды и окунался до плеч. После этого, вытираясь полотенцем, выходил на берег, и, сменив трусы, надевал белые полотняные брюки. Затем босиком, взяв свои сандалии в руки, голый до пояса, быстрым шагом удалялся по пляжу в сторону реки Лиелупе. Я же оставался купаться. В спокойную погоду я добирался до последней банки и плавал вдоль неё на глубоком месте, после чего валялся на утреннем, поначалу ещё прохладном, но быстро согревающемся на солнце песке и ждал деда. Через двадцать минут его коренастая, невысокая фигура появлялась вдали, а ровно через полчаса таким же быстрым деловым шагом он подходил ко мне. Нередко он приносил с прогулки какой-нибудь занятный корень, найденный им на берегу. Я быстро смывал с тела песок, и мы, переодевшись, шли на завтрак в столовую, где дед вывешивал листок с утренней температурой воды и воздуха.

Больше всего я обожал купаться в волнах, которые несколько раз за сезон бывали весьма солидными. В такие дни мы с Мариной или с Серёжей Ложкиным, подпрыгивая в волнах, доходили до последней банки, где взрослым было по пояс, а мне по грудь, и, взявшись за руки, ныряли головой в накатывающийся пенистый вал высотой выше человеческого роста. Пологие на глубине, волны на банках пенились и обрушивались гребнем на головы купальщиков, сбивая нас с ног и вынося на мелкое место.

Помнится, как пару раз большая волна, перевернув меня вверх тормашками, втыкала головой в дно, к счастью, по всему берегу песчаное и гладкое.

Постоянным занятием на пляже были поиски янтаря. Его кусочки можно было найти после сильного волнения среди водорослей, выброшенных волнами на берег. Особенно много янтаря было на берегу, ближе к устью реки Лиелупе. Там на диком пляже водоросли не убирали, и они лежали у воды целыми горами. Среди них встречались интересные предметы – детские игрушки, доски от лодок, обломки весел, корни деревьев. Особенно много мы находили стеклянных шаров-поплавков от рыбачьих сетей. К сожалению, играть ими в футбол на пляже было нельзя – они очень больно отбивали ступни. Если смотреть внимательно под ноги и ворошить водоросли палкой, можно было найти кусочки янтаря, если повезёт, довольно крупные. За лето их набиралось порядочно, так что, просверлив в них дырочки и нанизав на леску, можно было сделать бусы.

В первые мои приезды на Рижское взморье я увлекался строительством песчаных замков, особенно после экскурсий в Сигулду и Цесис, где были настоящие рыцарские замки. Строить башни было очень легко: набираешь в сложенные ладоши мокрый песок из воды и начинаешь капать на основание башни. Капли песка, быстро высыхая, нарастают друг на друге, и башня растет ввысь. Рядом можно нарастить ещё множество шпилей и вот уже сказочный замок, напоминающий жилище Кощея Бессмертного, готов. Вокруг него ров с водой, а в середине озеро с островком, на котором стоит самая высокая башня. Грандиозно! Жаль, что на следующее утро от замка не остается и следа: все разравнивают безжалостные волны или грабли уборщиков пляжа. Зато можно строить новый замок, ещё более причудливый. Это было такое увлекательное занятие, что даже шестнадцатилетняя Марина и двадцатилетний Ложкин иногда включались в строительство. Тогда я объявлял войну их замкам и поливал стены и башни водой из резиновой груши. Струя воды легко размывала самые мощные фортификационные сооружения и промывала бреши в неприступных стенах, после чего враг (это я) врывался в замок и крушил всё, что попадало под ноги. Марина обижалась, а Ложкин давал мне подзатыльник. В последующие приезды я стал старше, и копаться в песке мне стало казаться не солидным. Тем более что появилось новое потрясающее развлечение – велосипеды.

Во время нашего второго, а может быть третьего, визита в Прибалтику бабушка согласилась взять с собой наши велосипеды. Для них сколотили ящики и сдали в багажное отделение на Рижском вокзале. Прибыли они в Ригу с большим опозданием, но

сколько было радости, когда в санаторий, наконец, приехал автобус, и шофер Саша достал из него наши велосипеды – Маринин, Сережин и мой. Жизнь сразу же окрасилась в новые цвета, а горизонт наших прогулок неимоверно расширился. Правда, в те годы местная милиция требовала получения на велотранспорт номеров и специальных документов. Деду пришлось съездить в Майори, в отделение милиции взморья, где он заплатил налог и ему выдали номера, но почему-то только два. То ли третьего номера не оказалось в наличии, то ли в те годы на одного человека полагалось не более двух велосипедов – не помню, но мой велосипед оказался без номера. Выручил меня вскоре приехавший к нам отец: не долго думая он под осуждающими взглядами деда и бабушки вырезал соответствующего размера картонку, покрасил её белой краской и кисточкой, очень аккуратно, как он умел, красной и черной краской написал цифры и соответствующие надписи на латышском языке. Номер получился – не отличить от настоящего, и я безбедно катался с ним целый месяц.

Ещё мы играли в «пихалку» – вариант бильярда, только не с шарами, а с круглыми плоскими деревянными колесиками, скользящими на боку по полированному фанерному столу с бортами и лузами. Как ни странно, чемпионом в этом развлечении оказался… дед. Он объяснил нам, что в молодости, приезжая в Узкое к Трубецким, он поигрывал в большой бильярд, и навыки игры сохранились у него до старости.

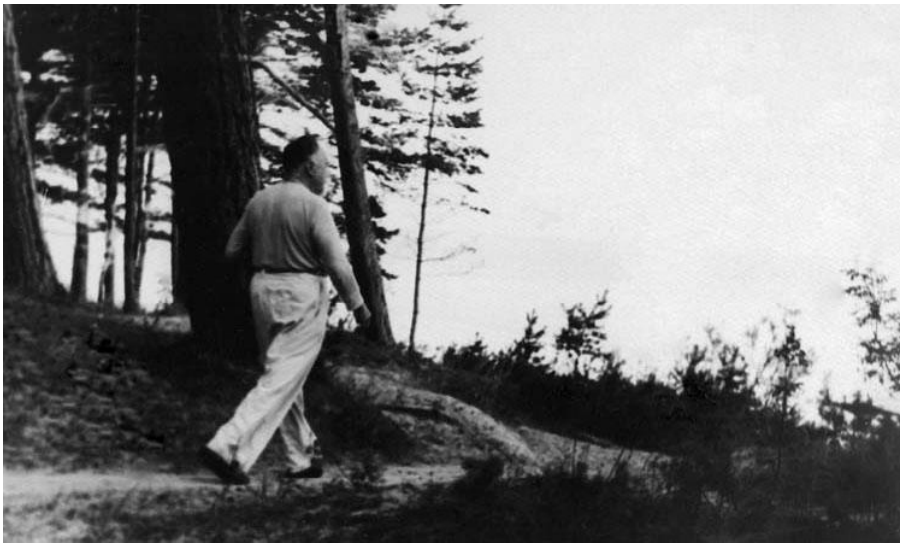
Однажды к нам в гости заехал молодой тогда ещё, но уже известный пианист Святослав Рихтер, гастролировавший в Риге. Я уже описывал историю его знакомства с нашей семьёй. Стасик, как звала его бабушка, пробыл с нами около часа, посидел на крылечке веранды с бабушкой и дедом, сходил с нами на пляж. Мой отец на фоне заходящего солнца сделал его фотографию в профиль с хорошо видными длинными пальцами пианиста.

Бабушка с нами на пляж не ходила, и лишь изредка, в хорошую погоду, она выходила под руку с дедом в дюны, где сидела под соснами и курила, укрываясь от ветра за спиной у деда. Иногда по вечерам в тихую, безоблачную погоду она выходила на берег с кем-нибудь из отдыхающих дам полюбоваться закатом и в надежде увидеть так называемый зелёный луч. Что это такое, я не знаю, сам не видел, но, по-моему, у Леонида Соболева что-то о нём читал [41]. У меня сохранилась фотография её единственного дневного выхода на пляж под руку с двумя девушками, моими приятельницами, которые её очень любили. Зато она ежедневно проводила часы на скамейке в парке недалеко от веранды дома. Иногда с ней рядом

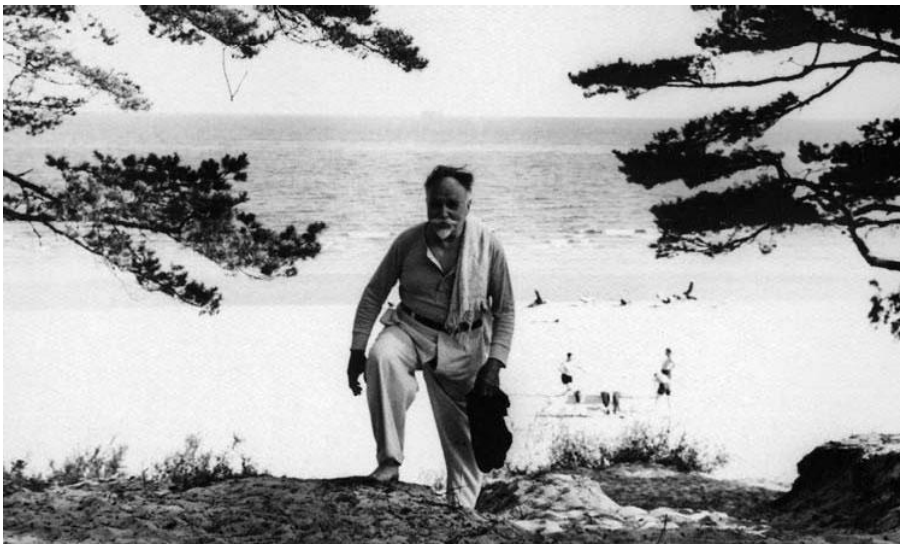
присаживался и дед. И рядом с ними, и вокруг всегда было несколько человек, с которыми бабушка оживленно разговаривала, а дед слушал и иногда вставлял отдельные реплики. К сожалению, не знаю, о чем они беседовали. Мне было тогда это совершенно все равно: мне важен был велосипед, теннис, море, приятели, кино и т. д. Дорого бы я дал сейчас, чтобы оказаться с ними рядом на той скамейке.

Дом отдыха Академии медицинских наук на Рижском взморье в Лиелупе

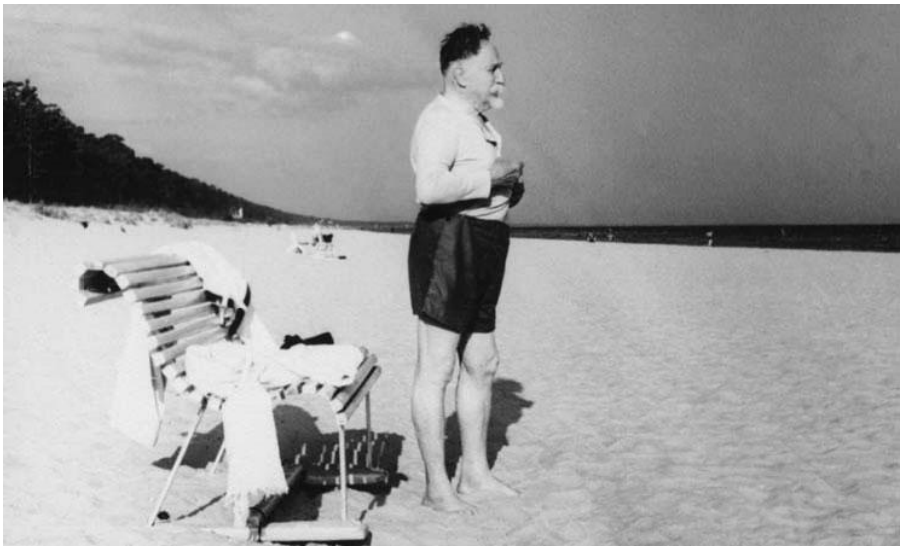
Елизавета Петровна и Георгий Несторович Сперанские на своей веранде



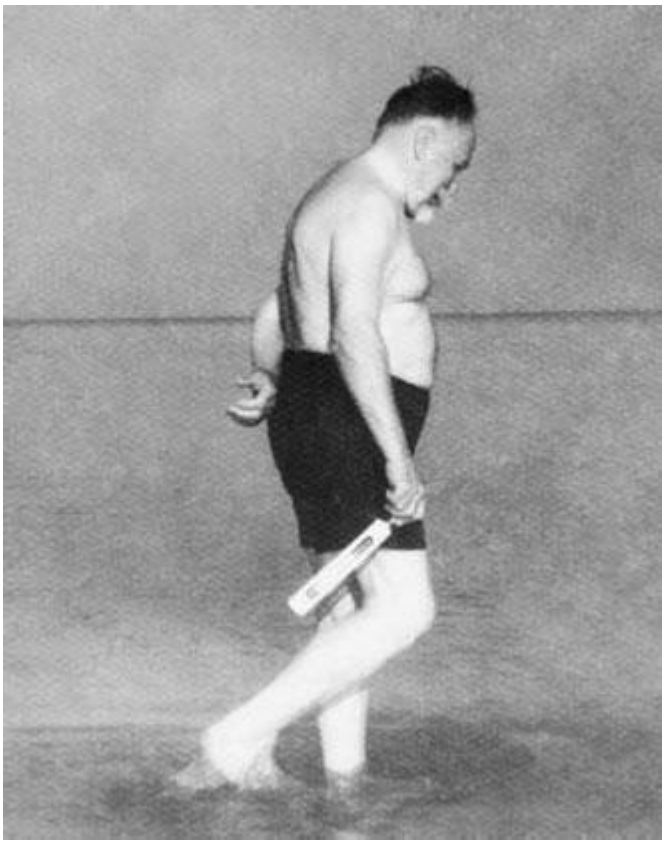
Георгий Несторович по дороге на пляж. Рижское взморье, Лиелупе



Георгий Несторович уходит с пляжа. Там же



Георгий Несторович на пляже перед купанием

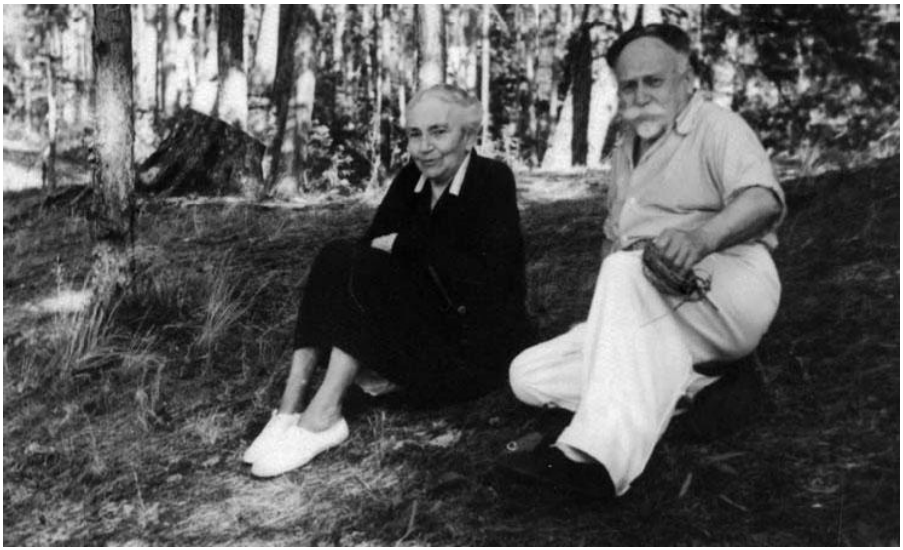


Рижское взморье. ***Сверху****: Георгий Несторович идёт в море с градусником.* ***Снизу****: Георгий Несторович после купания*

Рижское взморье. Ежеутренний ритуал измерения температуры воды в заливе

Рижское взморье. ***Сверху****: Георгий Несторович ищет в дюнах корешки для фигурок.* ***Снизу****: на утренней прогулке по пляжу*

Рижское взморье. Георгий Несторович во время прогулки по берегу моря



Рижское взморье. Елизавета Петровна и Георгий Несторович в сосновом лесу на берегу Рижского залива

Елизавета Петровна закуривает, укрываясь от ветра за спиной у Георгия Несторовича

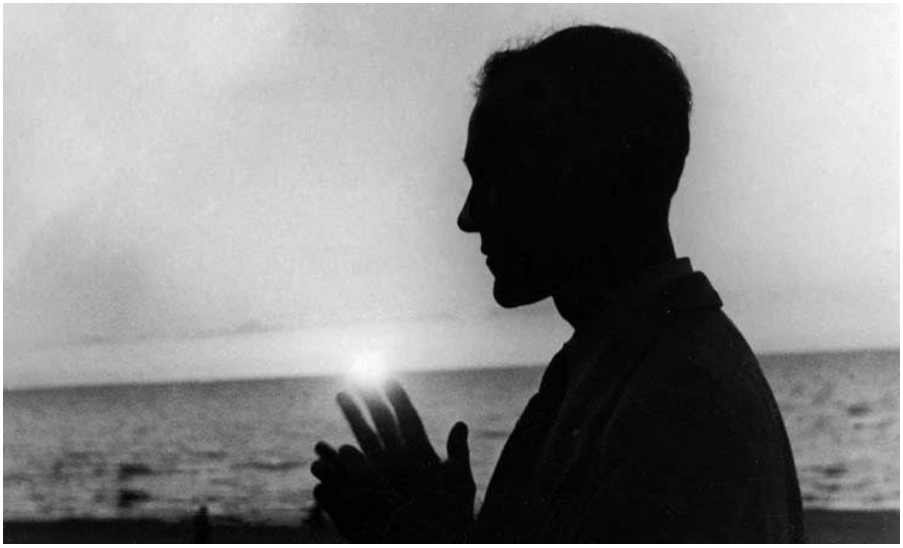
Рижское взморье. Георгий Нестрович и девочки вывели Елизавету Петровну на берег залива

На пляже. Георгий Несторович, Сережа Филатов («Ложкин») и мой отец Адриан Овчинников

Рижское взморье. Елизавета Петровна и Георгий Несторович на любимой скамейке

Рижское взморье. Посещение Сперанских нашими соседями по «Чкаловскому» дому Ириной Евгеньевной и Машенькой Страментовыми

Рихтер в гостях у Сперанских. Дом отдыха АМН СССР Рижское взморье Лиелупе. ***В первом ряду****: Елизавета Петровна и Наля Сперанские, Святослав Рихтер.* ***Во втором ряду****: Георгий Несторович Сперанский и мой отец Адриан Овчинников*



Закат на берегу Рижского залива. Святослав Рихтер. Июль 1950 г.

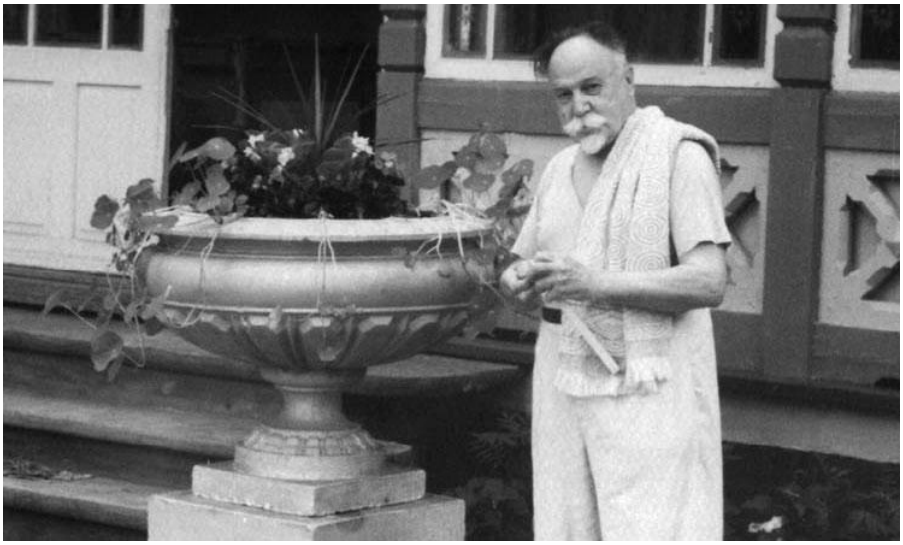
Рижское взморье. Дом отдыха АМ СССР. Отдыхающие собираются ехать на экскурсию в Сигулду. Среди них Елизавета Петровна Сперанская (в костюме шляпе и тапочках)

Рижское взморье. Георгий Несторович Сперанский и Юлия Фоминична Домбровская собираются ехать на «виллисе» на консультацию маленького пациента. Я смотрю на них с завистью

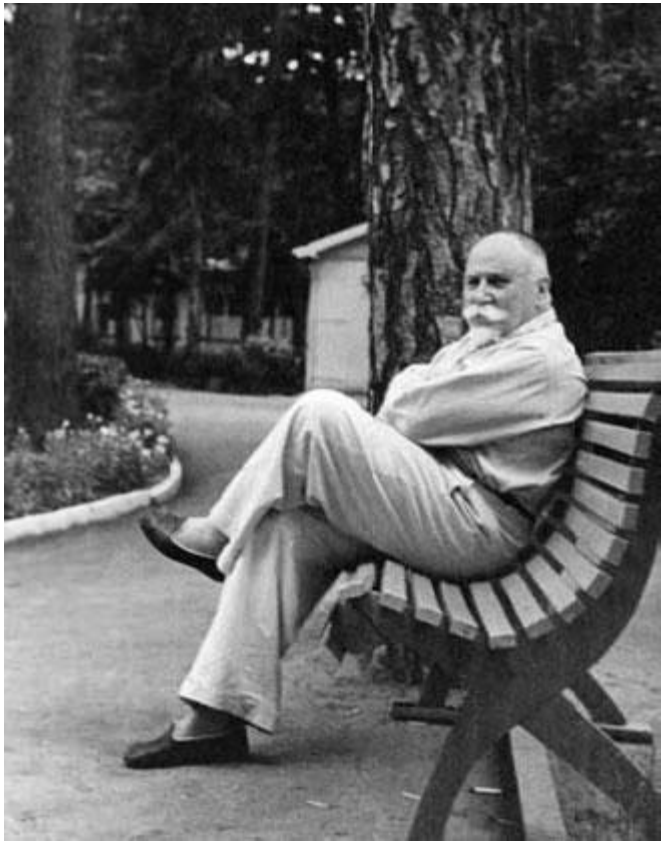
Рижское взморье. На скамейке под кустами сирени. ***Сидят:*** *Елизавета Петровна с супругой профессора Карасика.* ***Стоят:*** *Георгий Несторович и мой отец Адриан Овчинников*

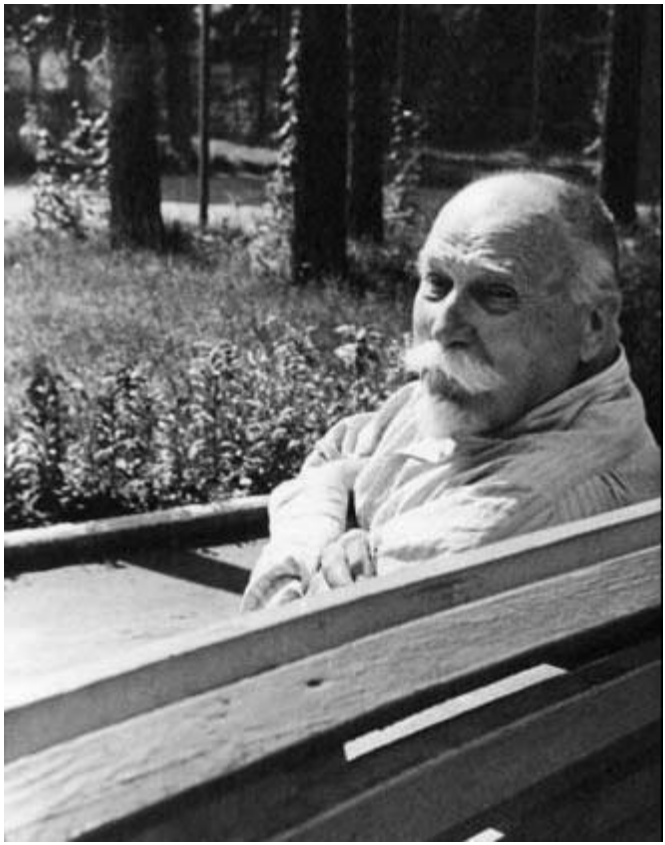
*На реке Лиелупе. **Сверху**: моя мать Наталья Георгиевна Сперанская. **Снизу**: перед посадкой в яхту. Стоят Марина Сперанская и Ира Анохина*

Моя мать Наталья Георгиевна и Вера Евгеньевна Васильева на теннисных кортах в Лиелупе (1950–1951 гг.)

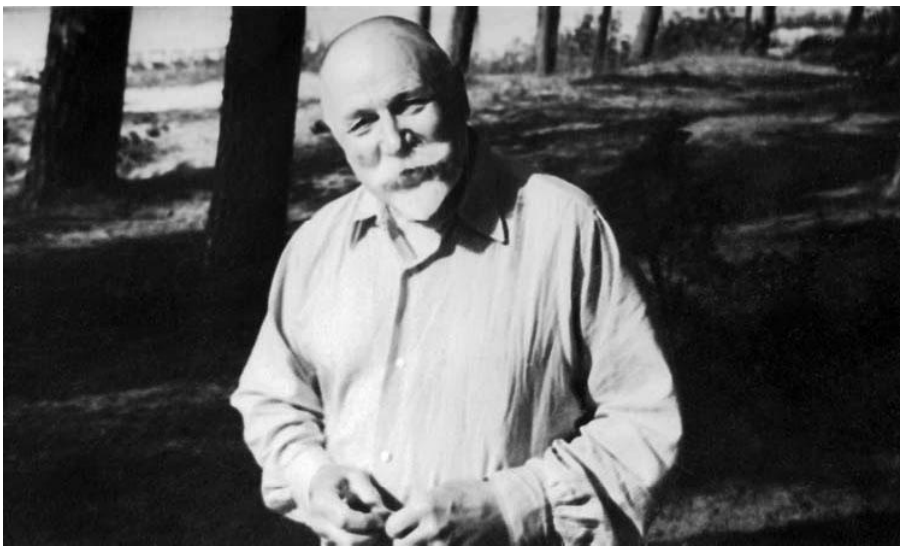


Рижское взморье. Георгий Несторович после утреннего купания у входа на веранду





Георгий Несторович отдыхает после завтрака



Георгий Несторович очень любил отдыхать на Рижском взморье и всегда бывал там в весёлом настроении и хорошем расположении духа

Рижское взморье. Георгий Несторович, Серёжа Филатов и Адриан на нашей веранде рассказывают анекдоты

Глава 19
Последние годы жизни Сперанского

Георгий Несторович тяжело пережил смерть Елизаветы Петровны. Он стал молчаливым, похудел и осунулся. Он продолжал работать, но теперь ему не с кем стало поделиться своими служебными новостями и переживаниями. Среди его друзей осталось лишь несколько человек, с которыми он охотно разговаривал и подолгу засиживался за вечерним чаем. Среди них я могу в первую очередь назвать нашего соседа по даче академика Н. В. Коновалова и ближайшую помощницу деда по кафедре педиатрии ЦИУ профессора С. Г. Звягинцеву.

Николай Васильевич Коновалов был умнейшим, но довольно суровым человеком. Дед относился к нему очень тепло и, как мне кажется, немного по-отцовски. Может быть, Николай Васильевич напоминал ему погибшего старшего сына, так как он был приблизительно того же возраста. Субботними вечерами, приехав на дачу, дед отправлялся к Коноваловым пить чай и нередко засиживался у них допоздна. И Николай Васильевич очень уважал деда, охотно делился с ним своими проблемами и в разговоре с дедом оттаивал, начинал шутить и улыбаться. Дед сильно переживал болезнь Николая Васильевича и его раннюю кончину.

С Софьей Георгиевной Звягинцевой и её мужем, детским хирургом Алексеем Евгеньевичем, у деда были особые отношения. Летом Звягинцевы часто жили у нас на даче в маленьком домике, построенном дедом для моей матери. Дед их очень любил и всегда находился в хорошем настроении в их присутствии. Когда они приезжали на воскресенье, дед водил их в экскурсию по саду, показывая плоды своего труда: свои любимые яблони, редкие деревья и кустарники, скульптуры, которые он делал в саду из коряг, корней и древесных наростов. После смерти бабушки он нередко заезжал к ним, возвращаясь с работы, и оставался пить чай с вареньем, обсуждая проблемы клиники и института. Думаю, что общение со Звягинцевыми и тепло их любви и дружбы помогли деду менее болезненно пережить смерть жены, с которой он прожил почти 60 лет и которая умерла на 11 лет раньше него.

Всегда был открыт для Георгия Несторовича гостеприимный дом Анны Алексеевны и Петра Леонидовича Капиц, куда он любил приезжать после работы. Как я уже писал, А. А. Капица, урожденная Крылова, была двоюродной племянницей Елизаветы Петровны Сперанской. Думаю, что Анна Алексеевна, очень

любившая свою тётю, напоминала ему покойную Елизавету Петровну, а с Петром Леонидовичем они обсуждали текущие события и рассказывали друг другу анекдоты, которые Капица знал во множестве. Ещё один человек в окружении деда, которого он любил и уважал, была Лидия Александровна Преображенская, сельский врач, всю свою жизнь проработавшая в Деденевской больнице недалеко от нашей дачи. Вместе со своим мужем, учителем местной школы, она была лучшим представителем сельской интеллигенции, умным, мягким и отзывчивым человеком. Дед советовался с ней по многим медицинским и жизненным вопросам и часто обращался к ней, когда у него наступал период депрессии. После общения с Лидией Александровной к нему всегда возвращалось хорошее настроение. К сожалению, и Николай Васильевич, и Лидия Александровна скончались раньше деда, и он остался без этих близких ему и любимых людей.

Вообще в конце своей долгой жизни, пережив и похоронив любимую жену и почти всех своих друзей и ровесников, дед, как мне кажется, чувствовал себя очень одиноким, несмотря на наличие детей и внуков. Иногда он говорил, что из его поколения уже никого не осталось и что его жизнь слишком затянулась.

В 1962 году в возрасте 89 лет дед решил уйти на пенсию. Кафедрой педиатрии после ухода Сперанского стала заведовать его ученица и сотрудница Р. Л. Гамбург, а с 1965 года – М. П. Матвеев. Но он продолжал участвовать в работе кафедры и института, возглавив в ЦИУ проблемную комиссию по охране здоровья матери и ребёнка. Георгий Несторович еженедельно приезжал в больницу имени Дзержинского на пятничную клиническую конференцию, где заслушивались научные доклады и разбирались сложные пациенты. Продолжал он работать и редактором педиатрического отдела Большой и Малой медицинских энциклопедий и журнала «Педиатрия». Оставался членом Ученого совета Института педиатрии.

В 1963 году деду исполнилось 90 лет. Он очень не хотел устраивать празднование своего юбилея, говоря, что в его возрасте поздравлять уже не с чем. В дневнике он записал: «20 февраля 1963 года. Мне сегодня 90 лет. Несмотря на мой протест, Министерство здравоохранения настаивало на праздновании моего юбилея; я должен был согласиться, так как это нужно не для меня, а для товарищей, для общественности. Было торжественное заседание в Доме ученых со всякими подношениями, адресами, выступлениями. Единственно, чего удалось добиться, чтобы не было чтения кучи адресов, что утомительно, искусственно и часто не соответствует

действительности то, что в них написано. Были выступления от больших учреждений: Министерства здравоохранения СССР и РСФСР, АМН, АН СССР, Туполева А. Н. с поднесением значка его конструкторского бюро (авиационного) – и все. Потом концерт. Вечером банкет. Вечером сообщили о награждении меня вторым орденом Трудового Красного Знамени». Празднование юбилея Сперанского продолжалось четыре дня. Во второй и третий дни проводились торжественные заседания расширенного пленума правления Всесоюзного общества детских врачей, на четвёртый день – конференция на кафедре педиатрии ЦИУ. За эти дни дед сильно устал и переволновался, но настроение у него было очень хорошим.

Последующие пять лет прошли спокойно. Дед принимал участие в еженедельных пятничных конференциях на кафедре педиатрии в больнице им. Дзержинского, ходил пешком на заседания Ученого совета в Институт педиатрии, который к этому времени уже находился в новом здании на Ломоносовском проспекте (в 1964 году мы переехали в академический дом на ул. Дмитрия Ульянова, расположенный недалеко от института), каждую субботу уезжал на электричке на дачу. Временами его состояние ухудшалось, и он был вынужден уменьшать привычную для него активность. В один из таких периодов, 14 февраля 1967 года, написал письмо Ольге Алексеевне Чумаевской, которая вот уже не один год собирала материалы для книги о Сперанском. В это время она находилась на лечении в терапевтическом отделении 67-й городской больницы. «Дорогая Ольга Алексеевна, спасибо за поздравление (с днём рождения. – ***А. О.***). Но извинения принять не могу, так как Вы поторопились, а не опоздали. Я родился в ночь с 7 на 8 февраля старого стиля, т. е. 19–20 по новому стилю. Спасибо за письмо. Я тоже болею вот уже 1,5 месяца: разладилось сердце, появились загрудинные боли, одышка, увеличились отёки. До сих пор всё шло неплохо, но всё-таки я перестал выходить из дому, принимаю всякую гадость, больше лежу. Сейчас стало лучше, и я стал выезжать. Был на общем собрании АН. Сегодня был на диссертации в ЦИУ. На даче не был больше месяца, две недели провёл в «Узком». Приходится уменьшать нагрузку и следить за сердцем, одышкой, стенокардией, пузырём, ушами, глазами и т. п. Крепко жму руку и желаю Вам отлежаться. Ну что же делать?».

В феврале 1968 года вновь был отмечен его день рождения. В детской клинике 1-го Московского медицинского института было проведено торжественное заседание Московского научного педиатрического общества, посвященного 95-летию Г. Н. Сперанского. Дед выступил на этом заседании с большой речью, в

которой поставил дальнейшие задачи на пути развития отечественной педиатрии, подчеркнув важность изучения физиологии ребенка и проблемы умственного переутомления школьников. Это было его последнее выступление перед широкой аудиторией. Я присутствовал на этом заседании, слушал деда и поражался трезвости его мышления, четкости речи и энергии в его глазах. Поистине это было выступление отнюдь не 95-летнего старца. Единственное, что выдавало его волнение и возраст, было периодическое поперхивание и изменение голоса.

Поражает его работоспособность и творческая активность даже в преклонные годы. Профессор С. Г. Звягинцева, его ближайшая помощница и самый близкий друг, вспоминает в 1973 году: «…За несколько месяцев до смерти Г. Н. Сперанский набрасывает три варианта плана работы или статьи (а может быть, и мемуаров), которая осталась незаконченной (правильнее сказать – завещания. – ***А. О***.). Отдельные её фрагменты звучат так своевременно и современно, что следует ознакомить с ней всех педиатров, особенно тех, кто не слышал горячих речей Георгия Несторовича. Даже его незаконченные наброски заставляют задуматься. Главная их мысль – «забыли профилактику…, теперь профилактика – только прививки против инфекций… Теперешние поколения врачей больше верят фармакологии, чем гигиене… Антибиотики всюду, где надо и не надо, но антибиотики ведь не профилактические средства…». Георгий Несторович напоминает, что «охрана материнства и младенчества – государственная обязанность, причем охраняться должно не только младенчество, но и всё детство». Обращаясь к педиатрам, он пишет: «Мы приняли на себя обязательство охранять всех детей, не только лечить больных, но и воспитывать здоровых». Детские врачи, по его мнению, обязаны создавать такие условия, чтобы дети не только не болели, но и укрепляли своё здоровье, повышали свою адаптацию к внешним условиям жизни. По мнению Г. Н. Сперанского, врачи детских поликлиник, уделяя много времени больным, забывают о санитарно-просветительной работе среди матерей. По этому поводу он пишет: «Перевоспитывать бабушек и дедушек мы не можем, а отцов и матерей обязаны воспитывать в правильном медицинском направлении. Мать должна безусловно верить врачу», а для этого необходимо, чтобы врач чаще беседовал с нею, умел дать ей необходимый совет, как оградить ребенка от заболеваний. Между тем, с горечью отмечает Георгий Несторович, некоторые молодые врачи «перестали воспитываться в духе нашего тогдашнего энтузиазма и лишь только формально говорят о профилактике с родителями». Г. Н. Сперанский ясно представлял себе последствия такого забвения профилактической

работы», заканчивает С. Г. Звягинцева. Могу от себя добавить, что актуальность этих мыслей и слов профессора Сперанского не только не уменьшилась в настоящее время, но и возросла многократно.

Осенью 1968 года дед неожиданно для себя испытал отчетливое чувство нехватки воздуха и боли в сердце. Это был тяжелый приступ стенокардии, какого у него раньше никогда не было. Дед как-то сразу очень сник и постарел. В конце декабря 1968 года он написал письмо директору Института усовершенствования врачей М. Д. Ковригиной. Черновик этого письма сохранился, и я привожу его целиком.

«Многоуважаемая и дорогая Мария Дмитриевна, поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего наилучшего в жизни и прежде всего здоровья и успешной плодотворной работы. Я всю свою жизнь ничем серьезным не болел, кроме детских инфекционных болезней, в 1921 году перенес операцию аппендицита и быстро установленную и излеченную малярию. Не болел никакими тифами, хотя работал на эпидемиях брюшного, сыпного и возвратного тифов, никогда не болел воспалением легких. Это, вероятно, дало мне возможность прожить почти 96 лет и продолжать по мере сил нести обязанности консультанта по кафедре педиатрии нашего института и другие работы. Одним словом, я считал, что у меня «физиологическая старость». После летнего отпуска в начале сентября 1968 года я впервые во время сильного ветра почувствовал тяжелую одышку и приступ боли в сердце – кардиоспазм (не совсем точно, правильнее – стенокардию. – ***А. О.***), и с тех пор у меня начались сердечные припадки, которым принимаемыми мерами удается не давать развиваться. Но ничтожная нагрузка на сердце вызывает начало кардиоспазма, так что я сразу сделался стариком и притом так боюсь этих приступов, что не знаю, насколько я буду работоспособен. Консультировавший меня проф. Б. Е. Вотчал успокаивает меня, но ведь что же может сказать консультант, да ещё врачу, кроме успокоения. Правда, сейчас приступы реже, но я хожу только с палкой, медленно, боясь всякой нагрузки на сердце. Один раз выезжал на короткий срок на гражданскую панихиду по В. П. Лебедевой, что обошлось благополучно. Теперь Борис Евгеньевич разрешил мне поехать в клинику, где я могу пользоваться лифтом, в ближайшую пятницу. Я не могу приехать к Вам в институт, так как там очень трудная лестница, и потому решил написать Вам письмо». Но в клинику дед поехать не смог, так как физическое и моральное состояние его значительно ухудшилось. Вновь появились отеки ног, боли в области сердца, нарушился сон. После консультации профессора Р. А. Ткачева

было решено положить его в терапевтическое отделение больницы АН СССР, так как основным диагнозом была сердечная декомпенсация, с чем сам дед был совершенно согласен.

Георгий Несторович был помещён в больницу 6 января 1969 года. Так как все люксы были заняты, а состояние его здоровья требовало скорейшей госпитализации, ему была предоставлена отдельная большая палата на четвертом этаже больницы. После лечения состояние его значительно улучшилось: меньше стали беспокоить боли в сердце, спали отеки ног, начал налаживаться сон, но настроение оставалось плохим. Чтобы он не чувствовал себя одиноким, мы, все члены его семьи, круглосуточно дежурили у него по очереди. В одно из моих дежурств мы долго говорили с дедом о его жизни. Он опять сказал мне, что пережил всех своих сверстников и такая жизнь ему в тягость. Потом он вдруг стал извиняться передо мною, что не оставляет нам никакого наследства: картины и антиквариат он не собирал, хотя зарабатывал одно время немало. Но стремления к этому не было. В глазах у него появились слезы. Это было так непривычно для деда, что я просто опешил. Как мог, я принялся успокаивать его, говоря, что он дал нам всем очень много и что всей нашей жизнью мы, его дети и внуки, обязаны ему и только ему, что мы его очень любим и хотим, чтобы он как можно дольше оставался с нами. Постепенно дед успокоился, выпил таблетку беллоида из трубочки, лежащей у его кровати, и уснул. В следующее дежурство, когда у деда сидел его сын Сергей Георгиевич, произошло событие, которое должно было бы нас насторожить. Дед, якобы по ошибке, как он объяснял это потом, выпил сразу несколько таблеток беллоида и долго не мог проснуться утром. На всякий случай мы забрали у него трубочку с этим лекарством и стали оставлять по одной-две таблетки на ночь. Пара ночей прошла спокойно. Ночью с 12 на 13 января у него дежурила моя мать. Дальнейшее описание событий я привожу по её письму следователю прокуратуры.

> *«13 января днем в 12 часов я была вынуждена уйти домой, так как у меня поднялась температура и появились гриппозные явления, что совпало с эпидемией гриппа. Уходя, я поставила об этом в известность лечащего врача и договорилась со старшей сестрой отделения о том, что ночью у отца будет установлен индивидуальный сестринский пост. Вечером 13 января отца навещала жена моего сына, которая ещё раз разговаривала со старшей сестрой об индивидуальном посте, причем старшая сестра заверила её, что пост будет обеспечен и*

что это будет стоить нам 10 рублей, которые я должна ей заплатить на следующий день.

14 января в 9 часов утра я позвонила лечащему врачу, чтобы узнать о состоянии отца. Мне ответили, что лечащий врач подойти не может и чтобы я немедленно приехала в больницу. Через 15 минут я прибежала в больницу, меня провели в ординаторскую, где я узнала от находящихся там врачей, что отец умер, а лечащий врач и заведующая отделением находятся у главного врача… Когда я стала умолять сказать мне, что же с ним случилось, ведь накануне он чувствовал себя удовлетворительно, кто-то из присутствовавших врачей сказал, что он выбросился из окна. После возвращения заведующая отделением рассказала мне, что это случилось утром, когда все отделение уже проснулось, и что няня, которая была ночью и утром одна на все отделение, но сидела у отца в палате, пошла выносить утку в уборную, а вернувшись, уже не нашла его в палате… Отец никогда со мной не говорил на тему о самоубийстве. Я и все члены нашей семьи не хотим возбуждать судебное дело против больницы АН СССР ради светлой памяти моего отца».

Так закончилась жизнь моего деда. Деятельный, энергичный человек, посвятивший всю жизнь работе, он не смог перенести старческой немощи. Он жил, пока мог работать. А когда не смог, решил поставить точку в своей жизни…

Мне очень не хочется оканчивать эту книгу на такой печальной ноте. Жизнь Георгия Несторовича Сперанского, целиком посвященная здоровью детей, была светлой, несмотря на множественные трудности, временные неудачи и огорчения. Но мой дед никогда не впадал в уныние от них и всегда боролся с трудностями жизни, получая в конце концов от своей работы и жизни удовлетворение. Таким неутомимым борцом он запомнился всем, кто хорошо знал его и много лет проработал вместе с ним. Я хочу привести здесь выдержку из большой статьи заведующего кафедрой госпитальной педиатрии 2-го Московского государственного медицинского института (теперь медицинского университета) имени Н. И. Пирогова, профессора В. А. Таболина «Если хочешь лечить детей», опубликованной в 11-м выпуске журнала «Знание» за 1982 год [42]. С конца 50-х годов, после окончания клинической ординатуры и аспирантуры Вячеслав Александрович на протяжении нескольких лет работал ассистентом на кафедре педиатрии ЦИУ, возглавляемой Г. Н.

Сперанским. Он с большим уважением и теплотой отзывается о своем учителе: «Мне выпало огромное счастье знать Георгия Несторовича Сперанского и с полным правом считать, что именно он оказал большое влияние на формирование меня как врача-педиатра… Какой это был замечательный человек! Мне это удалось почувствовать, работая с ним, под его руководством. Глубоко и всесторонне образованный, творчески активный, духовно богатый человек, Георгий Несторович весь свой талант, глубокие и обширные знания, всего себя честно и бескорыстно отдавал развитию педиатрии в стране. Георгий Несторович, не считаясь со временем, делился своим богатым опытом, щедро дарил идеи. Задушевные беседы, которые вел Георгий Несторович со всеми, кто обращался к нему за советом, за помощью, оставляли след на всю жизнь. И эти беседы Георгий Несторович вел, не считаясь со временем, двери его кабинета всегда были открыты. Он был в постоянной готовности прийти любому человеку на выручку.

Иногда задумываешься над вопросом, что же было главным у Георгия Несторовича, что так привлекало к нему людей, и приходишь к выводу – истинно русская простота и доброта. И на примере Георгия Несторовича лишний раз убеждаешься, что простота и доброта – это свойства большого человека, человека широкой души и доброго сердца. Особенностью его таланта была многогранность. Это и исключительный врач-педиатр, и вдумчивый ученый, и внимательный педагог, и дальновидный организатор педиатрической науки и детского здравоохранения. И что важно: активность и работоспособность Георгия Несторовича сохранялись на протяжении всей его 70-летней деятельности в педиатрии, на протяжении почти векового периода жизни… Как творческое завещание я постоянно помню последние слова, написанные Г. Н. Сперанским мне 4.1. 1969 г. за 10 дней до смерти: «Дорогой Вячеслав Александрович! Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю Вам всего самого хорошего. Лучшего заменителя по нашей работе я не могу себе представить. Вы в самом начале расцвета деятельности. Всё ещё впереди, будьте только здоровы. Крепко обнимаю Вас. Ваш Г. Сперанский».

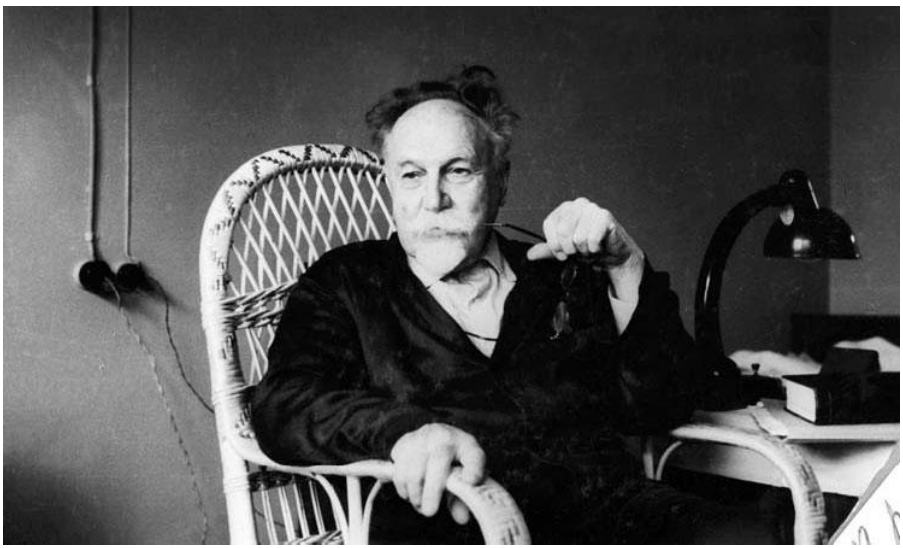
Трудно даже теперь представить, как бы я жил все эти годы без этого письма. Оно мне придаёт силы, держит меня в постоянном творческом рабочем тонусе, постоянно завет к деятельности. И мой моральный долг, как ученика Георгия Несторовича, работать, как он работал, – с полной отдачей всех сил для оправдания тех надежд, которые возлагал на меня Георгий Несторович, чтобы творчески развить всё то, что

получено при общении с ним и им рекомендовано».

Думаю, что под этими словами могли бы подписаться все ушедшие от нас и ныне здравствующие ученики Георгия Несторовича Сперанского.

А в самом конце, не претендуя на оригинальность, приведу слова из стихотворения Т. Л. Щепкиной-Куперник, посвященного нашей даче и её хозяевам, которых она так любила:

«Но за тобой скажу, поэт,
Покуда сердце не застыло —
Не говори с тоскою нет,
А благодарностию – было».



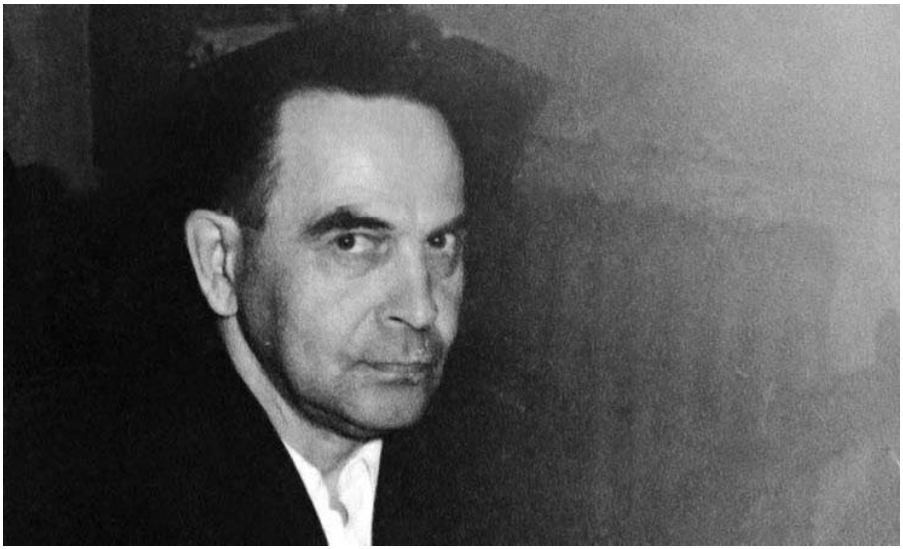
Георгий Несторович после смерти Елизаветы Петровны в санатории «Узкое» (февраль 1958 г.)

Самые близкие друзья Георгия Несторовича Алексей Евгеньевич и Софья Георгиевна Звягинцевы

Софья Георгиевна и Алексей Евгеньевич дарили Георгию Несторовичу любовь и тепло, что помогло ему пережить смерть любимой жены

Георгий Несторович в гостях у Звягинцевых обсуждает с Софьей Георгиевной кафедральные проблемы (фото приблизительно 1960–1961 гг.)

Наши ближайшие соседи по даче Екатерина Степановна и



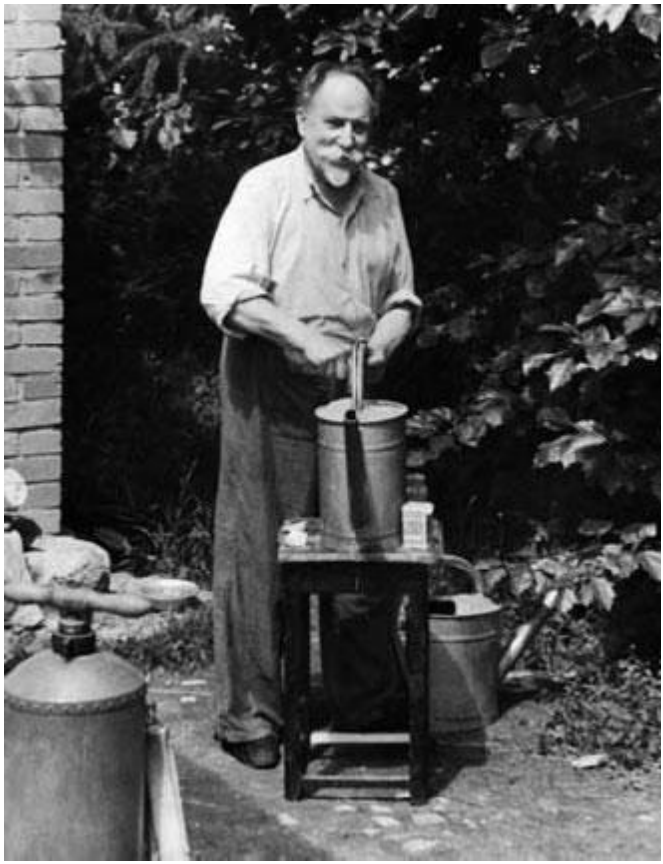
Николай Васильевич Коноваловы, у которых Георгий Несторович вечером в субботу приехав на дачу пил чай и обсуждал академические новости

Лидия Александровна Преображенская и Сергей Павлович Преображенский

В гостях у Капиц. У входа в дом Петра Леонидовича и Анны Алексеевны (1963–1965 гг.)

Анна Алексеевна и Петр Леонидович Капица

На дачу на электричке (60-е гг.)



За работой в саду. Деденево, начало 60-х гг.

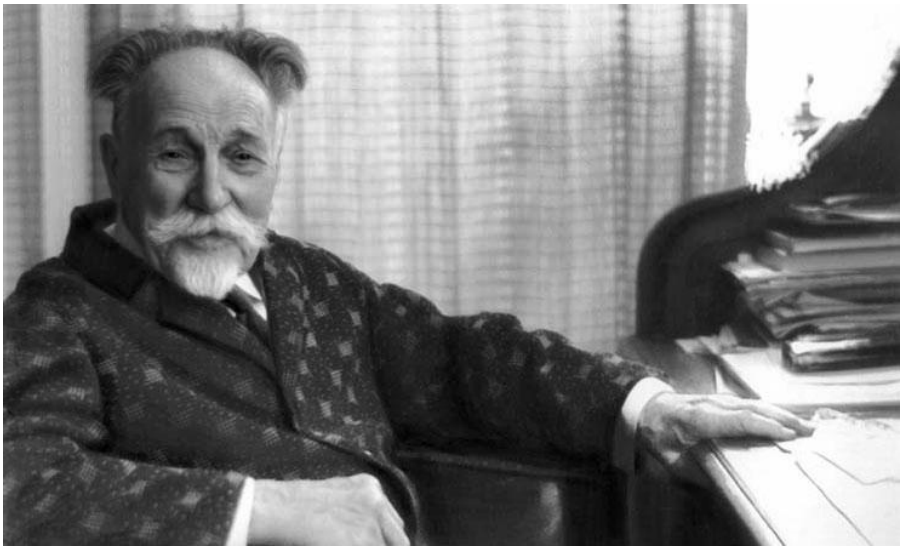
На майские праздники на дачу приезжали наши приятели, и дед веселел и с удовольствием руководил работами в саду. Фото

1962 г.

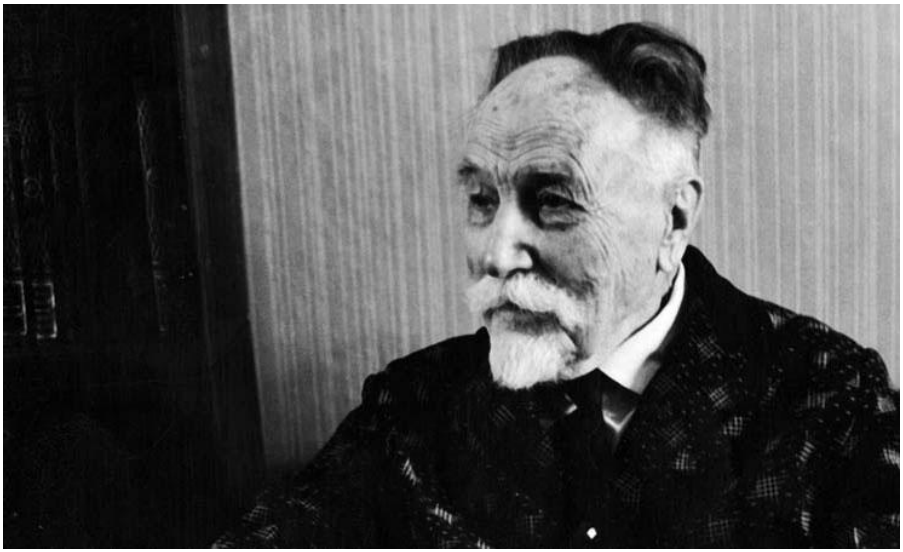
За молодежью нужен глаз да глаз. Весенняя уборка листьев. Май 1962 г. На переднем плане Лара Овчинникова.

Дед с удовольствием сам работал в саду. Георгий Несторович за прополкой клубники. Деденево, весна 1962 г.

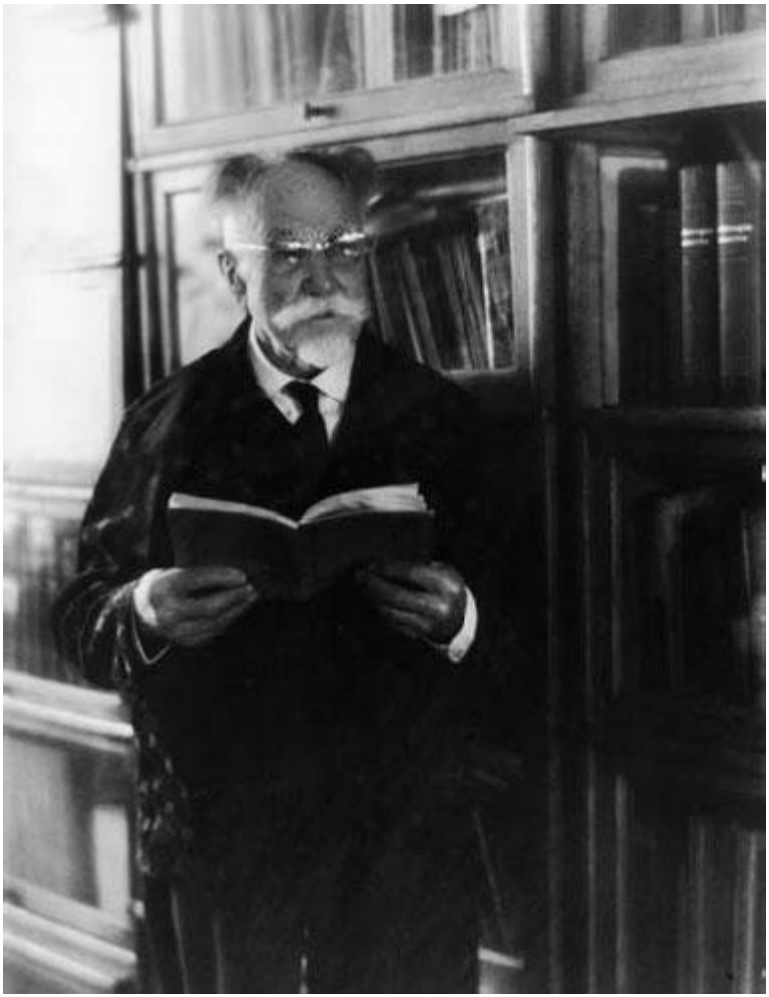
Постоянный физический труд до последних дней. Георгий Несторович на даче у сарая убирает листву. За ним видна очередная фигура лесовика сделанная им из веток и сухой травы. Фото 1967 г.



Георгий Несторович за своим столом. Фото 1965 г.



Георгий Несторович у себя дома на ул. Дм Ульянова. Фото 1965 г.

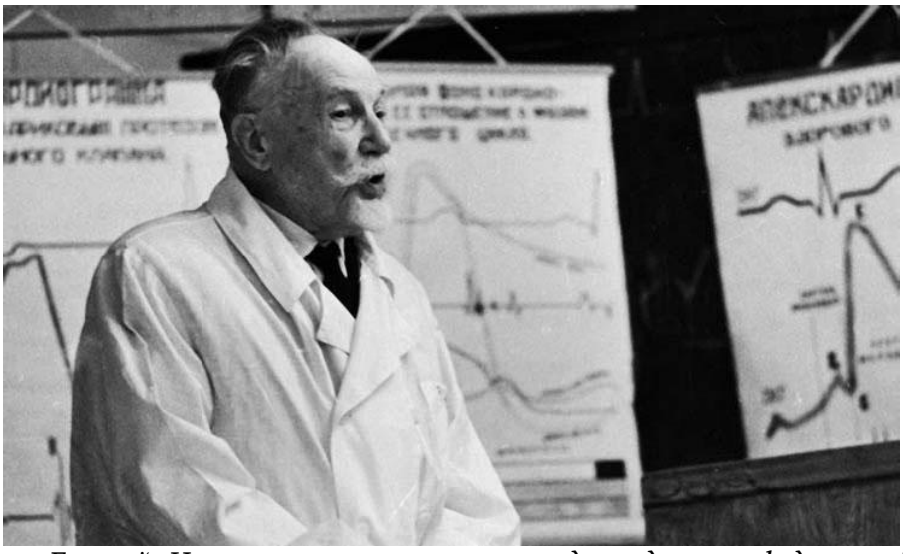


Георгий Несторович у книжного шкафа у себя дома. Фото 1965 г.

По поводу 90-летнего юбилея Георгий Несторович был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени. Кремль 1963 г.

Каждую пятницу Георгий Несторович по-прежнему приезжал на свою кафедру педиатрии, где проводил конференции и разборы больных. Эти «пятницы Сперанского» привлекали множество врачей

Георгий Несторович на обходе больных в клинике (фото 1965 г.)



Георгий Несторович комментирует доклад на кафедральной конференции

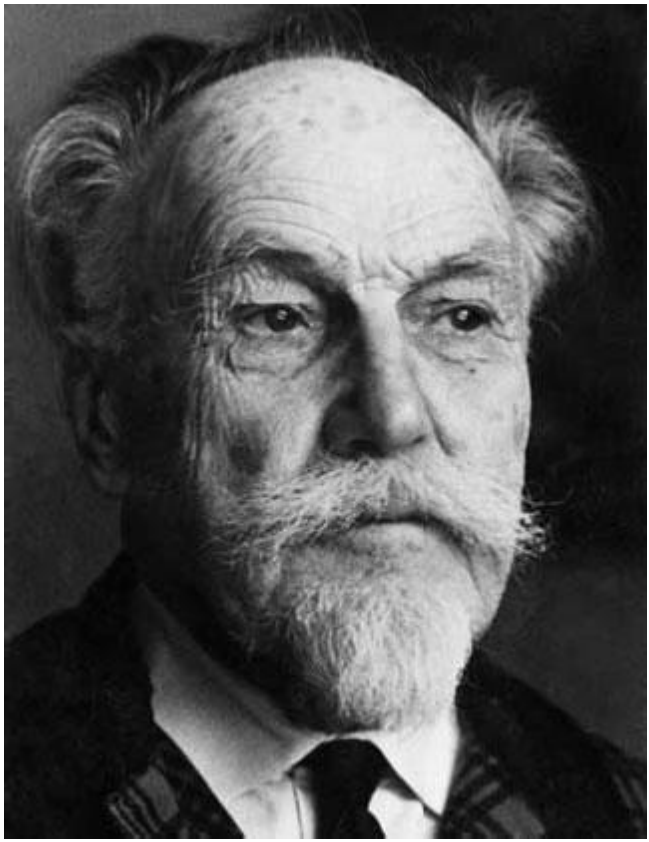
Профессор МП. Матвеев показывает Георгию Несторовичу фотогазету, посвященную его 95-летию

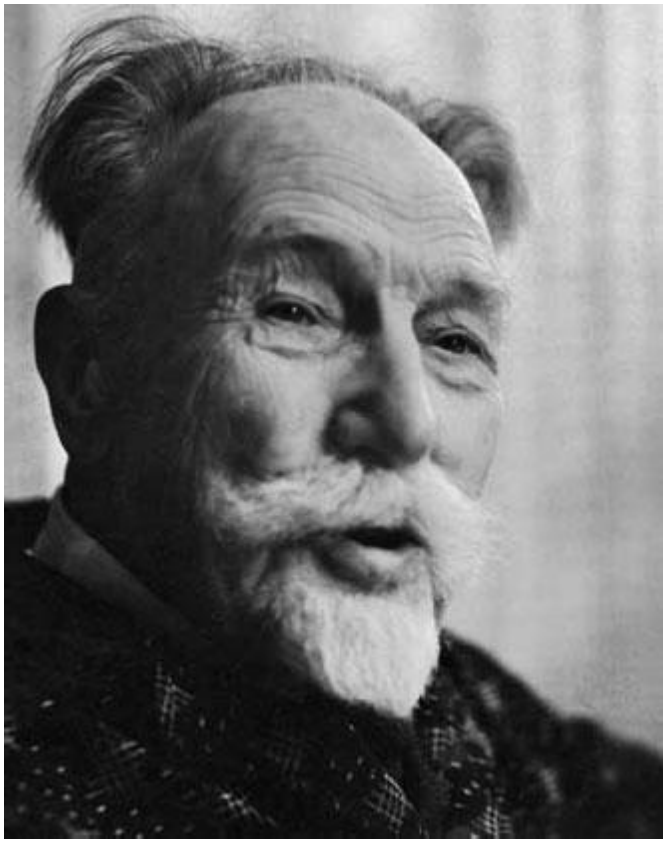
Георгий Несторович после заседания Ученого Совета в институте педиатрии (фото 1967 г.)

Георгия Несторовича часто приглашал консультировать детей профессор М. А. Жуковский ***(в центре)****. Фото середины 60-х гг.*

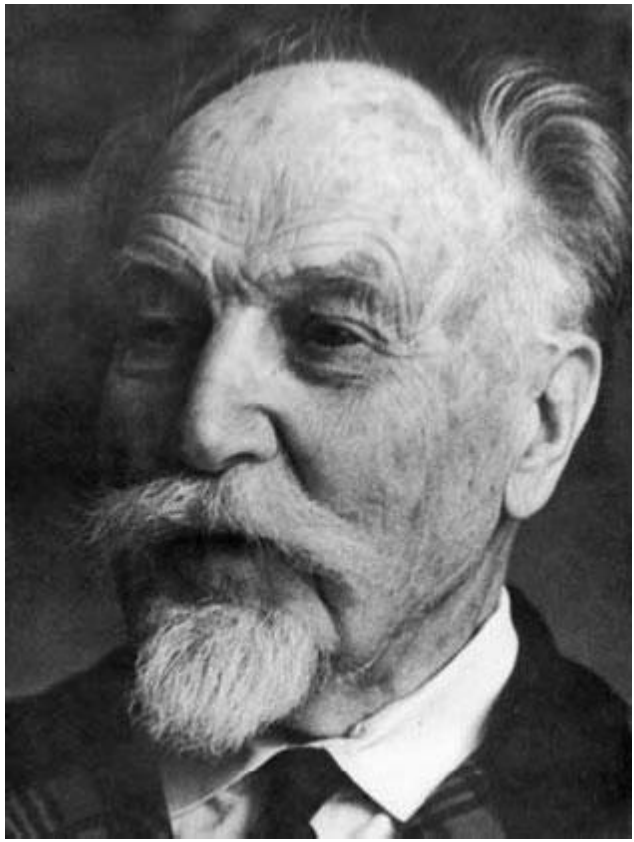
95-летний юбилей ГН. Сперанского в клинике детских болезней 1-го Московского медицинского института (1968 г.)

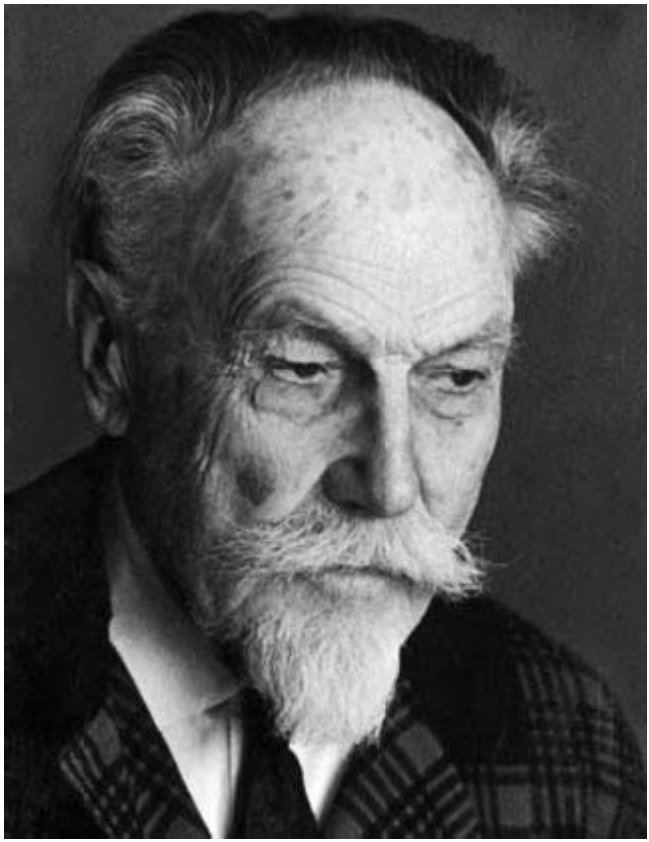
Георгий Несторович на трибуне (1968 г.)





Георгий Несторович отличался фотогеничностью, потому что перед камерой всегда держался естественно, не задумываясь о том, каким он получится на снимках





Он был очень красивым человеком, как в молодости, так и в глубокой старости, и до конца своих дней сохранил ясную голову и неповторимое обаяние мудрого человека (снимки 1965 г.)

Список цитируемых литературных источников

1. Сабашников М. В. Воспоминания. – М.: Книга, 1983. – 464 с.

2. А. В. Живаго – врач, коллекционер, египтолог. Составители: Николай Живаго, Петр Горшунов. – М.: АО «Экос», 1998. – 183 с.

3. Памяти проф. Н. Ф. Филатова (из воспоминаний проф. Г. Н. Сперанского) // Педиатрия. – 1952. – № 6. – С. 11–13.

4. Баландер А. И., Пуковская М. Я. Г. Н. СПЕРАНСКИЙ. Биографический очерк // Советская педиатрия. – 1939. – С. 11–18.

5. Власова Е. В. Домашний альбом. – М.: ИЧП «Издательство Маугли», 2002. – 116 с.

6. Филатов П. Ф. Письма изъ Персіи. Издано В. П. Филатовым. – Одесса: Типо-Литографія СИ. Христо, 1909. – 133 с.

7. Академик А. Н. Крылов. Мои воспоминания. – М.: Издательство Академии наук СССР., 1945. – *555* с.

8. Филатова В. С. Новое пособіе хозяйкам. (Домашний стол и хозяйственные заготовки). Изд. третье. – М.: «Русский Труд» Александрова, 1910. – 448 с.

9. Филатовъ Н. Ф. Клиническіе лекціи. Записаны и составлены врачами С. Васильевымъ, В. Григорьевымъ и Г. Сперанскимъ. Подъ редакціей автора. Выпуск II. – М.: Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, 1902. – 297 с.

10. Полвъка для книги. Литературно-художественный сборникъ, посвящённый пятидесятилътію издательской дъятельности И. Д. Сытина. – М.: Типографія Т-ва И. Д. Сытина, 1916. – 610 с.

11. Кайгородовъ Д. Собиратель грибовъ. – С-Петербургъ: Издательство А. С. Суворина, 1888. – 97 с.

12. Садовникъ Н. А. Александровъ. Практическое огородничество. 1901. – 225 с.

13. Дорофеевъ П. П. Какъ дешево устроить садъ и ухаживать за нимъ. Руководство по плодоводству для крестьянъ. – С-Петербургъ: Издание А. Ф. Девріена, 1906. – 83 с.

14. Физіологія ребенка и его болъзни. Ассистента Московской дътской клиники Г. Н. Сперанскаго. Популярный курсъ медицинского факультета. – М.: Книгоиздательство М. Викулова и К0, 1909. – 230 с.

15. Чумаевская О. А., Г. Н. Сперанский. – М.: Медицина, 1973. – 80 с.

16. Шаховская З. Н. Таков мой век. Пер с фр. – М.: Русский Путь, 2006. – 672 с.

17. Учебник болезней раннего детского возраста. Отв. редактор Г. Н. Сперанский. Издание 2-е исправленное. – Наркомздрав СССР., М.-Л.: Медгиз, 1938. – 512 с.

18. Сперанский Г. Н. Уход за ребёнком раннего возраста. Издание 2-е исправленное и дополненное. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1922. – 119 с.

19. Сперанский Г. Н. Уход за ребёнком раннего возраста. Издание 4-е исправленное и дополненное. – М.: Медгиз, 1929. – 139 с.

20. Сперанский Г. Н. Закаливание детского организма. Выпуск первый. – М.: Медгиз, 1934. – 16 с.

21. Сперанский Г. Н. Памятка матери. – Наркомздрав СССР., М.: Медгиз, 1938. – 40 с.

22. Сперанский Г. Н. Как укрепить здоровье ребенка летом. – Наркомздрав СССР., М.: Медгиз, 1939. – 16 с.

23. Сперанский Г. Н. Ребенок раннего возраста. Книга для родителей. – Наркомздрав СССР., М.-Л.: Медгиз, 1940. – 124 с.

24. Семпер (Соколова) Н. Н. Портреты и пейзажи // Дружба народов. – 1997. – № 2. – С. 2–97.

25. Ашнин Ф. Д. и Алпатов В. М. «Дело славистов» 30-е годы. РАН. Институт мировой литературы им. М. Горького. – М.: «Наследие», 1994. – 285 с.

26. Русская устная словесность. Былины Т. 1 и 2 / Под ред. с вводными статьями и примечаниями М. Сперанского. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. – 1038 с.

27. Сперанский М. Н. Из истории русских литературных связей. Сборник статей. М.: Учпедгиз, 1936.

28. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. – М.: Издательство Академии Наук СССР., 1963. – 165 с.

29. Бунин И. А. Окаянные дни. Горький М. Несвоевременные мысли. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 401 с. (стр. 65).

30. Ян В. Батый. – М.: Издательство «Правда», 1958. – 471 с.

31. Сперанский Г. Н. Ребёнок от рождения до школы. Центральный научно-исследовательский педиатрический институт Наркомздрава СССР., М.: Центральный институт санитарного просвещения Наркомздрава СССР., 1944. – 56 с.

32. Сперанский Г. Н. Советы матерям. М.: Институт санитарного просвещения. – 1952. – 63 с.

33. Сперанский Г. Н. Родителям о детях. М.: Институт санитарного просвещения. – 1952. – 211 с.

34. Сперанский Г. Н. Как кормить ребенка до года. – М.: Медгиз, 1955. – 22 с.

35. Сперанский Г. Н., Звягинцева С. Г., Полтева Ю. К. Питание здорового и больного ребёнка. – М.: Министерство Здравоохранения СССР., Центральный институт усовершенствования врачей. – 1959. – 71 с.

36. Сперанский Г. Н., Заблудовская Е. Д. Закаливание ребенка раннего и дошкольного возраста. – М.: Медицина, 1964. – 203 с.

37. Сперанский Г. Н. Азбука матери. – Наркомздрав СССР., М.-Л.: Медгиз, 1941. – 24 с.

38. Архангельский Б. А., Сперанский Г. Н. Мать и дитя. – М.: Медгиз, 1949. – 160 с.

39. Arhanghelschi B. A., Speranschi G. N. Mama si Copilul. – Bucuresti: «Editura de Stat pentru Literatura stintifica si didactica, 1951. – 152 pag + 54 fig.

40. Павловский Е. Н. Поэзия, наука и учёные. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР., 1958. – С. 112–120.

41. Соболев Л. Зелёный луч (повесть). Библиотека приключений. Выпуск 10. – М.: Детская литература, 1967. – 200 с.

42. Таболин В. А. Если хочешь лечить детей. – М.: Знание, 1982. – 48 с.